

Терри Пратчетт

ПАСТУШЬЯ КОРОНА

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ПЛОСКИЙ МИР»

КНИГИ
о Тиффани Болен:

**МАЛЕНЬКИЙ
СВОБОДНЫЙ НАРОДЕЦ**

•

ШЛЯПА, ПОЛНАЯ НЕБА

•

ГОСПОДИН ЗИМА

•

ПЛАТЬЕ ЦВЕТА ПОЛУНОЧИ

•

ПАСТУШЬЯ КОРОНА

Терри Пратчетт

ПАСТУШЬЯ КОРОНА

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ПЛОСКИЙ МИР»

Москва 2017

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П68

Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 2015
First published as The Shepherd's Crown
by Random House Children's Publishers, UK
The Author has asserted his right to be identified as
the author of the Work
Inside artwork © Paul Kidby, 2015 — www.paulkidby.net

Фото автора на 4-й стороне обложки:
© Marco Secchi / Gettyimages.ru

Серийное оформление *Дмитрия Сазонова*

При оформлении обложки и фронтисписа
использованы иллюстрации художника *Алексея Жижицы*

Пратчетт, Терри.

П68 Пастушья корона : роман из цикла «Плоский мир» / Терри Пратчетт ; [пер. с англ. Н. Аллунан]. — Москва : Эксмо, 2017. — 400 с. — (Терри Пратчетт. Плоский мир: ведьма Тиффани Болен).

ISBN 978-5-699-89716-2

Вы держите в руках последний роман великого Терри Пратчетта, завершающий цикл «Плоский мир». Это история о юной ведьме Тиффани Болен, внезапно оказавшейся той, кто должен беречь границы своего мира от коварных и злобных гостей извне. И это притом, что обычных ведьмовских обязанностей и забот у нее хоть отбавляй... История о том, что любой человек может сам определить свою судьбу, и о том, что сохраняет ценность во все времена, позволяя людям оставаться людьми.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-89716-2

© Аллунан Н., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2017

*Посвящается Эсмеральде Ветровоск:
лёгкой дороги!*

**Перевод некоторых слов
и выражений Нак-мак-Фиглей
с поправкой на требования приличий**

(из неоконченной на сегодняшний день книги
«Волшебные создания и как избежать встречи
с ними» г-жи Констанции Тик)

Большой Человек — предводитель клана (как правило, муж кельды).

Брос — овсянка с добавлением капельки какого-либо крепкого напитка. Или не капельки. Употреблять с осторожностью: вызывает рост волос на груди.

Бураны — покрытые густой шерстью создания, которые едят траву и блеют. Не путать с известным погодным явлением.

Верзуны — люди.

Всекарга — очень важная ведьма.

Глазья — глаза.

Гоннагл — бард клана, искусный музыкант, поэт и рассказчик.

Гюйс — очень важное обязательство, нарушить которое невозможно в силу традиций и магического подкрепления. Не пернатое.

Догробный мир — понятие, связанное с верой Фиглей в то, что они мертвы. Наш мир так прекрасен, утверждают они, что наверняка сюда после смерти попадают те, кто хорошо вёл себя при жизни. Поэтому когда кто-то из Фиглей умирает здесь, он просто возвращается к жизни в Догробном мире, который, в их представлении, является довольно скучным местом.

Заморочный — жуткий, странный, иногда — почему-то — продолговатый.

Изводиться — волноваться, переживать.

Карга — ведьма, независимо от возраста.

Карговство — всё, что делает ведьма.

Карс — большая чёрная птица, известная также как ворон.

Кельда — матриарх клана, а в преклонном возрасте — мать большинства его членов. Фигли рождаются очень маленькими, а растут быстро; в течение жизни кельда становится матерью сотен сыновей.

Нахрюкаться — меня заверили, что это означает переутюжиться.

Невтерп — невтерпёж, страстное желание чего-либо: «Чаю охота, аж невтерп».

Ой-ёи-ёи — традиционное причитание.

Особая овечья притирка — прошу прощения, но это, скорее всего, не что иное, как самогон. Никто не знает, как притирка действует на овец, но, говорят, капелька этого напитка согреет пастуха в холодную зиму, а Фигля — в любое время года. Не пытайтесь изготовить её самостоятельно.

Пискаля — слабак.

Разбредовина — чепуха, глупость.

Раскудрыть! — восклицание, которое может означать всё что угодно, от «надо же!» до «моё терпение лопнуло — спасайся кто может!».

Расхиляй — см. *угрязок*.

Слог — кожаный мешочек, носится на поясе спереди и прикрывает то, что, по мнению его хозяина, всё-таки должно быть прикрыто. Внутри хранится всякая всячина: то, что Фигль ел, но не доел; то, что он нашёл и теперь принадлежит ему; то, что он использует в качестве носового платка (возможно, ещё живое).

Старукса — женщина преклонного возраста.

Судьбонос — важное событие в жизни, которое может оказаться роковым.

Таинствия — секреты, тайны.

Тубзя — туалет.

Угрязок — бесполезный член общества.

Упарилровка — нечто вроде сауны. Встречается только в больших курганах горных кланов, где есть источники воды в достаточном для регулярных водных процедур количестве. Фигли Меловых холмов считают, что когда грязи на теле скапливается достаточно, она отваливается сама.

Ушкан — маленький пушистый зверёк с длинными ушами и круглым хвостом. Также известен как кролик. Мясо ушканов очень вкусное, особенно под улиточным соусом.

Чувырла — очень нехороший человек/зверь/другое.

Чудила — редкостно нехороший человек/зверь/другое.

Чучундра — нехороший человек/зверь/другое.

Пролог

КОРОНА ХОЛМОВ

Оно родилось во тьме Круглого моря. Сначала оно было мягкое и плавало на поверхности по воле волн. Оно нарастило себе раковину, но в непрестанно перекатывающемся, колеблющемся мире вокруг обитали огромные создания, способные с лёгкостью раскусить эту хрупкую скорлупу. Тем не менее оно выжило. Так бы и продолжалась его маленькая жизнь до тех пор, пока море или другие его обитатели не положили бы ей конец, — если бы однажды оно не очутилось в луже.

Лужа была большая, высоко на песчаном берегу. Время от времени со стороны Пупа приходили бури и пополняли её свежей водой. Оно обитало там, питаясь теми, кто был даже мельче его, и росло — росло и росло, пока не стало королём. Оно выросло бы ещё больше, но одним жарким летом солнце выпарило лужу досуха.

И маленькое создание умерло, однако панцирь его остался, и в панцире таилось зерно чего-то твёрдого и острого. Новый шторм забросил раковину на прибрежные скалы, где она и осталась лежать, перекатываясь туда-сюда вместе с мелкими камешками и прочими обломками, принесёнными бурей.

Шли века. Море уходило всё дальше и наконец высохло и отступило совсем, а покрытая шипами раковина давно мёртвого существа скрылась под напластованиями раковин других существ, таких же маленьких и мёртвых. Там она и лежала, выращивая внутри себя острую сердцевину, пока однажды её не нашёл пастух, который пас своих овец на склонах Меловых холмов, выросших на этом месте.

Заметив в земле нечто странное, пастух подобрал находку и принялся вертеть в руках, рассматривая с разных сторон. Удивительная штука, неказистая и в то же время изящная, подержать приятно. Слишком правильной формы для куска кремня, но внутри скрывается кремень. Поверхность серая, будто каменная, а из-под неё нет-нет да и блеснёт золото. Пять шипастых гребней на равном расстоянии, почти как полосы, тянутся от плоского основания к верхушке. Пастух уже видел такие штуки, но эта отличалась от них — она чуть ли не сама ему в руку прыгнула.

Он поворачивал находку так и эдак... Казалось, она хочет что-то ему сказать. Чепуха это всё, конечно, подумал он, да и пива давно пора выпить... Но странная вещица запала ему в душу. Пастух обругал себя за глупость, однако находку не выбросил, а взял показать друзьям в пивной.

— Гляньте-ка, — сказал он. — На корону смахивает.

И конечно, кто-то засмеялся и сказал:

— Корону? А на что тебе корона? Ты ведь никакой не король, Дэниел Болен!

Но пастух принёс находку домой и положил на полку в кухне. Он держал на этой полке разные вещицы, которые ему нравились.

Там она и лежала, пока не стёрлась из памяти людей и из истории.

Но Болены помнили про неё всегда и передавали из поколения в поколение.

Глава 1

ТАМ, ГДЕ ВЕТЕР

Э то был один из тех дней, которые хочется сохранить на память. Тиффани Болен стояла высоко на склоне холма над Родной фермой, и ей казалось, будто отсюда виден весь мир, до самого края. Воздух был холоден и прозрачен, как хрусталь, и резкий ветер кружил осенние листья возле ясеней, сбрасывавших старую листву, чтобы подготовиться к новой весне.

Тиффани всегда было интересно, отчего в этом месте растут деревья. Её бабушка, которую все звали матушка Болен, рассказывала, что в стародавние времена тут проходила дорога, а внизу были болота. Потому-то, говорила бабушка, люди тогда и устраивали себе жилища высоко на холмах, подальше от болот и от скотокрадов.

Возможно, эти древние люди увидели поставленные в круг огромные камни и решили поселиться рядом, потому что возле камней им было спокойнее.

А может быть, они сами и поставили эти камни. Никто не знал, откуда камни взялись. И хотя все говорили, что это глупости, люди чувствовали — лучшешний раз к каменным кругам не ходить. Просто на всякий случай. В конце концов, даже если в круге и скрывается какая-нибудь древняя тайна или сокровища, что с того толку пастуху? И пусть многие камни обрушились, кто знает — может, тот, кто под ними похоронен, не хочет, чтобы его выкапывали? Если человек мёртвый, это ещё не значит, что он не может крепко рассердиться.

Но Тиффани однажды прошла между этих камней, сложенных в форме двери, и попала в Волшебную страну, которая оказалась совсем не такой, как её описывали «Валшебные сказки для хороших детишек»¹. Тиффани знала: камни и впрямь таят опасность.

Сегодня у неё возникло ощущение, что ей непременно надо подняться к камням. Как всякая благоразумная ведьма, она носила крепкие башмаки, не признающие никаких преград, — добротные башмаки, прямо воплощение благоразумия. Но они не мешали Тиффани чувствовать под ногами её землю, слышать, что земля говорит ей. Это ощущалось как своего рода щекотка в подошвах. Сегодня щекотка возникла будто исподтишка и настойчиво потребовала внимания, позвала вверх, на холм, и Тиффани ощутила этот зов, хотя в этот момент руки её были по локоть в страдаю-

¹ Об этом рассказывается в книге «Маленький свободный народец». Тиффани тогда было девять лет. (*Примеч. перев.*)

щей коликами овце. Тиффани не знала, зачем ей идти к камням, но ведьма всегда прислушивается к тому, что может оказаться таинственным зовом. Кроме того, круги ведь служили оборонительным рубежом. Они защищали её землю от того, что могло прийти с той стороны.

Так что Тиффани не откладывая отправилась наверх. Когда она тронулась в путь, на сердце у неё было немного тревожно. Но тут, наверху, откуда открывался вид на все Меловые холмы до самого края, вдруг оказалось, что всё хорошо. Здесь всегда было хорошо. Даже теперь.

Или не всё? Тиффани с удивлением обнаружила, что не одну её сегодня потянуло подняться сюда. Она покружилась на месте, вдыхая кристально-чистый холодный воздух, прислушиваясь к голосу ветра, а сухие листья танцевали у её ног, и заметила, как поблизости мелькнула знакомая рыжая шевелюра и синяя от табуировок кожа. И когда игривая стайка листьев облепила рогатый шлем, сделанный из кроличьего черепа, из-под шлема раздалось приглушённое «Раскудрить!».

— Эт' меня кельда сюдыть заслала, позырить за каменюками, — сказал Явор Заядло.

Он озирает окрестности, стоя на скальном выступе, с таким видом, словно ожидал увидеть вражескую армию, которая могла появиться откуда угодно. Особенно из круга камней.

— И ежели эти чувырлы сызнава к нам сунутся, мы уж их встретим, — добавил он с надеждой. — Мы им показнём истинно фиглёвое гостеприимство!

Он выпрямился во весь свой шестидюймовый синеватый рост и погрозил мечом невидимому врагу.

Выглядело это, в который раз подумала Тиффани, по-настоящему устрашающе.

— Те, кто когда-то угонял здесь скот, уже давно мертвы, — сказала она, не успев прикусить язык.

А Задним Умом запоздало сообразила: «Надо было слушать внимательно. Если Джинни, жена Явора Заяadlo и кельда местного клана Фиглей, почувствовала, что тут что-то назревает, значит, беда уже в пути».

— Мертвы? И чё, мы вот тож мёртвые, — пожал плечами Явор¹.

— Увы, — вздохнула Тиффани. — В те стародавние времена люди просто умирали и не возвращались обратно, как вы.

— Они б возвернулись, ежели б у них был наш брос^{*2}, — сказал Явор Заяadlo.

— А что это? — спросила Тиффани.

— Ну, оно навроде каши. Берёшь овёс и всяко-так и, мож, мал-мал капелюху бренди или особой бураньей притирки твоей бабки.

Тиффани засмеялась, но тревога её не отпускала. «Надо поговорить с Джинни, — поняла она. — И кельда, и мои башмаки почувствовали одно и то же. Это неспроста».

¹ Нак-мак-Фигли верят, что они уже умерли, уж больно прекрасен этот мир. Ведь в нём столько возможностей от души «тыркс, морда дракс и пойло жракс» — рай для настоящих героев, да и только. (Здесь и далее, если не сказано иного, — *примечания автора.*)

² Примечания к словам, помеченным *, см. в конце книги. (*Примеч. ред.*)

Вместе они дошли до большого, поросшего травой кургана, под которым скрывалось хитроумно устроенное обиталище Фиглей. Пробравшись сквозь колючие кусты к главному входу, они застали там Джинни. Она сидела неподалёку от норы и ела бутерброд.

Бутерброд с бараниной, отметила Тиффани, ощутив лишь крохотный укол раздражения. На самом деле Фигли имели право порой забить старую овцу. Это была плата за то, что они оберегали ягнят, которые вечно норовят сделать то, что ягнята умеют лучше всего — потеряться и погибнуть. На Меловых холмах потерявшиеся ягнята возвращались в стадо с удивительной быстротой, даже не перебирая ногами (ведь под каждой из ног скрывалось по Фиглю) и порой задом наперёд. А ещё Фигли очень любили гонять от ягнят воронов. Фиглей вообще хлебом не корми — дай подраться.

Кельда должна хорошо питаться, ведь она единственная женщина в клане Нак-мак-Фиглей, и сыновей ей приходится рожать пачками¹ — не считая одной-единственной дочери, конечно. Каждый раз, когда Тиффани видела Джинни, она замечала, что кельда становится чуть шире и круглее. Кельде требовались обширные бедра, чтобы справиться с её нелёгкой задачей, и сейчас Джинни старательно добавляла им обширности, поедая чуть ли не целую баранью ногу, уложенную между двумя ломтями хлеба, — непростое дело для существа всего шести дюймов роста. Чем старше и мудрее становилась кельда Джинни, тем

¹ Почти в буквальном смысле — кельда обычно рождает по семь сыновей зараз. Дочку Джинни родила вскоре после свадьбы.

меньше к тому месту, где на ней держался килт, подходило слово «талиа». Теперь это был скорее экватор.

Юные Фигли пасли улиток и дрались. Словно мячики, они с разбегу отскакивали друг от друга, от склонов холма и порой даже от собственной пятки, когда умудрялись заехать себе в лоб. Тиффани внушала им священный ужас — для них она была чем-то вроде кельды. Завидев её, молодёжь прекратила драться и взволнованно уставилась на Тиффани.

— Ну кыкс, ребя, стройсь! Показните нашей карге, чему вы научились! — скомандовала Джинни с материнской гордостью, слизнув с губ потёки бараньего жира.

«О нет, — испугалась Тиффани. — Что ещё они собираются показать? Надеюсь, это не связано с улитками...»

Но Джинни сказала:

— А ну, расскажите карге нашу Абвуку! Ты первый, Чуть-малей-чем-мал-Джок Джок!

Крайний в шеренге юный Фигль почесал спог, вытряхнув оттуда небольшого жука. Тиффани давно заметила, что спог Фиглей, похоже, чешутся непрерывно. Должно быть, потому, что некоторая часть их содержимого бывает ещё жива.

Чуть-малей-чем-мал-Джок Джок нервно сглотнул.

— А — эт' аружие! — выкрикнул он. И хвастливо добавил: — Чтоб балду снести, знатца.

— Б — эт' башмакс! — рывкнул следующий Фигль, пытаясь отряхнуть с килта какую-то липкую пакость — должно быть, улиточью слизь. — Чтоб балду напинать!

— В — эт' вертел! Мы тыкс мечи зовём. И... вот я ща как дам те люлей, бушь знать, как мя вертелом тычить! — И третий Фигль набросился с кулаками на своего соседа.

Сцепившись, юные Фигли укатились в заросли колючих кустов, обронив что-то жетоватое, узкое, круто изогнутое. Явор Заядло проворно подобрал упавшее и попытался спрятать за спину.

Тиффани прищурилась. Предмет подозрительно напоминал... Да это же обрезок ногтя! С большого пальца ноги, судя по всему.

Явор шаркнул ножкой:

— Ну дыкс ты ж стригёшь эти загогули с ноготв всяких пожилых господарей почёмздры, а загогули валяются, знатца, прям токо и ждут, пока их хто-нить подберёт. Они ж крепкие, как кохти.

— Ну, ногти и когти в каком-то смысле одно и... — начала Тиффани, но прикусила язык.

В конце концов, кто знает, может, старик вроде господина Нимлета и порадовался бы, узнав, что его ногти по-прежнему кого-то царапают, когда он сам уже не может встать со стула без посторонней помощи.

Кельда между тем отвела её в сторонку и сказала:

— Эта земля хранит в себе твоё имище — Тирвар-фойн, «Земля под волной». Земля грит с тобой. А ты гришь с нею?

— Да, — сказала Тиффани. — Правда, только время от времени. Но я прислушиваюсь к ней, Джинни.

— Не каждый день? — уточнила кельда.

— Нет, не каждый. Всё дела, дела...

— Я знаю, — сказала Джинни. — Я ведь за тобой призываю, сама понимаешь. Я гляжу за тобой в своей голове, а порой гляжу, как ты вжухаешь на метле над моей головой. И ты ж уж давно вусмерть замоталась. Памятай об этом.

Тиффани вздохнула. Она и правда до смерти устала. Всякая ведьма, которой не чуждо сострадание, ходит по домам. Вот почему она и другие ведьмы постоянно старались помочь, старались заполнить брешь в этом мире: поднести дров, поставить похлёбку на огонь, приготовить из трав лекарство для тех, кого мучает боль в ноге или ещё где, поделиться корзинкой «лишних» яиц или чистой ношеной одеждой для новорождённого с семьёй, где деньги водятся редко. И слушать — всегда слушать, как люди рассказывают о своих бедах и горестях. А эти ногти, особенно на ногах... Ох уж эти ногти. Крепкие, прямо как камень. А если у старика совсем не осталось друзей, готовых ему помочь, его ногти отрастают так, что завиваются внутри башмаков.

А в награду за все труды — только новые труды. Тому, кто выкопал самую большую яму, выдают самую большую лопату...

— Но сегодня, Джинни, — медленно проговорила Тиффани, — я всё-таки прислушалась к земле. И она сказала мне, что надо сходить к камням...

Невысказанный вопрос повис в воздухе.

Кельда вздохнула.

— Я куда вижу всё токо смутно, но что-то... что-то не так, Тиффан, — сказала она. — Завесь между нашими мирами тонка, и прорвать её легко, ты ведь

знаешь. Покуда камни стоят, проход перекрыт, а Королева эльфей всё не наберётся сил, послы того, как ты её прогнала из нашего мира. Навряд ли ей достанет духу снова пойти поперёк тебя, но... мне тревожно. Я чувствую что-то, будто туман на нас наплывает...

Тиффани прикусила губу. Она знала: если кельда ощутила тревогу, это очень веская причина и самой встревожиться.

— Ты не изводишь, — мягко добавила кельда, внимательно наблюдая за ней. — Ежели тебе понадобятся Фигли, они придут. А до той поры мы за тобой прижизним. — Она дожевала остатки своего гигантского бутерброда и вдруг сменила тему: — У тебя вроде дружок есть, Престоном ты его кличешь. Часто вы видите, а? — Взгляд Джинни сделался прицельным и резким, как взмах боевого топора.

— Ну, — проговорила Тиффани, — у него много работы, да и у меня тоже. У него — в больнице, у меня — в холмах.

К своему ужасу, она почувствовала, что краснеет. Это был такой румянец, который начинается где-то внизу, чуть ли не в пальцах ног, и медленно поднимается до самой макушки, пока ты вся не станешь красная, как помидор.

Ну как так можно! Она ведь не деревенская простушка, которая завела ухажёра. Она ведьма!

— Мы пишем друг другу, — добавила Тиффани тихонько.

— И всё? Думаешь, писем довольно?

Тиффани сглотнула комочек в горле. Когда-то она думала — и все думали, — что они с Престоном По-

нимают Друг Друга. Он был образованным юношей и учил детей в школе, которую с недавнего времени открыли в старом амбаре Боленов. А потом он накопил достаточно денег и отправился в большой город, чтобы стать врачом. И все по-прежнему считали, что они Понимают Друг Друга, даже сами Тиффани с Престоном так считали. Вот только... делала ли она то, чего все от неё ожидали?

— Он очень хороший, рассказывает такие смешные истории и умеет обращаться со словами, — попыталась объяснить Тиффани. — Но... мы любим нашу работу. Можно сказать, что мы и есть наша работа. У Престона очень много дел в Бесплатной больнице леди Сибиллы. А я всё думаю, думаю о матушке Болен — ей так нравилось жить самой по себе на высоком пастбище, где с ней были только собаки, Гром и Молния, и... — Она умолкла, потому что Джинни положила свою коричневую, как орех, ладошку ей на руку.

— Думаешь, так оно и надо жить, милая?

— Ну, мне нравится помогать людям...

— Но кто тебе подмогнёт? Я токо и вижу, как твоё помело повсюду вжихает, да так быстро, что чуть не искрит. Ты по-за всеми приглядываешь — а кто за тобой пригляднёт? Ежли уж Престон далёко, так ведь есть ещё твой друг барон с супружницей. Им-то уж не всё равно до своих людей. Так не всё равно, что и подмогнут, ежли надо.

— Им не всё равно, — сказала Тиффани, с содроганием вспомнив, что было время, когда считалось, что они Понимают Друг Друга с Роландом, нынешним бароном.

Ну почему всем так приспичило найти ей мужа? Неужели она сама не сможет его найти, если вдруг понадобится?

— Роланд очень порядочный человек, хотя и не настолько хороший барон, каким к концу жизни стал его отец. А Летиция...

Летиция, подумала она. И Тиффани, и Летиция знали, что у Летиции есть способности к магии, но сейчас ей было не до того — она играла роль молодой баронессы. И у неё это отлично получалось. Тиффани всерьёз опасалась, что Летиция решит ограничиться обязанностями баронессы и не брать на себя ещё и ведьмовские хлопоты. В конце концов, быть баронессой — это ведь куда менее пыльная работа.

— Ты уж сделала столько, что кто другой бы и не поверил, — продолжала Джинни.

— Ну, ещё многое надо сделать, а рук не хватает, — ответила Тиффани.

Тут кельда улыбнулась ей странной улыбкой. И сказала:

— А ты знать-то даёшь кому, что тебе ещё руки нужны? Ты небось трусишься попросить, чтоб тебе помог кто. Гордость, милая, дело хорошее, да токо со временем она тебя добьёт вусмерть.

Тиффани рассмеялась:

— Джинни, ты всегда права. Но я ведьма, а у ведьм гордость в крови.

Ей вспомнилась матушка Ветровоск — ведьма, которую все остальные ведьмы считали самой мудрой и самой главной среди них. Матушка никогда не говорила ничего с гордостью, но ей и не требовалось. Гор-

дость была частью её естества, и это всегда чувствовалось. На самом деле все качества, которые должны быть присущи настоящей ведьме, у матушки имелись в таком количестве, что хоть лопатой гребь. Тиффани надеялась, что когда-нибудь и она сама станет такой же могущественной ведьмой.

— От и славно, что оно так, — сказала кельда. — Ты — наша карга холмов, и нам надо, чтоб у нашей карги доставало гордости. Но ещё нам надо, чтоб у тебя и своя жисть была, для себя самой. Так что ступай себе и иди за ветром вслед: куда он дует — туда и ты.

Внизу, на равнинах Графств, ветер дул зло и яростно, будто что-то раздосадовало его до крайности, он забирался в каждую щель и завывал в дымоходах родового поместья лорда Вертлюга. Поместье стояло посреди раскинувшегося на много акров парка, и путь к его крыльцу пролегал по длинной подъездной аллее — что не позволяло приблизиться к дому тем гостям, у кого не было по крайней мере приличной лошади.

Это в полной мере относилось к окрестным жителям, в большинстве своём фермерам, которые не могли похвастаться избытком свободного времени для таких долгих поездок. Их лошади были большими и мохноногими и обычно к ним прилагались телеги. Поджарые, немного чокнутые лошади, которые гарцевали по аллее или тянули коляски к крыльцу господского дома, принадлежали, как правило, совсем другим людям — тем, у кого большие земельные угодья

и большие деньги, но зачастую очень маленький подбородок. И жена под стать лошади.

Лорд Вертлюг унаследовал деньги и титул от своего отца, который был выдающимся архитектором, но при этом ещё и пьяницей и потому спустил на ветер почти всё¹. Однако молодой Гарольд Вертлюг старался как мог, крутился и вертелся и в конце концов восстановил семейное состояние. Он даже пристроил два новых крыла к усадьбе и наполнил дом баснословно дорогими и уродливыми произведениями искусства.

У него было три сына, и лорд Вертлюг был чрезвычайно доволен тем обстоятельством, что жена родила ему не только наследника и запасного наследника на случай, если что-нибудь случится с первым, но и третьего, совсем уж запасного*. Лорду Вертлюгу нравилось превосходить других людей во всём, даже если это превосходство выражалось в наличии сына, которым лорд до поры до времени не особенно интересовался.

Старший сын, Гарри, не слишком долго ходил в школу, потому что рано начал помогать отцу в управлении поместьем и теперь постигал, кто достоин разговаривать с ним, а кто нет.

Номером вторым шёл Хью. Он выразил желание пойти в священнослужители. Отец ему на это сказал:

¹ Сам отец лорда Вертлюга считал, что деньги он тратит с толком, ведь он получал огромное удовольствие, пропивая семейное состояние. По крайней мере, он считал так до того дня, когда выпил слишком много, упал и в результате на много раньше положенного встретился с одним господином, отличавшимся заметным недостатком плоти на костях и не менее заметным наличием косы.

— Можешь стать священником, но только в церкви Ома и никакой другой. Я не потерплю, чтобы мой сын морочил себе голову всякими культами!¹

Ом был молчаливым богом, что было очень удобно, поскольку позволяло священникам толковать его желания по своему усмотрению. И как ни странно, Ом никогда не требовал: «Накорми бедных» или «Поддержи стариков», зато настаивал: «Тебе нужно богатое поместье!» и «Почему бы не устроить ужин из семи блюд?». Поэтому лорд Вертлюг считал, что служитель такого бога в семье мог бы очень пригодиться.

Третьего сына звали Джеффри. Никто и понятия не имел, что из Джеффри вырастет. А меньше всех понимал это сам Джеффри.

Лорд Вертлюг нанял сыновьям учителя по фамилии Виггал. Старшие чуть ли не в глаза звали его Фингалом, но для Джеффри господин Виггал был посланцем небес. Учитель привёз с собой целый ящик книг — он хорошо знал, что в огромных поместьях, как правило, не сыщешь ни одной книги, если не считать описания какой-нибудь древней битвы, где кто-то из хозяйских предков блеснул глупостью и героизмом. Господин Виггал и его потрясающие книги поведали Джеффри о таких великих философах, как Лай Тинь Видль, Оринжкрат, Зенон и Ибид, и о таких великих изобретателях, как Златоглаз Сереброрук Дактилос

¹ Лорд Вертлюг знал, что требования богов могут причинять некоторые неудобства. У него был знакомый, который решил стать жрецом бога-крокодила Оффлёра и обнаружил, что ему придётся содержать вольер с птицами-зубочистками, чтобы удовлетворять стоматологические прихоти его бога.

и Леонард Шеботанский*. И постепенно Джеффри начал понимать, кем он вырастет.

Иногда вместо уроков и чтения господин Виггал брал Джеффри с собой копаться в земле — в поисках старых костей и старых домов. Они путешествовали по окрестностям, и учитель рассказывал Джеффри об устройстве Вселенной такие вещи, каких мальчик и вообразить не мог. Чем больше Джеффри узнавал, тем больше он жаждал знаний, тем больше ему хотелось узнать всё о Великом А'Туине и землях за пределами Графств.

— Простите, сэр, — обратился он как-то к наставнику, — как вы стали учителем?

Господин Виггал рассмеялся и ответил:

— Один человек научил меня, вот и всё. Так оно и происходит. И он дал мне книгу, а потом я уж сам стал читать всё, до чего мог дотянуться. Вот прямо как вы, молодой господин. Я заметил, вы читаете всё время, не только на уроках.

Джеффри знал, что отец относился к учителю с презрением, но мать настояла, что учитель нужен. Пусть Джеффри учится, сказала она, у мальчика светлая голова.

Отец глумливо усмехнулся:

— По-моему, голова у него вся чёрная от грязи, в которой он копается. А в голове — одни покойники. И вообще, какая разница, где находится Четыре-Икса? Кому взбредёт в голову поехать туда?¹

¹ И правда, никому. Зато многие приезжают оттуда, как и из многих других Захолустьев-О-Которых-Никто-Не-Слышал. Просто эти люди редко возвращаются обратно.

У матери был усталый вид, но она продолжала заступаться за Джеффри:

— Мальчику хорошо даётся чтение, и господин Виггал научил его трём языкам. Джеффри даже немного говорит по-оффлиански.

Отец только фыркнул:

— Какой с того прок? Разве что он решит стать зубным лекарем! И вообще, зачем учить языки? В наше время весь мир уже говорит по-анк-морпоркски.

Но мать сказала Джеффри:

— Читай, мой мальчик. Чтение выведет тебя в люди. Знания — ключ ко всему.

Вскоре после этого лорд Вертлюг выгнал учителя, сказав:

— Чепуха это всё! Что-то не похоже, что из Джеффри выйдет толк. Куда ему до братьев!

Стены дома имели особенность: они подхватывали звук и разносили его по всем комнатам, поэтому Джеффри слышал эти слова. И подумал: «Не знаю, кем я стану, но кем я точно не хочу становиться — так это таким человеком, как мой отец».

Когда учитель уехал, Джеффри принялся бродить по окрестностям, узнавая новое, и много времени проводил в обществе Мактавиша, младшего конюха. Мактавиш был стар как мир, но почему-то оставался для всех младшим конюхом, и обращались к нему просто: «Эй, парень!» Он знал голоса всех птиц на свете и умел им подражать.

Мактавиш был с Джеффри, когда мальчик нашёл Мефистофеля*. Одна старая коза принесла приплод. Два козлёнка родились крепкие и здоровые, а третий,

несчастный недомерок, лежал в соломе, отвергнутый матерью.

— Я попробую спасти этого козлёнка, — заявил Джеффри.

И целую ночь не смыкал глаз, выдаивая по капле молоко у козы и давая малышу слизывать его с пальца, пока наконец под утро козлёнок не уснул у него под боком в разворошённом тюке сена, где они пытались согреться.

«Он такой крохотный, — думал Джеффри, глядя на щёлочки закрытых глаз козлёнка. — Я должен дать ему шанс».

Козлёнок воспользовался этим шансом и вырос в сильного молодого козлика, бодливого и брыкливого, как чёрт. Он ходил за Джеффри повсюду, и если ему казалось, что кто-то хочет обидеть хозяина, он тут же наставлял на противника острые рожки. А поскольку козлик подозревал врага чуть ли не в каждом встречном, очень многим слугам и гостям доводилось проявлять благоразумие и галопом скакать прочь, завидев нацеленные на них козлиные рога.

— Почему ты назвал этого чокнутого козла Мефистофелем? — спросил Мактавиш.

— Я вычитал это имя в книге¹, — ответил Джеффри. — По-моему, отличная кличка для козла.

Джеффри рос, постепенно превращаясь из мальчика в юношу, а потом и в молодого человека, но всё

¹ Что лишний раз доказывает: в книгах можно почерпнуть много полезного. Например, подходящую кличку для умного и жутко вредного козлика.

время благоразумно старался пореже попадаться отцу на глаза.

Однажды Мактавиш оседлал для него лошадь, и они вместе отправились в поля на самой границе владений лорда Вертлюга. Там они спешили и тихонько пробрались в лес, где жили лисы. Они уже не раз приходили сюда посмотреть, как лиса играет со своими лисятами.

— Вон как веселятся, любо-дорого глядеть, — прошептал Мактавиш. — Мама-лиса ест и кормит лисят. Но как по мне, лучше б они не так налегали на моих цыплят. Они убивают нашу птицу, а мы убиваем их. Так оно и идёт.

— Так не должно быть, — серьёзно проговорил Джеффри, всей душой сочувствуя лисе.

— Но нам нужно защищать наших кур, — сказал Мактавиш. — Я привёл вас сюда потому, что скоро ваш отец захочет, чтобы вы ездили на охоту вместе с ним. Может, вот на эту самую лису и будете охотиться.

— Понятно, — сказал Джеффри.

Про охоту на лис он, конечно, знал. Его с самого детства заставляли смотреть на выезд охотников.

— Мы должны защитить курятники, а мир может быть жесток и безжалостен. Но превращать это в игру — неправильно. Это ужасно! Настоящее истребление. Неужели обязательно всех убивать? Неужели обязательно убивать мать, которая кормит своих малышей? Мы берём так много и не даём взамен ничего. — Он встал и пошёл обратно к своей лошади. — Я не хочу охотиться, Мактавиш. Честное слово,

я не любитель ненавидеть, я даже собственного отца не ненавижу, но охота — такое дело, которое я бы с удовольствием засунул в тёмный ящик и заколотил гвоздями.

Мактавиш встревожился:

— Были б вы поосторожней, господин Джеффри. Знаете ж своего батюшку. Он малость упёртый.

— Мой отец не упёртый. Он сам что хочешь упрёт, — с горечью сказал Джеффри.

— Ну, тогда, может, вы поговорите с ним или ма-тушка ваша поговорит? Так, мол, и так, не готовы вы пока охотиться, — предложил Мактавиш.

— Без толку, — сказал Джеффри. — Если уж он что вбил себе в голову, его не переубедишь. Я иногда слышу, как мать плачет. Она старается, чтобы её никто не видел в такие минуты, но я знаю — она плачет.

Вот тогда-то он поднял глаза, увидел парящего в небе ястреба и подумал: «Свобода... Всё, чего я хочу, — это свободы».

— Как бы я хотел уметь летать, Мактавиш, — вздохнул он. — Как птицы... Как Бекар...¹

И почти сразу же он увидел, как по небу, вслед за ястребом, пронеслась ведьма. Джеффри вскинул руку и показал на помело:

¹ Легенда о Летале и его сыне Бекаре*, которые мечтали летать как птицы, была известна всякому образованному юноше. Эти двое сшили себе крылья из птичьих перьев и семян чертополоха. Мальчик-то немного пролетел, а его старый и толстый отец рухнул сразу же. Мораль истории такова: хорошенько подумай, прежде чем браться за дело.

— Хочу такое! Хочу быть ведьмой.

Но старик покачал головой и сказал:

— Это не про вас, мальчик мой. Всякий знает: мужчина ведьмой быть не может.

— Но почему? — спросил Джеффри.

Старик пожал плечами и сказал:

— А вот этого никто не знает.

А Джеффри ответил:

— Я хочу знать.

В день своей первой охоты Джеффри выехал рысью вместе со всеми, бледный, но решительный. «Сегодня я должен постоять за себя», — подумал он.

Вскоре местные аристократы уже мчались галопом через поля и леса. Особо отчаянные даже перемахивали через канавы, изгороди или ворота, причём некоторые, преодолевая препятствия, оставляли коней позади. Джеффри старательно держался в задних рядах, пока наконец не улучил возможность незаметно отделиться и улизнуть. Он поехал назад через лес по широкой дуге. Сердце его обливалось кровью, особенно когда лай собак сменился радостным визгом — это означало, что кто-то подстрелил зверя.

Потом настало время возвращаться домой. Все пребывали в той счастливой стадии, когда слово «завтра» ещё что-то значит, но в руке у тебя уже дымится кружка с горячим питьём, щедро сдобренным чем-нибудь, не слишком отличающимся от особой овечьей притирки, которую готовила бабушка Тиффани. Награда для вернувшихся героев! Они побывали на охоте и выжили. Уррра! Охотники пили и прихлёбы-

вали, проливая питьё на свои отсутствующие подбродки.

Но лорд Вертлюг посмотрел на лошадь своего сына Джеффри — единственную лошадь, которая не блестяла от пота и чьи бабки не были забрызганы грязью, — и пришёл в ярость.

Братья держали Джеффри, а мать смотрела на отца с мольбой, но лорда ничто не могло смягчить. Мать отвернулась, когда отец мазнул по лицу Джеффри лисьей кровью.

Лорд Вертлюг чуть не лопался от злости.

— Где ты был? Ты должен был быть с нами, когда мы прикончили лису! — ревел он. — Ты у меня будешь охотиться, молодой человек, ты у меня полюбишь охоту! Я охотился с юных лет, и мой отец тоже, и его отец! Это традиция. Традиция, понимаешь ты? Каждый мужчина в нашем роду в твоём возрасте уже отведал крови! Кто ты такой, чтобы говорить, будто это неправильно? Позор на мою голову!

Вот тогда-то он и ударил сына по лицу свежесодранной лисьей шкурой.

Джеффри стоял, и кровь лисицы стекала по его щеке. Он посмотрел на мать:

— Эта лиса была прекрасным созданием! Зачем понадобилось её убивать? Забавы ради?

— Пожалуйста, не зли отца! — взмолилась мать.

— Я ходил в лес смотреть на них, а вы на них просто охотитесь. Разве лиса годится в пищу? Нет. Мы чудовища. Мы, бесшабашные, охотимся и убиваем животных, которых не можем съесть*. Просто ради забавы.

Вжих!

Было больно. Но Джеффри вдруг ощутил, что его переполняет... что? Это было удивительное чувство — чувство, что он может всё исправить. И он сказал себе: «Я сделаю это. Я смогу. Уверен, что смогу!» Он выпрямился во весь рост и высвободился из хватки братьев.

— Я должен поблагодарить вас, отец, — произнёс он с достоинством и решимостью, которых никто от него не ждал. — Сегодня я постиг важный урок. Но я не позволю вам ударить меня снова. Никогда. Больше вы меня не увидите, если только не изменитесь. Вы поняли меня? — продолжал он очень официальным тоном.

Гарри и Хью уставились на Джеффри почти что с ужасом и стали ждать взрыва. А прочие охотники, которые прежде расступились, чтобы дать лорду Вертлюгу возможность разобраться с сыном, перестали притворяться, будто не смотрят на них. Устоявшийся мир охоты пошатнулся, воздух заledenел и, казалось, замер в ожидании.

В звенящей тишине Джеффри отвёл свою лошадь в конюшню, оставив лорда стоять посреди двора, будто каменное изваяние.

Джеффри дал лошади сена, расседлал её и снял с неё уздечку. Когда он чистил коня, подошёл Мактавиш и сказал:

— Вы молодец, юный Джеффри. — А потом с неожиданной прямоотой тихо добавил: — Вы сумели постоять за себя, это уж как пить дать. Правильно. Не давайте старому ублюдку измываться над вами.

— За такие слова мой отец может тебя выгнать, — предостерег Джеффри. — А тебе ведь здесь нравится, верно?

— Ну, тут вы правы, староват я, пожалуй, чтоб заново начинать, — согласился Мактавиш. — Но вы постояли за себя, и никто не мог бы постоять лучше, помяните моё слово. Наверное, теперь вы нас покинете, юный господин?

— К сожалению, да, — признал Джеффри. — Но спасибо тебе, Мактавиш. Надеюсь, мой отец не накажет тебя уже за то, что ты со мной сейчас говоришь.

И тогда самый старый младший конюх в мире сказал:

— Он не выгонит меня отсюда, нет, нипочём не выгонит, куда от меня какой-никакой толк имеется. Да и вообще, за столько-то лет я уж его изучил. Он ведь что твой вулкан, точь-в-точь. Плюёт огнём куда ни попадя, взрывается, и раскалённые камни летают так, что спасайся кто может, но рано или поздно утихомирится. Кто поумней, просто держится подальше до поры, чтоб на глаза не попадаться. Вы были очень добры и любезны со мной, господин Джеффри. Думаю, вы в матушку свою пошли. Прекрасная женщина, золотое сердце, и так помогла мне, когда моя Молли-то умирала. Я помню. И вас я тоже запомню.

— Спасибо, — сказал Джеффри. — Я тоже буду помнить тебя.

Мактавиш раскурил гигантских размеров трубку, и по конюшне поплыл дым.

— Я так понимаю, вы и своего чокнутого козла с собой прихватить решили?

— Да, — кивнул Джеффри. — Хотя вряд ли тут от меня что-то зависит — как Мефистофель решит, так и будет. Он всегда всё решает сам.

Мактавиш искоса посмотрел на него:

— А есть у вас еда на дорогу, а, господин Джеффри? А деньги? В дом-то вы небось не пойдёте уже. Давайте-ка я одолжу вам немного из своих до тех пор, пока вы не обустроитесь на новом месте.

— Нет! — воскликнул Джеффри. — И речи быть не может!

— Я вам друг, господин мой Джеффри. Я ведь говорил, ваша матушка была добра ко мне, и я перед ней в большом долгу. Вы уж заглядывайте повидать её как-нибудь. И когда будете тут, не забудьте навестить и старого Мактавиша, вот и всё.

Джеффри сходил за Мефистофелем и запряг его в маленькую тележку, которую Мактавиш когда-то смастерил специально для козлика. Сложив в тележку то небольшое, что мог взять с собой, Джеффри подхватил вожжи, щёлкнул языком, и они выехали с конного двора.

Когда изящные копытца козлика поцокали прочь по дорожке, Мактавиш пробормотал себе под нос:

— Вот как парню это удаётся, а? Эта треклятая скотина норовит залягать любого, кто к ней сунется. Но только не Джеффри.

Если бы Джеффри обернулся, он бы увидел, что мать смотрит ему вслед со слезами и мольбой, а отец по-прежнему стоит посреди двора, потрясённый непослушанием. Братья хотели было кинуться за Джеффри, но гневный взгляд отца их остановил.

Вот так Джеффри и его козёл отправились навстречу новой жизни. «Теперь, — подумал юноша, одолевая первый из многочисленных изгибов подъездной аллеи, — мне некуда идти».

Но ветер шепнул: «Ланкр».

А в Ланкре у матушки Ветровоск день тоже выдался не из лучших. Юный дровосек, работавший на вырубке выше в Овцепикских горах, едва не отхватил себе топором ступню. А местный Игорь, как назло, отлучился, и некому было пришить ступню обратно. Когда матушка прилетела на своей капризной и трясучей метле в лагерь дровосеков, оказалось, что дела парня даже хуже, чем она думала. Он храбрился, чтоб не ударить в грязь лицом перед приятелями, которые обступили его и пытались ободрить, но матушка по глазам видела, что ему очень больно.

Пока она осматривала раненого, он принялся кричать и звать маму.

— Эй, ты, — сказала матушка Ветровоск, устремив свой пронзительный взгляд на одного из дровосеков. — Знаешь, где живёт его семья?

Парень испуганно кивнул — ведьмовская остроконечная шляпа часто нагоняет страх на молодых людей.

— Тогда ступай, — сказала ведьма. — Бегом! Скажи матери, что я доставлю её сына домой, а она пусть согреет воды и приготовит чистую постель. Только чтоб чистую!

Когда гонец умчался, матушка оглядела оставшихся молодых дровосеков, столпившихся вокруг раненого и смущённо переминавшихся с ноги на ногу.

— Теперь вы. Хватит топтаться без толку. У вас здесь полно дерева, сделайте носилки, чтобы я могла отвезти вашего приятеля домой.

Стопа несчастного парнишки болталась едва ли не на ниточке, а его башмак был полон крови. Матушка стиснула зубы. Ей понадобилось всё, чему она научилась за долгие годы, чтобы тихонько, мягко вытянуть из парня боль и забрать себе — до тех пор, когда её можно будет выпустить.

Его лицо разгладилось и ожило, в глаза вернулся блеск. И пока матушка промывала и зашивала рану, парнишка болтал с ней так, будто они старые знакомые. Она спокойным, весёлым голосом поясняла, что сейчас делает, а закончив, дала ему «ложечку микстуры», как она выразилась. Когда дровосеки вернулись с грубо сколоченными носилками, парень сонно рассказывал матушке, как добраться до его дома. Им, должно быть, показалось, что он снова почти как новенький.

Жилища дровосеков высоко в горах часто и домами-то назвать язык не поворачивается — убогие лачуги, да и только. Как оказалось, раненый парнишка — а звали его Джек Эббот — жил с матерью в одной из таких лачуг. Хижина держалась больше на честном слове, чем на гвоздях, и когда матушка Ветровоск приземлилась рядом (носилки были привязаны к её метле снизу), она нахмурилась. Вряд ли парня удастся как следует выходить в таком-то домишке.

Из хижины выскочила мать и бестолково засуетилась вокруг, а дровосек, которого матушка прислала к ней с вестью, помог занести носилки внутрь. Мать

раненого успела заранее застелить старый соломенный тюфяк одеялами, и они положили парня на него.

— Лежи здесь и не вздумай вставать! — тихо наказала матушка.

Госпожа Эббот, обезумев от ужаса, ломала руки и лопотала что-то насчёт платы.

— Никакой платы не требуется, госпожа, — сказала ей матушка. — Ведьмы денег не берут. Через несколько дней я загляну навестить твоего сына, а если не смогу, пошли за госпожой Ягг. Знаю я этих мальчишек, он наверняка вскоре захочет встать и заняться делом, но ты запомни: пока что он должен лежать в постели.

Мать уставилась на неё во все глаза и выпалила:

— Ох, огромное вам спасибо, госпожа, э-э... Понимаете, мне раньше не приходилось к ведьмам обращаться, а некоторые тут говорят, что ведьмы творят просто жуткие вещи. Так вот, теперь я им скажу, что ничего такого не видела!

— Правда? — сказала матушка, с трудом сдерживая гнев. — А я бы не прочь сотворить кое-что жуткое с бригадиром дровосеков — за то, что не приглядывал за мальчишками. Если он появится и будет говорить, что твоему сыну пора за работу, гони его прочь, пока я сама не разрешу мальчику вставать. А если будет настаивать, скажи, что матушка Ветровоск придёт по его душу за то, что гоняет на вырубку мальчишек, которые и лазать-то по деревьям толком не умеют. Я добрая ведьма, так уж вышло, но если я увижу, что твой сын принялся за работу прежде, чем нога зажила, уж я кому-то это попомню!

Женщина вышла проводить матушку на крыльцо и сказала на прощание:

— Я буду молить Ома за вас, госпожа Ветровоск!

— Пфф, очень меня волнует, что он там себе думает, — фыркнула матушка. — Но если у тебя найдётся старая ненужная одежда, я бы забрала в следующий раз. Вот это будет хорошая услуга. Я загляну к вам через день-другой. И смотри, держи рану в чистоте!

Матушкина белая кошка по имени Эй ждала её у дома. Там же ожидали и несколько страждущих, которым требовались снадобья и припарки. Один или двое пришли спросить совета, но обычно люди ни о чём не спрашивали матушку Ветровоск, поскольку она и так раздавала мудрые советы налево и направо, не интересуясь, хотят ли люди их получить. К примеру, она советовала не давать малышу Джонни самодельных солдатиков до тех пор, пока он не подрастёт достаточно, чтобы не засовывать их в нос, и прочее в том же духе.

Матушка провела около часа, раздавая снадобья, и только потом поняла, что кошку-то она накормила, а вот сама, похоже, ничего не ела и не пила с самого рассвета. Она разогрела себе похлёбки — не ахти какая еда, но чтобы насытиться, сойдёт.

Потом ненадолго прилегла, хоть и считала, что спать днём могут только разные там высокородные дамы. Поэтому матушка прилегла не на часок, а на минутку — на минутке особенно не разоспишься. В конце концов, всегда есть дома, которые надо обойти, и дела, которые надо сделать.

Она заставила себя встать и, хотя было уже поздно, отправилась мыть уборную. Она тёрла и тёрла доски щёткой, пока не увидела там своего отражения.

Но так вышло, что отражение поймало её взгляд. И тогда матушка сказала:

— Да провались ты! А у меня-то на завтра были планы получше...

Глава 2

ГОЛОС В ТЕМНОТЕ

День выдался солнечным. Лучшего и не пожелаешь, решила матушка Ветровоск. Она не спала этой ночью — наводила чистоту в своём домике. Вымыла прихожую и кухню так, чтоб всё, что могло блестеть, блестело, отполировала плиту, отчистила полы и стены, вытрясла половичок.

Она поднялась по винтовой лестнице наверх и вымыла до блеска пол в спальне. В этом году матушка сварила отличное мыло¹, так что кувшин и тазик для умывания у кровати так и сияли. Паукам, рассчитывавшим пребывать в спальне до скончания века, было решительно указано на окно — чтобы убирались, прихватив с собой паутину и прочее. Даже матрас она вытряхнула от души, и теперь он был чист и дышал свежестью. Время от времени кошечка Эй наведывалась

¹ Матушкино мыло во многом походило на её советы: не очень-то приятное и довольно едкое, зато прекрасно помогает.

взглянуть, что происходит, и полежать на лоскутном одеяле, расправленном на кровати так ровно, что оно смахивало на расплюснутую гигантскую черепаху.

Потом матушка ещё раз вымыла уборную. Не самое подходящее занятие для солнечного дня, но Эсмеральда Ветровоск была очень щепетильна в таких делах, и уборная после всех её усилий опять-таки ослепительно засияла. Невероятно, но факт.

Кошка следила за ней с выражением глубочайшего внимания на усатой мордочке. Эй чувствовала — этот день особенный. День, какого ещё не было. День, за который надо успеть так много, будто он последний. А когда и в жилых комнатах всё засверкало чистотой, Эй последовала за матушкой в кладовку.

Ведро воды, накачанной при помощи насоса из колодца, совершенно преобразило кладовку. Матушка улыбалась. Кладовка ей всегда нравилась. Здесь не только хранились припасы, но и мылись кастрюли и сковородки, так что в кладовке пахло хорошо сделанной работой. Здесь тоже жили пауки, в основном они скрывались за бутылками и банками на полках. Но матушка решила, что пауков в кладовке можно оставить. Они не в счёт. Живи и дай жить другим.

Дальше она вышла из дома, чтобы проведать коз в загоне. Здесь тоже всё оказалось в порядке, можно было мысленно поставить ещё одну галочку. Матушка осталась довольна — по крайней мере, насколько вообще ведьма может быть довольна, — и направилась к своим ульям.

— Вы — мои пчёлы, — сказала она. — Вы давали мне мёд много лет. Пожалуйста, не горюйте, когда

на моё место придёт другая. Надеюсь, вы будете приносить ей столько же мёда, сколько приносили мне. А сейчас я хочу потанцевать с вами в последний раз.

Но пчёлы тихо загудели и сами станцевали для неё, мягко не позволив её разуму войти в них. И матушка Ветровоск сказала:

— Когда я в прошлый раз танцевала с вами, я была моложе. Теперь я стара. И танцы для меня позади.

Эй к пчёлам не пошла, но крадучись последовала за матушкой в сад. Матушка шла по саду, нежно касаясь стеблей и листьев, и казалось, сад откликается на её приветствие, каждое растение почти что кланялось ей, выражая почтение.

Эй прищурилась и взглянула на растения с истинно кошачьим неодобрением. Любой, кто видел их, мог бы поклясться, что травы, кустарники и деревья матушки Ветровоск разумны; часто они качались, когда никакого ветра не было. А однажды — хотя, может, даже и не однажды, — когда Эй вышла на охоту, они все повернулись и уставились на неё. Кошка предпочитала растения, которые делают, что им велено, то есть стоят смирно, пока она не вернётся в дом, чтобы поспать.

Дойдя до конца грядки с травами, матушка остановилась у яблони, которую ей посадил старый Парсонс только в прошлом году. Яблоня росла там, где полагалось бы стоять изгороди, но ведьмы никогда не обносили свои сады изгородями или стенами. Кто решится забраться в сад к ведьме? К злой старой ведьме, живущей в лесу? Порой сказки бывают очень полезны, особенно если ведьма, так сказать, не владеет навыками строительства заборов. Матушка пригляделась к крохотным

яблочкам на ветках — они ещё только-только завязались, ну так что ж, время, чтобы вырасти, у них есть. И она двинулась обратно к двери своего домика, по пути снова кивая каждому корешку, стебельку и плоду.

Она покормила коз, которые с подозрением уставились на неё своими глазами-щёлочками и проводили её взглядом, когда матушка перешла к курам. Куры всегда принимались толкаться и драться из-за еды, но сегодня суетиться не стали. Они смотрели на старую ведьму так, будто её и не было.

Накормив скотину и птицу, матушка сходила в кладовку и вернулась с охапкой ивовых прутьев. Устроившись возле дома, она принялась за работу, тщательно вплетая каждый гибкий прут точно туда, куда нужно. Когда труд был завершён и матушка осталась довольна, она пристроила то, что получилось, под лестницей — чтобы те, кто умеет смотреть, сразу увидели.

Прибрав оставшиеся прутья назад в кладовку, она снова вышла из дому. В одной руке у неё был небольшой белый мешочек, в другой извивалась алая лента. Матушка взглянула на небо. Время близилось.

Она быстро зашагала через лес, и Эй побежала за ней, подстёгиваемая чисто кошачьим любопытством — все кошки невероятно любопытны до тех пор, пока не израсходуют хотя бы восемь жизней. Выполнив задуманное, матушка вернулась по своим следам к ручью, бежавшему неподалёку. Ручей весело журчал.

Она знала свой лес. Каждую корягу. Каждый сук. Каждое создание в нём. Знала так хорошо, как может знать только ведьма. Принюхавшись и убедившись,

что рядом нет никого, кроме Эй, матушка открыла мешок, достала оттуда кусок мыла и разделась.

Она вымылась в ручье чисто-начисто, вытерлась и завернулась в плащ на голое тело. Так она и вернулась в домик, где ещё раз накормила кошку, погладила её по голове и поднялась по скрипучей лестнице в спальню, напевая себе под нос старую погребальную песнь.

Там Эсмеральда Ветровоск расчесала свои длинные седые волосы и заново собрала их в обычный узел на затылке, заколов целой армией шпилек. Потом надела своё лучшее ведьмовское платье и наименее штопанную пару панталон. Открыла крохотное окошко, чтобы впустить свежий вечерний воздух, и аккуратно положила две монетки по одному пенни на столик у кровати, рядом со шляпой, украшенной неиспользованными булавками.

И наконец, прежде чем лечь в кровать, она взяла старую картонку, которую надписала когда-то давным-давно.

Чуть позже Эй запрыгнула на постель и поняла, что происходит нечто необычное. Заухала сова. Залажала лиса где-то в ночи.

А потом осталась только кошка по имени Эй. Одна.

Но если только кошки могут улыбаться, она улыбалась.

Это была необычная ночь. Совы ухали, почти не умолкая. Ветер, завывавший снаружи, пробрался в дом и мстительно набросился на огоньки свечей, пока вовсе не задул их. Но матушка Ветровоск была одета в своё лучшее платье и готова ко всему.

И вот в тёплой темноте того часа, когда рассвет украдкой потянул с неба ночь, по душу матушки пришёл гость. Некто с косою, лезвие которой было тонким, будто тень, — таким тонким, что могло с лёгкостью отделить душу от тела.

И тогда темнота заговорила:

— ЭСМЕРАЛЬДА ВЕТРОВОСК, ТЫ ЗНАЕШЬ, КТО Я. ПОЗВОЛЬ СКАЗАТЬ, ЧТО ЭТОТ ВИЗИТ — ЧЕСТЬ ДЛЯ МЕНЯ.

— Я знаю, что это ты, господин Смерть. Мы, ведьмы, всегда знаем, кто к нам приходит, — отозвалась матушка, глядя на своё тело, оставшееся лежать на кровати.

Ей не впервой было беседовать с этим гостем, и она проводила немало душ в ту страну, куда, как было ей известно, матушке предстояло вскоре отправиться самой. Ибо ведьмы стерегут границы между светом и тьмой, между жизнью и смертью; делают выбор, принимают решения — чтобы другие могли притвориться, будто ничего решать и не надо было. Порой ведьмам приходится помогать людям, которым не повезло в их последние часы, чтобы они нашли Дверь, чтобы не заблудились во мраке.

А матушка Ветровоск была ведьмой много, много лет.

— ЭСМЕРАЛЬДА ВЕТРОВОСК, МЫ УЖЕ НЕ РАЗ ВСТРЕЧАЛИСЬ ПРЕЖДЕ, ВЕРНО?

— Да уж, так много раз, что и не сосчитать, господин Жнец. А теперь ты таки заполучил меня, старый хрыч. Ну что же, я своё пожила, тут не поспоришь, и я никогда не лезла вперёд и не жаловалась.

— Я С ИНТЕРЕСОМ СЛЕДИЛ ЗА ТВОЕЙ СУДЬБОЙ, ЭСМЕРАЛЬДА ВЕТРОВОСК, — произнёс голос в темноте. Он был твёрд, но преисполнен почтения. Однако теперь в нём послышался вопрос. — ПРОШУ ПОКОРНО, ОБЪЯСНИ МНЕ, ПОЧЕМУ ТЫ ВЫБРАЛА ЖИЗНЬ В ЭТОЙ КРОШЕЧНОЙ СТРАНЕ, ТОГДА КАК МОГЛА ДОБИТЬСЯ ВСЕГО, ЧЕГО ЗАХОЧЕШЬ, ТАМ, ГДЕ ТЕБЕ ВЗДУМАЕТСЯ?

— Я про мир мало что знаю. Но в своём уголке этого мира я могла творить маленькие чудеса для обычных людей, — резко ответила матушка. — Да мне никогда и не нужен был весь мир, только его кусочек, маленький клочок, который я могла оберегать от бурь. Не тех, что рушатся с неба, как ты понимаешь, — есть и другие бури.

— И ТЫ СЧИТАЕШЬ, ЧТО ЗА СВОЮ ЖИЗНЬ ХОРОШО ПОСЛУЖИЛА ЛЮДЯМ ЛАНКРА И ПРИЛЕГАЮЩИХ ТЕРРИТОРИЙ?

Подумав минуту, душа матушки Ветровск ответила:

— Не хочу хвастаться, твоя неизбежность, но да, думаю, я неплохо поработала. Для Ланкра, по крайней мере. Не знаю, про какие ещё такие Терьторрии ты говоришь.

— ГОСПОЖА ВЕТРОВОСК, «ПРИЛЕГАЮЩИЕ ТЕРРИТОРИИ» ОЗНАЧАЕТ «ОКРЕСТНОСТИ».

— А, это да. Уж по окрестностям-то я немало помоталась.

— ТЫ И В САМОМ ДЕЛЕ ПРОЖИЛА ОЧЕНЬ ХОРОШУЮ ЖИЗНЬ, ЭСМЕРАЛЬДА.

— Спасибо, — сказала матушка Ветровоск. — Я старалась. Сделала что могла.

— ТЫ СДЕЛАЛА БОЛЬШЕ, ЧЕМ МОГЛА. И Я БУДУ СЛЕДИТЬ ЗА УСПЕХАМИ ТОЙ, КОГО ТЫ ВЫБРАЛА СЕБЕ НА СМЕНУ. МЫ ВЕДЬ С НЕЙ ТОЖЕ УЖЕ ВСТРЕЧАЛИСЬ.

— Она отличная ведьма, уж поверь, — отозвалась тень матушки. — Лично я нисколько в этом не сомневаюсь.

— ХОРОШО ДЕРЖИШЬСЯ, ЭСМЕ ВЕТРОВОСК.

— Признаться, это всё — сплошное неудобство и я вовсе не восторге. Но я знаю, что ты приходишь за каждым. Разве может быть как-то иначе?

— БОЮСЬ, ИНАЧЕ НЕЛЬЗЯ. НАС ВСЕХ НЕСЁТ ПОТОК ВРЕМЕНИ. НО ТВОЯ СВЕЧА, ГОСПОЖА ВЕТРОВОСК, БУДЕТ ЕЩЁ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ МЕРЦАТЬ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПОГАСНУТЬ, — ПУСТЬ ЭТО СТАНЕТ ТЕБЕ СКРОМНОЙ НАГРАДОЙ ЗА ХОРОШО ПРОЖИТУЮ ЖИЗНЬ. МНЕ ДАНО ВИДЕТЬ ЧАШИ ВЕСОВ, И Я ВИЖУ, ЧТО ТЫ ОСТАВЛЯЕШЬ МИР ЛУЧШИМ, ЧЕМ ОН БЫЛ, КОГДА ТЫ ЯВИЛАСЬ В НЕГО. Я УВЕРЕН, — сказал Смерть, — НИКТО НЕ СМОГ БЫ СДЕЛАТЬ БОЛЬШЕ.

Вокруг была только тьма, где ни верха ни низа, никаких ориентиров, лишь крохотные синие огоньки в глазницах Смерти.

— Что ж, хорошее было путешествие, и я успела повидать по пути много прекрасного. Например, тебя, мой верный друг. Ну что ж, идём?

— МЫ УЖЕ УШЛИ, ГОСПОЖА.

Рано утром на поверхности деревенского пруда в окрестностях Ломтя появились пузырьки, а за ними — и мисс Тик, ведьма, занимающаяся поиском ведьм. Поблизости не оказалось никого, кто мог бы

стать свидетелем столь впечатляющего появления, если не считать Джозефа, мула мисс Тик, который мирно пасся на берегу. «Неудивительно, — сказала себе мисс Тик, подбирая полотенце. — Все меня бросили».

Она вздохнула. Как печально, когда традиции забываются. В старые недобрые времена бросание ведьмы в пруд было любимым развлечением Констанстанции Тик. Она столько к нему готовилась. Все эти уроки плавания и изучение узлов в Щеботанском колледже для юных барышень...

Она могла бы, если потребуется, одолеть множество врагов прямо под водой. Или хотя бы побить собственный рекорд по скорости развязывания простых узлов, которые, как все почему-то думали, должны были лишить злую ведьму возможности пошевелиться.

А теперь ей только и оставалось, что нырять в пруды и омуты для собственного удовольствия. И у мисс Тик было нехорошее подозрение, что жители деревень, где она проходила, стали брать с неё пример. Она даже слышала, что в одной деревушке в окрестностях городка Хэма-на-Ржи образовался кружок любителей плавания¹.

Взяв полотенце, чтобы вытереться, мисс Тик направилась к своему маленькому лагерю, повесила Джозефу на шею торбу с кормом, пристроила над огнём чайник и уселась под деревом, чтобы перекусить.

На завтрак у неё был хлеб, намазанный застывшим жиром, — подарок от фермерской жены в благодар-

¹ Особенно горячо создание кружка поддерживали молодые люди, поскольку считали, что — включая девушек — должны заниматься плаванием раздетыми.

ность за вчерашний урок чтения. Покидая тот дом, мисс Тик улыбалась, потому что глаза немолодой уже хозяйки сверкали. «Теперь-то, — сказала жена фермера, — я разберусь, что там, во всех этих письмах, которые приходят Альберту. Особенно в тех, которые пахнут лавандой». Пожалуй, не стоит здесь задерживаться, подумала ведьма. Во всяком случае, лучше уехать, прежде чем Альберт получит очередное письмо.

Насытившись и тем самым подготовившись к долгому дню, мисс Тик ощутила некое напряжение в воздухе и поняла: придётся сплести путанку.

Путанка — это средство, которое помогает ведьме сосредоточить мысли. Путанку всегда надо плести там и тогда, когда она понадобилась, чтобы поймать дух момента. Сделать её можно практически из чего угодно, но в путанке обязательно должно быть что-то живое.

Подойдёт и свежее яйцо, хотя большинство ведьм предпочитает оставить яйцо на обед, а то ещё вдруг лопнет и забрызгает платье. Мисс Тик порылась в карманах.

Там нашлись: мокрица, грязный носовой платок, старый носок, ещё более старый конский каштан, камешек с дыркой и гриб, в съедобности которого мисс Тик несколько сомневалась. Натренированными ловкими движениями она связала всё это воедино при помощи обрывка потрёпанной верёвочки и резинки от трусов.

Когда всё было готово, она потянула конструкцию за верёвочки. Но что-то пошло не так. С громким звонком лопнувшей струны, который ещё долго гулял эхом

по поляне, путанка сорвалась с пальцев ведьмы и закружилась в воздухе, причудливо извиваясь.

— О нет! — простонала мисс Тик. — Теперь всё так усложнится!

А тем временем нянюшка Ягг, чей домик стоял по другую сторону леса от домика матушки Ветровоск, чуть не уронила бутыль лучшего домашнего сидра на своего кота Грибо. Она держала бутылки с сидром в ручье, протекавшем неподалёку, выбрав место потенистее. Котяра вознамерился было возмущённо заорать, но, глянув на лицо хозяйки, быстро передумал и постарался прикинуться паинькой. Потому что лицо нянюшки Ягг, обычно улыбчивое и дружелюбное, сделалось чернее тучи.

И кот услышал, как она пробормотала:

— Лучше б это была я...

Королева Маграт Ланкрская, бывшая ведьма, и её муж король Веренс пребывали с визитом в Орлее. Тем утром королева обнаружила, что, сколько бы она ни говорила себе, будто оставила магию в прошлом, сама магия и не думала её оставлять. Маграт содрогнулась, почувствовав, как по миру прокатилась невидимая волна, будто цунами, — волна, означавшая, что теперь всё будет... не так, как прежде.

В Анк-Морпорке, в «Магазине полезных мелочей и увеселительных товаров Боффо» все подушки-пердушки вдруг по собственной воле протрубили скорбную ноту. А в Щеботане Агнесса Нитт, певица и ведьма,

проснулась с ощущением (многим людям хорошо знакомым), что она натворила глупостей на вчерашнем банкете в честь премьеры¹. Ей казалось, что попойка продолжается у неё под черепом. А потом она услышала плач Пердиты у себя в голове.

А в Незримом Университете, расположенном в великом городе Анк-Морпорк, волшебник Думминг Тупс, покончив наконец с затяжным завтраком, спустился в подвал факультета высокоэнергетической магии и застыл в изумлении. Гекс работал.

И не просто работал, а что-то с бешеной скоростью вычислял. А ведь Думминг даже не ввёл в него никакого вопроса! И не потянул Главный Большой Рычаг! Муравьи в трубках носились с такой скоростью, что в глазах рябило. Неужели... неужели муравейник посыпался?!

Думминг торопливо отстучал на клавиатуре вопрос:

— Гекс, что ты знаешь такого, чего не знаю я? Пожалуйста, ответь мне!

В муравейниках завязались короткие потасовки, и Гекс выплюнул ответ:

ПРАКТИЧЕСКИ ВСЁ

¹ Правда, у Агнессы перед другими людьми в этом отношении есть преимущество — она всегда может сказать, что это не она вчера отплясывала танец маленьких пикстов на столе, а её второе «я» по имени Пердита. Пердита — девушка куда более раскованная и, увы, куда менее упитанная.

Тогда Думминг сформулировал вопрос иначе, аккуратно расставив все необходимые оговорки, ЕСЛИ и ПРЕЖДЕ ЧЕМ.

Фраза получилась длинной и запутанной, составить её было поистине героическим делом для волшебника, который сегодня питался всего один раз. Но Думминг справился и, хотя никто другой ничего не понял бы из его вопроса, Гекс, немного поикав муравьями, выдал ответ:

МЫ СТОЛКНУЛИСЬ С ПРОБЛЕМОЙ СМЕРТИ МАТУШКИ ВЕТРОВОСК

И Думминг кинулся искать аркканцлера Университета, Наверна Чудакулли, потому что знал: аркканцлер должен услышать эту новость как можно скорее.

Патриций Анк-Морпорка, лорд Витинари, сидел у себя в кабинете и с интересом наблюдал, как кроссворд в «Правде» решается сам собой, словно невидимая рука вписывает буквы в клеточки...

В монастыре исторических монахов Ой-Донг, стоящем у самых вершин Овцепикских гор, настоятель лизнул свой загадочный карандаш и сделал пометку...

Кошечка Эй мурлыкала как заведённая.

А в передвижном настоящем Эскарина, женщина, которая когда-то была волшебником, стиснула руку своего сына и ощутила горе...

Но в мерцающем мире по ту сторону Диска, в мире, где сны могут обернуться явью, в мире, чьи обитатели любят проскальзывать в другие миры, чтобы причинять боль, разрушать, грабить и отравлять, — в этом мире эльф по имени Душистый Горошек* почувствовал прокатившуюся по реальности дрожь, как паук улавливает трепыхания жертвы, попавшейся в его сети.

Душистый Горошек радостно потёр руки. «Преграда исчезла, — сказал он себе. — Теперь они уязвимы...»

А на Меловых холмах кельда клана Нак-мак-Фиглей смотрела в мерцающее пламя своего костра и думала: «Ведьма из ведьм покинула наш мир».

— Доброго тебе пути, всекарга! Нам будет тебя ой как не хватать...

Джинни вздохнула и позвала мужа, Большого Человека клана.

— Явор, мне страшно за нашу мал-мал громазду каргу. Ты будешь нужен ей вскорости. Ступай к ней, Явор. Возьми малу ватагу и ступай.

Сама Джинни направилась в свои покои, чтобы взять котёл. Она понимала: границы мира уже никогда не будут так крепки, как прежде. Ей необходимо было знать, что может явиться в него.

А далеко-далеко, в месте за пределами разума и воображения, некто в чёрном и с косой расседлал белую лошадь. И надо сказать, ему было при этом немного грустно.

Глава 3

МИР ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ

Э то был маленький домик в маленькой деревушке посреди зелёных волн Меловых холмов. Тиффани, закатав рукава по локоть, вспотела не меньше, чем роженица, которую она поддерживала, — совсем молоденькая, всего несколькими годами старше её самой. К этому дню Тиффани уже помогла появиться на свет доброй полусотне младенцев, не говоря уже о бесщётном множестве ягнят, так что большинство людей считали её опытной и знающей повитухой.

К сожалению, мать юной и незамужней Милли Пеналоу и прочие женщины разного возраста, набившиеся в комнату на том основании, что приходились роженице роднёй, считали, что они-то всё знают куда лучше. И сейчас были очень заняты — преимущественно тем, что сообщали Тиффани, что она делает не так.

Они уже успели насоветовать ей много такого, что давно устарело, такого, что ничем бы не помогло, и да-

же такого, что могло навредить, но Тиффани держала себя в руках, как бы ей ни хотелось наорать на всех этих тётушек. Она постаралась сосредоточиться на Милли и её двойняшках. Главное, чтобы никто не услышал, как повитуха скрипит зубами.

Когда должны родиться два крепких младенца и каждый из них хочет выбраться на свет первым, роды всегда бывают трудными. Но Тиффани оберегала две новые жизни и не собиралась подпускать господина Смерть близко. Молодая мать, обливаясь потом, поднатужилась в последний раз, и два горластых малыша один за другим с победным воплем вылетели в мир. Тиффани вручила их бабушке и тётушке-соседке.

— Двое мальчишек! Ну разве не чудесно! — воскликнула бабка Пеналоу, явно довольная, что родились именно мальчики.

Пока кумушки ворковали над новорождёнными, Тиффани вытерла руки, промокнула вспотевший лоб и снова повернулась к молодой матери, чтобы посмотреть, как у неё дела. И тут она поняла, что расслабляться рано. Вместительная утроба юной женщины готовилась произвести на свет ещё одного ребёнка. Да, точно, был и третий младенец, которого все проглядели из-за его бойких братишек, прорвавшихся к жизни первыми.

В этот самый миг Тиффани посмотрела вниз и сквозь жёлто-зелёную дымку усталости увидела белоснежную кошку, величественную, как герцогиня. Это была Эй, кошка матушки Ветровоск, Тиффани узнала её с первого взгляда, ведь она сама когда-то подарила

матушке котёнка. К её ужасу, одна из тётушек попыталась выгнать Эй.

— Дамы, это кошка матушки Ветровоск, — строго сказала Тиффани. — Возможно, не стоит злить самую главную ведьму.

Толпа разом отпрянула. Даже здесь, на Меловых холмах, имя матушки Ветровоск внушало страх. Матушкина слава разлетелась по миру далеко, куда дальше, чем когда-либо летала сама матушка. Гномы на равнине Сто звали её К'ез'рек д'б'дуз, что означало «Эту Гору Лучше Обходить Стороной».

А Тиффани, снова покрывшись потом, гадала, как Эй оказалась здесь, в холмах. Кошка обычно не отходила далеко от матушкиного дома в Ланкре, не говоря уже о том, чтобы спускаться до самых Меловых холмов. Конечно, ведьмы во всём видят знамения. Выходит, появление кошки — знак? Может, это как-то связано с тем, о чём говорила Джинни? Помимо прочего, Тиффани в который уже раз удивилась, как это кошки умудряются так перемещаться: только что были в одном месте — и почти в то же самое мгновение появляются совсем в другом?¹

Роженица закричала от боли, и Тиффани, взяв себя в руки, снова повернулась к ней. Ведьма делает ту работу, которую надо сделать здесь и сейчас. А здесь

¹ Тиффани об этом не знала, но один молодой эфебский естествоиспытатель, наделённый от природы весьма живым умом, тоже ломал себе голову над этой загадкой. Однажды утром его — ну, большую его часть — обнаружили в окружении множества мурчащих и вполне сытых котов и кошек. Продолжить его эксперименты никто так и не отважился*.

и сейчас перед Тиффани была молодая мать и маленькая головка, уже показавшаяся на свет.

— Ещё разок осталось поднатужиться, давай, Милли! У тебя тройня.

Милли застонала.

— Ну вот! Какая кроха! — весело сказала Тиффани, когда ребёнок родился на свет живым и здоровым.

Это была девочка, маленькая и довольно-таки хорошенькая для новорождённой. Тиффани вручила ребёнка очередной родственнице, и окружающий мир обрёл свои привычные очертания.

Обмывая роженицу и прибирая окровавленные простыни, Тиффани заметила (привычка всё замечать — вторая натура всякой ведьмы), что братцам достаётся гораздо больше сюсюканья, чем сестрёнке. Всегда полезно вовремя обращать внимание на такие детали и откладывать их в память на будущее, чтобы маленькая неприятность однажды вдруг не обернулась большой бедой.

Дамы усадили молодую мать в семейное скрипучее кресло, чтобы она могла принять поздравления ото всех многочисленных тётушек. Не забывали они и бурно поздравлять друг дружку, с умным видом вспоминая тот или иной мудрый совет, который был, видать, и правда хорош, потому что вы только посмотрите, что получилось! Два крепких, здоровых мальчугана! Ах да, и маленькая девочка.

Родственницы откупорили бутылки и послали кого-то из старших братьев и сестёр роженицы за отцом семейства, который работал на ячменном поле вместе со *своим* отцом. Мать семейства сияла от радости, осо-

бенно потому, что юная Милли в скором времени станет госпожой Робинсон. Ведь она, мать семейства, всё устроила и уж позаботилась, чтобы молодой Робинсон повёл себя с её девочкой как положено. Дети, родившиеся до свадьбы, тут никого не пугали. В деревнях парни знакомились с девушками, вот как Милли познакомилась со своим дружкой на Страшдество, а потом природа брала своё, и так оно и продолжалось, пока мать девушки не замечала, что та слишком уж округлилась. Тогда мать говорила с отцом, а тот за кружкой пива по-дружески говорил с отцом парня, а тот говорил со своим сыном. И обычно всё улаживалось.

Тиффани подошла к старушке, которая держала на руках новорождённую, и попросила:

— Простите, можно мне ещё разок взглянуть на неё? Просто хочу убедиться, ну, что с ней всё хорошо.

Беззубая старушенция без пререканий вручила малышку Тиффани. В конце концов, Тиффани ведь была не только повитухой, но и ведьмой, а с ведьмами лучше не связываться, от греха-то подальше. И когда старушка отошла за своей порцией праздничной выпивки, Тиффани взяла кроху на руки и прошептала ей на ушко обещание — тихо-тихо, чтобы никто больше не слышал. Этой малышке предстоит непростая жизнь, так что хорошо бы, чтобы удача её не оставляла. И если повезёт, удача не оставит. Тиффани вручила девочку матери, которая явно не испытывала особого восторга при виде дочки.

Тут Тиффани заметила, что мальчикам уже дали имена, а девочку назвать никто и не подумал. Это её встревожило.

— А как же девочка? — спросила Тиффани. — Разве не пора дать имя и ей?

Мать подняла на неё глаза:

— Назовём её в твою честь. Тиффани — хорошее имя.

Это польстило Тиффани, но тревоги не развеяло. Она понимала: большие, крепкие мальчишки будут выпивать почти всё молоко, девочке может ничего не достаться. Ну уж нет, Тиффани позаботится, чтобы такого не случилось. И она решила навещать эту семью хотя бы раз в неделю. По крайней мере, первое время.

Теперь ей оставалось только сказать:

— Ну что ж, всё хорошо, вы знаете, где меня найти, я загляну на будущей неделе! А сейчас, дамы, если вы не против, мне ещё надо проведать другие дома.

Она продолжала любезно улыбаться, пока не вышла из дома. Там Тиффани взяла метлу, собираясь лететь. И тогда маленькая белая кошка запрыгнула на ручку и застыла на ней, словно изваяние на носу корабля. «Мир меняется, — подумала Тиффани. — Я чувствую, он меняется».

За маслобойкой мелькнул рыжий сполох — верный признак, что поблизости шныряет Фигль-другой. Тиффани, пусть всего несколько дней, была кельдой клана Нак-мак-Фиглей, и за это время между ними возникли нерушимые узы. Фигли всегда были рядом, всегда присматривали за ней, следили, чтобы никто не причинил зла их мал-мал громадой карге.

Но сегодня что-то было не так. Как-то они неправильно шныряли, не так, как обычно шныряют Фигли...

— Ой-ёи-ёи, — услышала Тиффани и узнала голос Тупа Вулли, Фигля, который куда-то отлучился, когда остальным раздавали положенное количество мозгов — и без того невеликое, прямо скажем.

Причитания резко перешли в «Мвфф!», когда Явор Заядло зажал брату рот.

— Затыкни пастю, Вулли, — велел он. — Тут дело карговское.

Явор Заядло вышел вперёд и встал перед Тиффани, шаркая ногами и вертя в руках свой шлем из кроличьего черепа.

— Эт' всекарга, — объяснил он. — Джинни заслала меня по-за тобой...

Все птицы дневные, все летучие мыши и совы, охотящиеся в ночи, знали Тиффани Болен и держались подальше от неё, когда она спешила. Метла вспарывала воздух, направляясь напрямик в Ланкр. Лететь от Меловых холмов до маленького горного королевства было долго, а в голове Тиффани клубился густой серый туман, словно в мире не осталось ничего, кроме горя. Она ловила себя на том, что пытается повернуть время вспять, но даже самой лучшей ведьме это не под силу. Она старалась ни о чём не думать, но старайся не старайся, мысли продолжают течь сами по себе. Тиффани была ведьмой, а ведьмы знают цену дурным предчувствиям, даже если надеются, что всё обойдётся.

Уже смеркалось, когда она мягко опустилась возле домика матушки и сразу узнала округлый силуэт нянюшки Ягг у двери. В руке старой ведьмы была

большая кружка, на лице застыло мрачное выражение.

Кошечка Эй тут же спрыгнула с метлы и побежала к домику, Фигли последовали за ней. Кошечка припустила чуть быстрее, так, как это умеют только кошки, не теряя достоинства и притворяясь, будто это ей просто захотелось побежать резвее, а маленькие рыжие человечки, растворившиеся в тенях дома, тут вовсе ни при чём.

— Привет, Тифф. Молодец, что прилетела, — сказала нянюшка Ягг.

— Она умерла, да? — спросила Тиффани.

— Да, — кивнула нянюшка. — Эсме не стало. Прошлой ночью, во сне, судя по всему.

— Я знала, — проговорила Тиффани. — Её кошка пришла, чтобы сказать мне. А кельда прислала Явора...

Нянюшка посмотрела ей прямо в глаза:

— Правильно, что ты не плачешь, милая. Оставим слёзы на потом. Ты ведь знаешь матушку, она терпеть не могла всякой суеты и криков, а слёз и подавно. Сначала надо дело сделать. Поможешь мне? Она там, наверху, — ох уж эти лестницы...

Тиффани посмотрела и увидела под лестницей ивовую корзину, сплетённую матушкой Ветровоск. Корзина была сделана в точности по росту матушки. За вычетом шляпы, конечно.

Нянюшка вздохнула:

— Да уж, Эсме — она такая. Сама, всё сама...

Домик матушки, казалось, весь состоял из скрипов, можно было даже изобразить мелодию, заставляя

скрипеть разные его части. Под многоголосый хор досок Тиффани вслед за нянюшкой Ягг стала подниматься наверх. Нянюшка пытела и отдувалась, карабкаясь по извивающейся змеёй лестнице, — она всегда говорила, что эту лестницу без штопора не одолеть. Наконец они очутились наверху, в спальне, у смертного ложа, маленького и скорбного.

Кровать почти что детская, подумалось Тиффани. На постели лежала матушка Ветровоск, и казалось, что она просто спит, хотя лежала она так, словно покойник в гробу. А подле хозяйки устроилась кошка Эй.

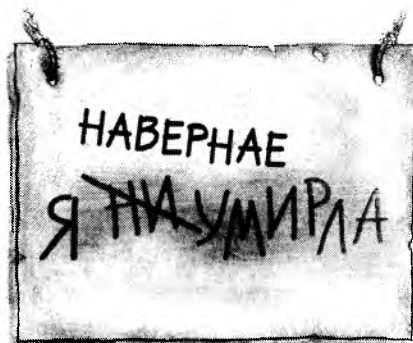
А потом Тиффани заметила на сундуке у кровати давно знакомую им картонку, и надежда зазвенела в её сердце, будто гонг.

— Нянюшка, а может, матушка, просто отправилась Заимствовать? Может, тело её здесь, а сама она... где-то ещё? — Она посмотрела на маленькую белую кошку и добавила: — Эй, вот в ком она может быть!

Матушка мастерски умела Заимствовать — погружаться в разумы других существ, летать и бегать вместе с ними, смотреть их глазами, слышать их ушами¹. В этом с ней никто не мог сравниться. Заимствование — опасное волшебство, неопытная ведьма легко может забыть себя, слишком глубоко погрузившись в чужой разум, и уже никогда не вернуться. И конечно, пока ведьма странствует вдали от своего тела, кто-то может неправильно понять её отсутствие...

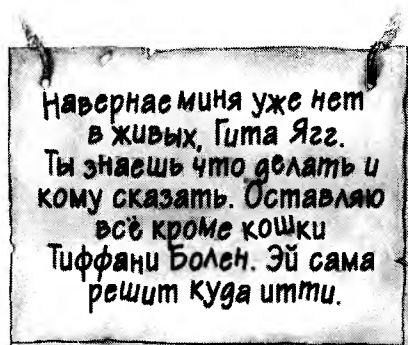
¹ И есть их еду. Просто удивительно, какой мерзкий вкус остаётся во рту после того, как целую ночь проведёшь совой, закусывая полёвками.

Нянюшка молча взяла в руки картонку, лежавшую на сундуке. Они с Тиффани прочли:

Нянюшка перевернула картонку — посмотреть, нет ли чего на другой стороне, а Тиффани тем временем присела на корточки, чтобы пощупать пульс на матушкином запястье. И хотя всё её ведьмовское чутьё утверждало, что матушки больше нет, маленькая девочка в глубине души Тиффани отчаянно надеялась уловить хотя бы легчайшее биение жизни.

Однако на обратной стороне картонки обнаружись неровно написанные слова, которые вплели последний прут в ивовую корзину под лестницей:

— Уже не «наверное», — тихонько сказала Тиффани. А потом до неё дошёл смысл того, о чём говорилось в записке дальше, и в голове будто бомба взорвалась. — Что?! Что значит «оставляю всё Тиффани»? — Она поймала взгляд нянюшки и осеклась. Дыхание перехватило.

— Да, — сказала нянюшка. — Почерк матушкин, это точно. По мне, так оно неплохо. Тебе переходит домик и земля вокруг, травы, пчёлы и всё остальное. Ах да, она всегда обещала оставить мне розовый кувшин и тазик для умывания. — Она посмотрела на Тиффани и спросила: — Ты не против, надеюсь?

«Против? — пронеслось в голове Тиффани. — Нянюшка спрашивает у *меня*, не против ли я?» Потом в голову ей пришла, нет, скорее ввалилась с грохотом следующая мысль: «Два удела? То есть мне теперь не обязательно будет жить у родителей... Но ведь придётся постоянно мотаться туда-сюда...» И наконец самое главное обрушилось на неё, словно удар молнии: «Да как я вообще могу пойти по стопам матушки Ветровоск?! Она же совершенно... она была совершенно... непреемственной! Никто не может стать её преемником, вот!»

Нянюшка Ягг не была бы мудрой и уважаемой старой ведьмой, если бы за свою жизнь кое-чему не научилась.

— Не спеши на уши становиться, Тифф, — сказала она добродушно. — Этим ты делу не поможешь, только мозоли натрёшь. Потом ещё будет полно времени, чтобы обо всём поговорить. А пока надо дело сделать...

Тиффани и матушке Ягг не впервой было заниматься похоронами. В Овцепикских горах на плечи ведьм ложатся все заботы о том, чтобы покойник отправился в иной мир в подобающем виде. Это означает кое-какую не самую чистую работу, о которой не принято говорить, и другие вещи, не столь важные, — например, открыть окно, чтобы душа умершего могла покинуть дом. Матушка открыла окно заранее, хотя Тиффани подумалось, что уж её-то душе никакое стекло и вообще ничто на свете не стало бы преградой.

Нянюшка Ягг взяла две монетки по пенни со столика у кровати и сказала:

— Она оставила их для нас. Эсме никогда ничего не упускала, до самого последнего вдоха. Ну что, начнём?

К сожалению, нянюшка принесла из кладовки бутылку матушкиного яблочного бренди тройной перегонки. Вообще-то его положено было использовать только как лекарство, но нянюшка сказала, что бренди поможет ей отдать последний долг их сестре-ведьме. И хотя они обращались с матушкиным телом, словно с величайшей драгоценностью, выпитый нянюшкой бренди не слишком-то облегчал дело.

— Она хорошо выглядит, да? — сказала нянюшка после того, как со всеми неприятными делами оказалось покончено (удачно вышло, что у матушки были целы все зубы). — Ох-хо-хо... Я всегда думала, что помру первой, из-за выпивки и всего такого. Особенно из-за всего такого, я ведь такого много вытворяла...

На самом деле нянюшка чего только не вытворяла и была известна как особа столь широких взгля-

дов, что непонятно, как они вообще в ней помещались.

— А похороны будут? И поминки? — спросила Тиффани.

— Ну, ты же знаешь Эсме. Она была не из тех, кто любит привлекать к себе внимание¹. Мы, ведьмы, всякие церемонии не особенно-то уважаем. Матушка всегда говорила, что это всё суета на ровном месте.

Тиффани вспомнились единственные ведьминские поминки, в которых ей довелось участвовать. Покойная госпожа Вероломна как раз предпочла сделать из них событие погромче. Она и сама не собиралась его пропускать, а потому устроила поминки заранее, до своей смерти. Получилось... незабываемо.

Они уложили матушку обратно на кровать — точнее, на то, что матушка звала кроватью, — и нянюшка сказала:

— Надо бы послать весточку королеве Маграт. Она сейчас с королём в Орлее, но примчится быстро, помани моё слово, сейчас ведь есть эти поезда и всё такое. Все прочие, кому надо знать, уже наверняка и так знают. Но прежде чем все они сюда явятся, мы с тобой завтра утром похороним Эсме так, как она сама хотела, без шума и суеты, в ивовой корзине, которая ждёт там, под лестницей. «Эти ивовые корзины ничего не стоят и делаются быстро», — всегда говорила она. Ты же знаешь, какая Эсме была бережливая — терпеть не могла, чтобы лишнее тратилось.

¹ Ей этого и не требовалось. Матушка нигде не оставалась незамеченной, и любая толпа расступалась перед ней, как море перед носом большого корабля.

Тиффани провела ночь на низенькой и узкой кровати, которая, когда была не нужна, задвигалась под обычную кровать. Нянюшка устроилась внизу, в кресле-качалке, жалобно скрипевшем всякий раз, стоило ей откинуться на спинку. Свет луны пробирался в окошко матушкиной комнаты. Тиффани не спала. Она несколько раз задрёмывала, но тут же просыпалась и видела Эй — кошка устроилась в ногах матушки Ветровоск, свернувшись калачиком, словно маленькая белая луна.

Конечно, Тиффани уже доводилось бдеть над покойниками — традиция требовала не оставлять отлетевшую душу в одиночестве в ночь перед поминками или похоронами. Возможно, предполагалось, что эти люди дают понять всем, кто... таится во тьме: этого человека помнят, его не бросают одного на произвол злых сил теперь, когда он так уязвим. Комнату наполняли потрескивания остывающего дома, и Тиффани, лёжа без сна, слышала и тихие звуки, которые начало издавать коченеющее тело матушки. «Я уже не раз делала это прежде, — повторяла себе Тиффани. — Это часть нашей работы. Мы не говорим о ней, но мы её делаем. Мы присматриваем за мёртвыми, чтобы никто и ничто не причинило им вреда во мраке ночи». Хотя, как говаривала нянюшка, возможно, на самом деле присматривать нужно не за мёртвыми, а за живыми — ведь, чтобы там люди ни думали, мёртвые на самом деле безобидны.

«Что мне теперь делать? — думала Тиффани. — Что будет завтра? Мир перевернулся вверх тормашками. Мне ни за что не стать той, кто сумел бы заменить матушку Ветровоск. Никогда, даже за сотню лет». А по-

том: «А что ответила юная Эсмеральда, когда нянюшка Грапс сказала ей, что её удел — весь мир?»

Тиффани ворочалась и ёрзала в кровати. Потом открыла глаза и увидела, что на подоконнике сидит сова и смотрит на неё. Огромные совиные глаза светились в темноте, словно маяки, указывающие путь в иной мир. Ещё одно знамение? Матушка любила сов...

Задний Ум Тиффани уже проснулся и принялся размышлять о её размышлениях: «Нельзя взять и сказать, что ты слишком мало умеешь, что ты недостаточно хороша, чтобы занять место матушки. Тебе же говорили: настоящая ведьма никогда такого не скажет. Ну, то есть ты ведь сама знаешь, что на многое способна. А старшие ведьмы знают, что однажды ты прогнала Королеву эльфов, и они видели, как ты провела роителя сквозь последние врата. И как ты вернулась оттуда, они тоже видели».

«Но достаточно ли этого? — перебил Передний Ум, он же Здравый Смысл. — После... после того как мы сделаем то, что необходимо, я могу просто надеть панталоны номер два и полететь домой. Мне в любом случае придётся лететь, даже если я приму удел. Надо сказать родителям. И мне понадобится помощь на Меловых холмах. Я же с ума сойду, если придётся постоянно быть и там, и тут. Я-то не кошка...»

При этой мысли Тиффани опустила глаза и встретила взглядом с Эй. Кошка смотрела на неё, да не просто смотрела, а прямо-таки сверлила взглядом, как умеют только кошки. И Тиффани показалось, что она хочет сказать: «Не ленись, ещё так много нужно сделать. Не думай о себе. Думай обо всех».

Новость о смерти матушки Ветровоск понеслась по миру в стрёкоте клик-башен, и все встречали её по-разному.

Госпожа Увёртка¹ работала в кабинете своего роскошного дома над новой книгой, «Цветочная магия», когда внезапно ощутила: что-то не так, весь мир пошёл наперекосяк. Она нацепила на лицо подобающее выражение скорби и отправилась поделиться новостью со своим мужем, пожилым волшебником, старательно скрывая радость: теперь она, Летиция Увёртка, станет одной из самых могущественных ведьм в Ланкре. Может быть, удастся устроить так, чтобы освободившийся домик в лесу заняла её последняя ученица. Лицо госпожи Увёртки, и без того отличавшееся резкостью, заострилось ещё больше, когда она представила, какой прелестный ореол *магии* она сможет придать домику при помощи нескольких сетей-оберегов, амулетов, рунических символов, серебряных звёзд, гардин из чёрного бархата и — о да, разумеется, хрустального шара, без него никак.

Госпожа Увёртка позвала новую ученицу и велела принести ей плащ с капюшоном и метлу, а сама тем временем натянула свою лучшую пару чёрных кружевных перчаток, с магическими символами, вышитыми серебряной нитью на кончиках пальцев. Госпожа Увёртка собиралась Явиться Во Всём Блеске...

В «Магазине полезных мелочей и увеселительных товаров Боффо», расположенном в Анк-Морпорке на 10-й Яичной улице, дом 4 (*Всё, что нужно, чтобы*

¹ Произносится «Уви-ортка».

стать зловещей каргой за минуту!), госпожа Пруст вздохнула: «Какое горе, но ведь старушка и так царילה очень долго...»

Все знают, что среди ведьм нет главных, но матушка Ветровоск была лучшей главной ведьмой, которой у них не было. Так что теперь должна объявиться другая, та, кто займёт её место и будет их направлять. И присматривать за теми, у кого обнаружится склонность зловеще гоготать, хихикать и побрякивать.

Госпожа Пруст отложила крякалку, которую перед этим взяла с витрины «Выбери своё хихиканье» и повернулась к сыну, Дереку.

— Без споров тут не обойдётся, не будь я Евника Пруст. Но удел наверняка перейдёт к Тиффани Болен. Мы все видели, на что она способна. Ох, мы такое видели!

А мысленно она добавила: «Возьми его, Тиффани, пока никто другой не взял».

А во дворце секретарь Стукпостук спешил доставить свежий номер «Правды» в Продолговатый кабинет — патриций Витинари ждал свой кроссворд.

И патриций уже знал все важные новости.

— Я предвижу некоторые затруднения, а именно, разногласия на женской половине, так сказать. — Он вздохнул. — Что думаешь, Стукпостук? Кого вынесет на поверхность этого бурлящего котла? — Он в задумчивости побарабанил пальцами по набалдашнику эбеновой трости.

— Ваше сиятельство, — отозвался секретарь, — судя по слухам, которые курсируют по клик-башням,

всё идёт к тому, что это будет Тиффани Болен. Весьма юная девушка.

— Юная, да... Знающая? — спросил Витинари.

— Думаю, да, сэр.

— А как же некая Летиция Увёртка?

Стукпостук презрительно поморщился:

— Белоручка, ваше сиятельство, работает исключительно на публику. Очень много украшений и чёрных кружев — вам наверняка знаком этот тип. С хорошими связями, но и только.

— Ах да, теперь припоминаю, я её как-то видел. Нахальная и самовлюблённая. Из тех, кто ходит на закрытые вечера.

— Но вы тоже на них ходите, ваше сиятельство.

— Да, но я — тиран и деспот, так что это, увы, моя прямая обязанность. Скажи-ка, а эта девушка, Болен, — что нам ещё о ней известно? Помнится, когда она в прошлый раз навещала наш город, произошла какая-то неприятная история?

— Ваше сиятельство, дело в том, что к ней испытывают большую привязанность Нак-мак-Фигли, да и сама она к ним привязана. Они считают своим долгом сопровождать её в качестве почётного караула.

— Стукпостук.

— Да, ваше сиятельство?

— Я вынужден прибегнуть к слову, которого никогда раньше не употреблял. Раскудрить! Только Нак-мак-Фиглей нам тут не хватало! Для города это было бы слишком накладно.

— Маловероятно, ваше сиятельство. Я хочу сказать, госпожа Болен держит Нак-мак-Фиглей в стро-

гости, и маловероятно, что она допустит повторения давешних неприятных событий. Кроме того, никакого долговременного ущерба в итоге нанесено не было.

— А разве «Королевская голова» не превратилась в «Королевский затылок»?¹

— Вы правы, ваше сиятельство, однако эта перемена со временем многим пришлась по душе, особенно владельцу. Он до сих пор делает немалые деньги на туристах. Его заведение попало в путеводители.

— Если эту Тиффани Болен поддерживают Накмак-Фигли, она представляет собой силу, с которой приходится считаться, — задумчиво произнёс Витинари.

— У девушки также репутация сообразительной, благоразумной особы, готовой протянуть руку помощи.

— И при этом её общество можно выносить? Жаль, этого нельзя сказать о госпоже Увёртке. Хмм, — протянул патриций. — Надо будет уделять особое внимание действиям этой молодой особы.

Наверн Чудакулли, аркканцлер Незримого Университета, уставился в стену своей спальни и снова заплакал. Наконец он взял себя в руки и послал за Думмингом Тупсом, своим первым волшебным заместителем.

¹ Единственный случай, когда Фигли заново отстроили паб, который разнесли по кирпичику после того, как выпили там всё, что горит и льётся. Правда, восстановленный паб оказался развёрнут задом наперёд. А на упомянутом королевском затылке обнаружился здоровенный чирей.

— Клик-башни подтвердили то, что сказал Гекс, — печально сообщил Чудакулли. — Ведьма Эсме Ветровоск из Ланкра, известная как матушка Ветровоск, скончалась. — Вид у аркканцлера был несколько смущённый. На коленях у него лежала пачка писем, которые он перебирал снова и снова. — Видишь ли, когда мы были молоды, у нас был роман. Но она хотела стать лучшей в мире ведьмой, а я надеялся когда-нибудь стать аркканцлером. И, к несчастью, наши мечты сбылись¹.

— О боги! Мне внести изменения в ваше расписание, чтоб вы могли поехать на похороны, сэр? Ведь будут же похороны, наверное...

— Господин Тупс, к чёрту расписания. Я отправляюсь сейчас. Немедленно.

— Со всем уважением, аркканцлер, вы обещали встретиться с Гильдией Счетоводов и Ростовщиков.

— К чёрту этих крохоборов! Скажи им, что у меня возникло срочное дело по части международных связей.

Тупс растерялся:

— Но это же не совсем правда, аркканцлер?

— Ещё какая правда! — отрезал Чудакулли.

Правила существовали для других людей. Не для него. И, внезапно понял аркканцлер, ощутив новый приступ боли, не для Эсме Ветровоск.

¹ Это доказывает, что когда мечты сбываются — это не всегда к лучшему. Некоторым мечтам лучше бы не сбываться. Можно ходить в хрустальном башмачке, но сделает ли это вашу жизнь комфортнее? А если всё, к чему вы прикасаетесь, начнёт превращаться в мармелад, разве мир вокруг не станет несколько... липким?

— Как долго ты вообще работаешь в университете, молодой человек? — обрушился он на Тупса. — Замалчивать правду — наша профессия! А теперь я пойду и разыщу свою метлу. Оставляю здесь всё в твоих надёжных руках, господин Тупс.

А в том, другом мире, который цеплялся за Диск, словно клещ-кровосос, запустив свои крючья в камни-порталы, один эльф вынашивал планы. Плёл заговор, чтобы свергнуть Королеву, которая так и не восстановила в полной мере свою силу с тех пор, как потерпела унижительное поражение от рук маленькой девочки по имени Тиффани Болен. Этот эльф задумал захватить власть над Волшебной страной и прорваться сквозь заслон камней, ведь защитный барьер сделался тонок, как паутинка, — по крайней мере, на время. Могущественная старая ведьма больше не стояла у них на пути. Некому было защитить обитателей Плоского мира.

Глаза Душистого Горошка сверкали, перед его внутренним взором вставали чудесные картины: беспомощные жертвы, над которыми можно всласть издеваться, тучные земли, где эльфы смогут забавляться с новыми игрушками...

И когда нужный момент настал...

Глава 4

В ДОБРЫЙ ПУТЬ —
И ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

Спустить утром тело матушки Ветровоск по узкой винтовой лестнице в тесном домике оказалось делом нелёгким, и от того, что нянюшка спешно осушила кувшин сидра, легче оно не стало. Но они каким-то образом сумели сделать это, не уронив свою ношу.

Когда они бережно уложили тело в ивовую корзину, Тиффани отправилась в сарай за тачкой и лопатами, а нянюшка тем временем немного отдышалась. Вместе они погрузили корзину в тачку, пристроив лопаты по обе стороны от неё.

Тиффани взялась за ручки, чтобы катить тачку.

— Ты и твоя ватага останутся здесь, Явор, — сказала она Фиглю, когда он и его воины появились из многочисленных укрытий и выстроились перед ней. — Это дело карговское. Вам нельзя мне помогать.

Явор Заяadlo, шаркая, переступил с ноги на ногу.

— Но ты ж наша карга, и Джинни ж... — начал он.

— Явор Заяadlo. — Тиффани взглядом пригвоздила его к месту. — Ты памятуешь всекаргу? Неужто ты хочешь, чтобы её тень являлась вам и... до скончания века указывала, что вам делать?

Фигли хором застонали в ужасе, Туп Вулли так и вовсе разрыдался и попятился.

— Тогда зарубите себе на носу: с этим делом мы, карги, должны сами управиться. — Тиффани повернулась к нянюшке Ягг: — Куда мы пойдём, нянюшка?

— Эсме отметила место в лесу, Тифф. То, где она хотела уйти в землю. Идём, я покажу, — ответила та.

Лес начинался сразу за садом матушки Ветровоск, но Тиффани пошла вслед за нянюшкой в самую глубину чащи, где в землю была воткнута палка, перевязанная красной лентой. Путь показался ей очень долгим. Нянюшка подала Тиффани лопату, и они взялись за работу. Утренний воздух дышал холодом. Копать землю — нелёгкая работа, но матушка выбрала место с умом, почва здесь была мягкой и рыхлой.

Наконец дело было сделано — большей частью, надо сказать, усилиями Тиффани. Нянюшка, мокрая как мышь (по её собственному выражению), тяжело оперлась на лопату и сделала большой глоток из своей фляжки, Тиффани подкатила тачку поближе. Вдвоём они мягко опустили ивовую корзину с телом в яму, отступили на шаг и минуту просто молчали.

Не говоря ни слова, обе они торжественно поклонились могиле матушки, а потом снова взялись за лопаты, чтобы засыпать яму. Шурх-шарк, шурх-шарк —

падали комья земли на ивовую корзину с телом, и вот уже на месте ямы вырос холмик, скрыв под собой тело матушки. Тиффани стояла и смотрела, как крупинки почвы осыпаются вниз, пока последняя частичка не замерла на своём месте.

Пока они выравнивали холмик лопатами, нянюшка рассказала Тиффани, что матушка не хотела, чтобы над ней была гробница или склеп и уж точно не хотела никаких надгробий.

— Камень всё-таки нужен, — возразила Тиффани. — Сами знаете — барсуки, мыши и прочие звери что угодно разроют. И пусть это всего лишь кости, а не сама матушка, мне бы вот не хотелось, чтобы кто-то раскопал тело до...

— До конца времён? — подсказала матушка. — Послушай, Тифф, Эсме велела сказать тебе так: если хочешь увидеть Эсмеральду Ветровоск, просто оглянись вокруг. Она здесь. Мы, ведьмы, недолго оплакиваем усопших. С нас довольно и радостных воспоминаний. Вот что нужно хранить и беречь.

Тиффани вдруг захлестнули воспоминания о матушке Болен. Бабушка Тиффани не была ведьмой — хотя матушка Ветровоск с большим интересом о ней расспрашивала, — но, когда она умерла, её старую пастушью кибитку сожгли, а тело положили в глубокую, аж шесть футов глубиной, яму, вырубленную в меловом теле холма. Потом яму зарыли, а сверху положили дёрн, который перед этим аккуратно сняли, и вскоре уже ничто не напоминало о могиле, кроме четырёх вросших в землю железных колёс кибитки. Но место это с тех пор стало священным, оно хранило

память. И не только для Тиффани. Всякий пастух, проходя мимо, непременно поднимал глаза к небу и вспоминал матушку Болен. Матушку, которая ходила по холмам тёмными ночами, и свет её фонаря выписывал причудливые зигзаги. Матушку, одобрительный кивок которой в этих краях ценили дороже золота.

И это место в лесу, поняла Тиффани, станет таким же. Святой землёй. И день выдался хороший, если только может быть хороший день, чтобы умереть, или хороший день, чтобы навек уйти в землю.

Птицы уже пели высоко в кронах, ветер шуршал листвой в подлеске, лес наполняли звуки, в которых песни тех, кто ещё жив, сливались с душами ушедших. Лесной реквием.

Весь лес пел для матушки Ветровоск.

На глазах у Тиффани к могиле тихо подошёл лис, поклонился и отбежал в сторону, потому что объявилась дикая свинья со своим выводком. Пришёл барсук и остался, даже не взглянув на тех, кто пришёл раньше. Один за другим, к изумлению Тиффани, звери приходили к могиле и садились рядом, словно домашние питомцы.

«Где сейчас матушка Ветровоск? — подумала Тиффани. — Неужели часть её по-прежнему с нами?»

Что-то коснулось её плеча, и Тиффани подскочила от неожиданности, но это был просто упавший с дерева лист. И тогда в глубине её души прозвучал ответ на вопрос: «Где сейчас матушка?»

Ответ был: «Здесь — повсюду вокруг».

К удивлению Тиффани, нянюшка Ягг тихо всхлипла. Потом отпила из фляжки и вытерла глаза.

— Поплакать иногда помогает, — сказала нянюшка. — Нет ничего плохого в том, чтоб всплакнуть о тех, кого любишь. Порой я вспоминаю кого-нибудь из своих мужей и тоже проливаю слезинку-другую. Воспоминания надо беречь, как сокровища, но нечего из-за них с ума сходить.

— А сколько всего у вас было мужей, нянюшка? — спросила Тиффани.

Нянюшка Ягг задумалась — похоже, погрузилась в подсчёты.

— Ну, моих-то собственных трое, — сказала она наконец, — а прочих мне и не сосчитать — пальцев не хватит.

Она уже улыбалась — возможно, вспоминала кого-то из особенно дорогих ей мужей. А когда вернулась из прошлого, то снова стала собой — улыбчивой неунывающей нянюшкой Ягг.

— Пойдём, Тифф, — сказала она. — Пора возвращаться в *твой* домик. Я всегда говорила: хорошие поминки сами собой не сделаются.

Пока они шли обратно через лес, Тиффани задала вопрос, который давно не давал ей покоя:

— И что будет дальше, как вы думаете?

Нянюшка посмотрела на неё:

— В каком это смысле?

— Ну, матушка, конечно, не была главной ведьмой... вот только почти все думали, что была...

— Главных ведьм не бывает, Тифф, уж это-то ты должна знать.

— Да, но... теперь, когда матушки больше нет, этой главной не главной ведьмой станете вы?

— Я? — Нянюшка расхохоталась. — Не-ет, милая, я неплохую жизнь прожила, ребятишек кучу вырастила, мужчин немало было, повеселилась от души, да и как ведьма много чему научилась. Но у меня никогда и мысли не было, чтобы занять место Эсме. Никогда.

— А кто тогда его займёт? Кто-то же должен!

Нянюшка Ягг посерьёзнела:

— Матушка никогда не говорила: я, мол, лучше всех. Она просто жила себе и работала так, чтоб люди сами это почувствовали. Помяни моё слово, скоро все самые уважаемые ведьмы соберутся, чтобы обсудить, кто теперь будет вместо неё, но я-то знаю, кого она бы назвала, да я и сама сказала бы то же самое. — Она остановилась и на минуту перестала улыбаться. — Тебя, Тифф. Эсме оставила тебе свой дом. Но не только его. Тебе придётся занять её место, иначе его попробует занять другая, не такая умелая.

— Но... я не могу! И среди ведьм не бывает главных, вы же сами это только что сказали, нянюшка!

— Да, — кивнула та. — И у тебя нет выбора, кроме как стать лучшей, разрази тебя гром, главной ведьмой, которой у нас нет. И нечего на меня так коситься, Тиффани Болен. Ты не старалась заслужить это, но ты заслужила, а коли не веришь мне, поверь Эсме Ветровоск. Она сказала мне, что ты — единственная ведьма, кому по силам продолжить её дело. Это было в ту ночь, когда ты бежала с зайчихой.

— Мне она ничего такого не говорила, — призналась Тиффани. Она вдруг почувствовала себя совсем маленькой девочкой.

— Ну, ещё б она тебе сказала, — усмехнулась нянюшка. — Это было бы не в характере Эсме, сама знаешь. Фыркнуть этак вот и пробурчать: «Неплохо, девочка» — вот и всё, что она могла. Она предпочитала, чтоб человек сам свою силу почувствовал, а твоя сила — это что-то, уж ты мне поверь.

— Но, нянюшка, вы же старше меня, опытнее, и знаете вы куда больше, чем я!

— И кое-что из того, что знаю, я б не прочь забыть, — сказала нянюшка.

— Мне слишком мало лет... — простонала Тиффани. — Да если бы я не стала ведьмой, я бы сейчас ещё о мальчишках думала!

Нянюшка Ягг прямо-таки напрыгнула на неё:

— Ничего тебе лет не мало! Годы тут вообще ни при чём. Матушка Ветровоск говорила мне, что это тебе, не кому-нибудь, придётся заботиться о будущем. А то, что ты молода, означает, что будущего у тебя ещё много. Уж всяко побольше, чем у меня, — добавила она.

— Но так ведь не принято! — сказала Тиффани. — Это должна быть одна из старших ведьм. По-другому не бывает!

И тут её Задний Ум вдруг вмешался и подкинул коварный вопрос: «А почему, собственно? Почему обязательно всё должно быть так, как было заведено раньше? Почему не изменить порядок вещей?» И что-то в глубине души Тиффани затрепетало, принимая вызов.

— Ха! — фыркнула нянюшка. — Ты танцевала с зайчихой, чтобы спасти жизни друзей, милая. Помнишь, ты тогда настолько... разозлилась, что подобра-

ла кусок кремня с земли и раздавила его в кулаке, и он протёк у тебя между пальцев как вода? Все старшие ведьмы видели это и сняли перед тобой шляпы. Перед тобой! Шляпы! — И она тяжело потопала к дому, бросив напоследок: — И не забывай, Эй выбрала тебя. Это к тебе она заявила, когда Эсме нас оставила.

Эй была тут как тут: сидела на пеньке и прихорашивалась. Тиффани задумалась. Крепко задумалась...

Когда они подходили к домику, возле козьего сарая как раз пытался приземлиться взъерошенный, но очень большой волшебник на метле.

— Молодец, что прилетел, Наверн! — крикнула ему нянюшка через сад.

Волшебник оправил мантию, опасливо миновал грядки с травами и приветствовал ведьм, приподняв шляпу. Тиффани ехидно отметила про себя, что шляпа была снабжена завязками, чтобы с головы не сдуло.

— Знакомься, Тифф, это Наверн Чудакулли, арканцлер Незримого Университета.

Тиффани до этого видела всего одного-двух волшебников, и те предпочитали полагаться на мантию, посох и шляпу в надежде, что им не придётся прибегать к настоящей магии. На первый взгляд Чудакулли был именно таким волшебником: борода, длинный посох с набалдашником, остроконечная шляпа... Погодите-ка, а что это торчит, притороченное к тулье? Арбалет? Ведьмовские привычки заставили Тиффани присмотреться к гостю внимательнее. Но Чудакулли вовсе не замечал её. Тиффани с изумлением поняла, что он плачет.

— Это правда, нянюшка? Она в самом деле умерла? — спросил он.

Нянюшка дала ему носовой платок и, пока волшебник трубно высмаркивался, шепнула Тиффани:

— Они с Эсме были, ну, знаешь, вроде как друзьями, по молодости-то. — И нянюшка многозначительно подмигнула.

Аркканцлер явно был убит горем. Нянюшка вручила ему свою фляжку:

— Моё знаменитое целебное зелье, твоё сиятельство. Принимать лучше одним глотком. Очень хорошо помогает от тоски-печали, поверь. Лично я, когда мне становится малость не по себе, хлещу его почём зря. Исключительно в лечебных целях, разумеется.

Аркканцлер сделал пару глотков, потом приподнял фляжку, словно произносил тост.

— За Эсме Ветровоск и будущие, которых уже не будет! — произнёс он сдавленным от горя голосом. — Если бы мы всё могли начать сначала! — Он снял шляпу, отвинтил кончик тульи и достал оттуда маленькую бутылку бренди и стаканчик. — Это тебе, госпожа Ягг, — пробасил он. — А теперь можно мне повидать её?

— Мы уже уложили её в землю там, где она сама хотела, — ответила нянюшка. — Знаешь же, как оно. Эсме не любила всяких церемоний. — Она посмотрела на волшебника и добавила: — Мне жаль, что так вышло, Наверн, но мы покажем тебе, где это. Тиффани, проводишь нас?

И вот самый уважаемый волшебник в мире почтительно последовал за нянюшкой и Тиффани через

лес к последнему пристанищу самой важной в мире ведьмы. На деревьях вокруг небольшой поляны вовсю распевали птицы. Нянюшка и Тиффани остались ждать в стороне, чтобы волшебник мог побыть один у могилы.

Он вздохнул:

— Благодарю, госпожа Ягг, госпожа Болен.

Потом он повернулся к Тиффани и впервые посмотрел на неё внимательно:

— Дорогая, в память об Эсмеральде Ветровоск обещаю тебе, что всегда приду на помощь, если ты позовёшь. Я как-никак самый уважаемый волшебник в мире, а это что-нибудь да значит.

Он помолчал, потом добавил:

— Я слышал о тебе.

Тиффани ахнула, а аркканцлер продолжал:

— Но пусть это тебя не удивляет. Тебе следует знать, что мы, волшебники, присматриваем за делами ведьм. Мы знаем, когда в магии происходят возмущения, когда что-то... случается. Поэтому я слышал про кремень. Это правда? — Вопрос прозвучал грубовато и резко. Аркканцлер явно не привык ходить вокруг да около, а всегда пёр напрямик и иногда — поперёк.

— Да, — сказала Тиффани. — Всё правда.

— Надо же, — покачал головой Чудакулли. — Теперь я не сомневаюсь, что тебя ждёт, скажем так, весьма разношёрстное будущее. Я вижу в тебе признаки великой силы — а я повидал людей могущественных, таких могущественных, что им не требовалось даже проявлять свою силу. Твоя сила ещё совсем молода, и всё же я вижу, что ты далеко пойдёшь, и в

изумлении жду твоих будущих свершений. — На лице его снова проступило горе, и он добавил: — А сейчас, дамы, не могли бы вы оставить меня наедине с моими чувствами? Уверен, я сам найду дорогу к домику.

Позже аркканцлер вернулся, оседлал метлу и полетел куда-то в сторону Анк-Морпорка. Метла его рыскала и покачивалась, когда он на прощанье помахал ведьмам, пролетая над лесом.

Нянюшка улыбнулась:

— Он же волшебник! Он может быть трезвым, когда ему надо, а если уж не смог, то сумеет справиться с метлой, несмотря на стаканчик-другой бренди. В конце концов, во что он может врезаться на такой-то высоте!

День разгорался, и всё больше и больше людей приходили к дому, чтобы отдать последние почести. Новости распространялись быстро, и чуть ли не все окрестные жители спешили с подношениями матушке Ветровоск. Ведьме, которая всегда помогала им, пусть даже они её никогда не любили. Эсме Ветровоск никому не пыталась понравиться. Она лишь делала то, что кто-то должен был сделать. Она приходила помочь в любое время дня и ночи, когда бы её ни позвали (а порой и когда не звали, что бывало весьма неудобно). И пока она жила по соседству, им было как-то... спокойнее. Они чувствовали себя в безопасности. И вот теперь они несли ветчину и сыр, молоко и соленья, варенье и пиво, хлеб и фрукты...

Потом со всех сторон к домику стали слетаться ведьмы, а ведьмы ничто так не уважают, как возмож-

ность немного перекусить задаром — Тиффани застучала одну старуху за попыткой спрятать в панталонах целую курицу. И когда в дом потянулись ведьмы, деревенские жители стали расходиться. Как бы чего не вышло, когда вокруг так много ведьм. Лучше уж не рисковать. Кому ж хочется, чтобы его превратили в лягушку — кто тогда будет урожаем убирать, а? Один за другим они извинялись, ссылаясь на неотложные дела, и тихонько уходили, причём те, кто успел приложиться к знаменитым коктейлям нянюшки Ягг, — не слишком твёрдой походкой.

Никто из ведьм не получал приглашения, но Тиффани казалось, их притянуло к дому непреодолимой силой, как и аркканцлера. Даже госпожа Увёртка объявилась. Она прибыла в экипаже, запряжённом парой лошадей с чёрными плюмажами, на её руках звенели браслеты и талисманы — словно ударная секция оркестра в полном составе гроыхала с обрыва, — а на её шляпе сияли серебряные звёзды. За собой она волокла мужа. Тиффани оставалось только пожалеть его.

— Приветствую вас, сёстры, и да оберегут руны сию знаменательную встречу! — провозгласила госпожа Увёртка достаточно громко, чтобы её услышали оставшиеся деревенские.

Она любила во всеуслышание объявлять о своём ведьмовском ремесле. Тиффани она адресовала долгий взгляд, чем вывела из себя нянюшку.

Нянюшка поклонилась госпоже Увёртке настолько символически, насколько это вообще возможно, после чего повернулась к Тиффани и воскликнула:

— Эй, Тифф, смотри, это Агнесса Нитт! Здорово, Агнесса!

Агнесса, талия которой явственно выдавала тот же подход к питанию, что и у кельды Нак-мак-Фиглей, выпалила, задыхаясь:

— Мы ездили с гастролями с «Много шума из всего» Шестпила и как раз были в Щеботане, когда я узнала! Я спешила, как могла.

Тиффани никогда прежде не встречалась с Агнессой, но ей хватило одного взгляда на её задумчивое лицо и добрую улыбку, чтобы понять: они поладят. Тут на поляну неловко опустилось очередное помело, послышалось знакомое «эмм...», и сердце Тиффани встрепенулось от радости.

— Эмм, Тиффани, я услышала, что ты здесь. Хочешь, помогу делать бутерброды? — предложила Петулия, помахивая здоровенным окороком.

Петулия была замужем за владельцем большой свинофермы и славилась как лучшая ускучивательница свиней¹ во всех горах. А ещё она была лучшей подругой Тиффани.

— Поплина тоже здесь, и, эмм, Люси Уорбек, — добавила Петулия.

Она всегда начинала «эммкать» в обществе других ведьм. А вот ускучивая свиней, она не «эммкала» вообще, и это многое говорит о Петулии и свиньях.

Тиффани и внуки нянюшки Ягг уже расставили на поляне несколько самодельных столиков. В конце

¹ Ускучивание свиней помогает обойтись без лишнего визга. Специалист вроде Петулии может заговаривать зубы свинье до тех пор, пока та просто не умрёт со скуки.

концов, все ведь знают, зачем на самом деле нужны поминки, а большинство людей просто любит поесть и выпить, был бы повод. Играла музыка, но её едва ли не заглушал божественный голос Агнессы. Она пела «Плач Коломбины», и чарующая мелодия плыла над крышей домика и среди деревьев.

— Этот голос и из деревьев слезу выжмет, — шепнула нянюшка.

А потом были танцы, которым, без сомнения, сильно поспособствовали напитки от нянюшки Ягг. Нянюшка могла заставить любую компанию пуститься в пляс и запеть. Тиффани считала, что это особый дар. Нянюшка Ягг и кладбище бы в пляске закружила, если б захотела.

— Нечего тут строить кислые мины по Эсме Ветровоск, — объявила она. — Матушка умерла в своей постели, тихо и спокойно, всем на зависть. Ведьмы знают, что каждому отведён свой срок, и если срок этот был долгим, да к тому же ведьма успела изменить мир к лучшему, чем не повод порадоваться. Всё остальное — просто небольшая уборка. А теперь давайте-ка спляшем! Танцы заставляют мир вертеться. А если сперва принять капельку моего домашнего ликёра, то он завертится ещё быстрее.

Нак-мак-Фигли, устроившиеся на ветвях деревца, которое росло прямо на крыше домика, — Явор Заядло, Туп Вулли, Громазд Йан и гоннагл Ой-как-мал Билли Мордаст — были полностью с ней согласны, однако оставили танцы на потом. Они старались не попадаться на глаза, так что лишь одна-две самые наблюдательные ведьмы заметили маленьких синих че-

ловечков. Но теперь пиксты спустились в кладовку, где Тиффани уже приступила к тому, что, по мнению старших ведьм, полагается делать младшим: к уборке. Снаружи старшие ведьмы начали потихоньку сбиваться в группки, чтобы обсудить, кому должен отойти удел матушки Ветровоск, и Тиффани воспользовалась предлогом улизнуть. За работой у неё будет время подумать и решить, что сказать.

Тут в кладовке раздались пронзительно-высокие звуки визжали — Ой-как-мал Билли Мордаст негромко заиграл плач по Всекарге. Остальные Фигли отправились на вылазку по столам в поисках объедков, которые проглядели ведьмы.

— Беднявая матушка, я х'рошо её знавал, — заявил Громазд Йан, отхлёбывая из бутылки крепкое пойло нянюшкиного изготовления.

— Ничего ты её не знал, — резко сказала в ответ Тиффани. — Одна лишь матушка Ветровоск по настоящему знала матушку Ветровоск.

Она была на взводе — день и так выдался нелёгким, да и совещание снаружи не прибавляло спокойствия.

— Ха-ха! — засмеялся Туп Вулли. — Слышь, Явор, в энтот рядь влип-то не я. Я-то грил, что карга в горестях и в нервнях, агась?

— Я те щаз сам залеплю по рылу, ежли не затыкнешься! — прорычал Громазд Йан.

Еды и выпивки Фиглям уже досталось, с танцами они решили подождать, но, может, самое время устроить небольшую потасовку? Громазд Йан сжал кулаки, однако тут в кладовку вошли подруги Тиффани, и пикстам пришлось спешно прятаться.

— Думаю, они выберут тебя, Тифф, — сказала Поплина, ткнув Тиффани пальцем в спину. — Нянюшка Ягг только что во всеуслышание заявила, что дом должен перейти тебе, и спросила, куда ты пропала. Так что ты лучше иди.

— Давай, Тиффани, — поддержала её Петулия. — Все ведь знают, *что* думала о тебе, эмм, матушка Ветровоск.

Подталкивая и волоча за руку, подруги вытащили Тиффани из кладовки, но у задней двери она приостановилась. Ей не хотелось делать последний шаг. Не хотелось заявлять свои права. Для неё дом по-прежнему оставался матушкиным домом. Хотя острый недостаток матушки уже чувствовался в нём, словно огромная дыра расползалась в воздухе. Тиффани опустила глаза: Эй вилась под ногами, выгибая спину, и тёрлась маленькой мордочкой о её башмак.

Снаружи возле дома некоторые ведьмы внимательно слушали нянюшку Ягг, которая как раз говорила:

— Так вот, Эсме ясно сказала нам, кто продолжит её дело. — Она повернулась и поманила Тиффани ближе. — Жаль, я не застала, — продолжала она, — как нянюшка Грапс посвятила Эсме Ветровоск в ведьмы. Мы привыкли думать, что ведьма должна быть похожей на ту, что привела её в ремесло. Но каждой из нас приходится искать свой путь. Матушка Ветровоск всегда была настоящей ведьмой на собственный лад, а вовсе не повторяла нянюшку Грапс. И ещё вот какая штука. Каждая из нас, думаю, способна говорить сама за себя. Но всякие там аркканцлеры, патриции и даже гномьи Королевы-под-Горой любят, чтобы была

какая-то одна ведьма, которая может говорить вроде как официально за всех ведьм, сколько их есть. И я готова поспорить, что такой ведьмой они считали Эсме. Так что и нам не помешало бы её послушать. А она самолично сказала мне, которая из нас должна занять её место. И даже написала на вот этой самой картонке! — Нянюшка помахала в воздухе запиской, которую матушка Ветровоск оставила на сундуке у кровати.

Очевидно, кто-то из ведьм выдвинул предложение, чтобы удел отошёл госпоже Увёртке — или, точнее, госпожа Увёртка выдвинула свою ученицу в качестве наследницы дома. Нянюшка сердито посмотрела на неё и вдруг резко перестала быть той ведьмой-хохотушкой, какой её знали многие.

— Летиция Увёртка — та просто делает блестящие штучки-дрючки для своих ведьмочек! — веско сказала она.

Госпожа Увёртка надменно фыркнула, но нянюшка будто и не слышала.

— Другое дело — Тиффани Болен. Да, сёстры, Тиффани Болен. Мы все видели, на что она способна. Это вам не блестящие талисманчики, это вам не книжки! Она умеет быть ведьмой до мозга костей и делать своё дело в темноте, где только плач и стоны! Она умеет *быть* по-настоящему. Эсме Ветровоск понимала в этом, каждой своей косточкой понимала. И Тиффани Болен понимает, так что удел — её!

Тиффани ахнула — все ведьмы повернулись к ней, по рядам побежал шепоток. Она нерешительно шагнула вперёд.

И тут раздалось отчётливое «Мяу!», и шепотки как отрезало. Эй вышла вперёд вместе с Тиффани. Воздух вдруг наполнился жужжанием — это явились пчёлы. Они вылетели из матушкиных ульев и окружили Тиффани ореолом, собрались над её головой жужжащей короной. Тиффани встала на пороге и протянула руки. И пчёлы опустились на них, приглашая её в дом.

И вот, в тот день — страшный день, когда прощались с лучшей ведьмой, какую знал мир, — споры наконец остались позади. И в глазах всего мира Тиффани стала ведьмой, к которой надо прислушиваться, за которой надо идти.

Глава 5

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Королева эльфов восседала на алмазном троне в своём дворце, окружённая придворными, найдёнышами, потерявшимися детьми* и безымянными пресмыкающимися созданиями — словом, всяким сказочным народцем.

Сегодня она решила сверкать. Солнечные лучи, которые в этом мире никогда не гасли, падали сквозь резные каменные окна в точности под нужным углом, чтобы крохотные драгоценные камни в королевских крыльях сияли, рассыпая по тронному залу маленькие радуги при каждом её движении. Свита в зале, разодетая в кружева, бархат и перья, выглядела почти столь же великолепно, как сама Королева, — почти, но не совсем.

Взгляд Королевы скользил по залу, украдкой отмечая всё, что делают придворные. О чём это там шепчется лорд Ланкин* с лордом Горчичное Зёрнышко?

А где же лорд Душистый Горошек? Однажды, мрачно подумала Королева, она насадит его голову на шест. Она нисколько ему не доверяла, и вдобавок его чары в последнее время сделались очень сильными, почти такими же неодолимыми, как её собственные. Нет, с горечью поправила она себя, почти такими же неодолимыми, какими её собственные чары были прежде.

Прежде чем та маленькая ведьма, Тиффани Болен, явилась в Волшебную страну и унизила её, Королеву эльфов.

В последнее время Королева чувствовала, что между её миром и миром Тиффани Болен что-то происходит. Границы сделались словно бы менее чёткими, более проницаемыми. Несколько сильных эльфов даже умудрялись пересекать их время от времени, чтобы немного поразвлечься насилием и грабежами. Возможно, скоро наступит день, когда Королева сможет отправиться в тот мир во главе своего войска. Пограбить, подыскать нового ребёнка себе на забаву... и отомстить этой ведьме Болен. Королева улыбнулась, смакуя предвкушение. Будет весело.

Но сейчас у неё были другие дела, и дела эти вызывали беспокойство. Гоблины! Жалкие черви, которым следовало бы радоваться, если эльф хотя бы взглянет в их сторону, теперь отказывались выполнять приказы Королевы. Глупцы! Она им ещё покажет! Ланкин, Горчичное Зёрнышко, Душистый Горошек — все они скоро убедятся, что Королева вернула себе былую силу. Она обрушит на это гоблинское отребье всю мощь своего гнева!

Но где же всё-таки Душистый Горошек?

Пленного гоблина приволокли в тронный зал. «Да уж, от их блеска и впрямь голова может кругом пойти», — мрачно подумал он. Дамы и господа были точь-в-точь такие же прекрасные, какими эльфов рисуют в человеческих детских книжках. И только присмотревшись к этим чудесным созданиям внимательнее, замечаешь, что с их глазами и выражением лиц что-то не так.

Королева молча разглядывала пленника, положив точёный подбородок на изящно изогнутую тонкую руку. Она недовольно нахмурилась, и на её белоснежном челе между бровей темнела морщинка.

— Ты ведь гоблин, который зовёт себя От-Росы-Блик, верно? Ты и твоё племя долгое время пользовались покровительством моего двора. Но до меня дошли вести, что вы подняли мятеж. Отказываетесь подчиняться моим приказам. И прежде чем я передам тебя моим стражам на... забаву, расскажи мне, что происходит.

Она вложила в каждое слово немало волшебной силы, но гоблин и ухом не повёл. Он должен был уже валяться перед ней на коленях под властью королевских чар и молить о прощении, но он стоял себе как ни в чём не бывало и ухмылялся ей. Ухмылялся самой Королеве!

— Слышь, Королевка, дело такое. Гоблины теперь полноправные граждане в человеческом мире. Люди говорят, гоблины приносят пользу. Гоблинам нравится пользу приносить. Нам платят за пользу, за то, что мы находим, и за вещи, которые делаем.

Прекрасное лицо Королевы мигом утратило всю красоту, и она зло уставилась на дерзкого нахала:

— Невозможно! Вы, гоблины, — грязные отбросы, все это знают!

— Ах-ха-ха! — рассмеялся гоблин. — Думаешь, ты самая умная, а, Королевка? Гоблины словили удачу за хвост! Гоблины умеют править железными конями!

При упоминании железа эльфийский двор содрогнулся, волшебное сияние померкло. Серебристая тафта королевского платья превратилась в алый, как кровь, бархат, а её белокурые локоны распрямились и почернели до цвета воронова крыла. Придворные тут же последовали её примеру: шелка и кружева нежных тонов сменились кожаными бриджами, алыми кушаками и звериными шкурами, небрежно наброшенными на татуированные плечи. Эльфы обнажили свои каменные клинки и острые зубы.

Маленький гоблин не дрогнул.

— Я не верю тебе, — сказала Королева. — В конце концов, ты ведь гоблин.

— Просто гоблин, ага, ваша королевность, — тихо сказал пленник. — Просто гоблин, который понимает в железе и стали. Сталь крутится-вертится, чух-чух-чух, и везёт людей далеко-далеко. И я гражданин Анк-Морпорка, а ты знаешь, что это значит, госпожа. Тамошний Тёмный хозяин очень не любит, когда его граждан убивают.

— Ты лжёшь! — крикнула Королева. — Лорду Витинари нет никакого дела до тебя. Все вы, гоблины, лжецы, От-Росы-Блик!

— Это больше не моё имя. Теперь меня зовут От Фрезы Шлам, — с гордостью заявил гоблин.

— Шлам, — повторила Королева. — Что это?

— Крохотульные частички железа, вот что это, Королевка. От Фрезы Шлам не лжец. Поговори ещё так со мной, твоя величавость, и я выверну карманы. Вот тогда и увидишь, что такое шлам!

Королева отпрянула, не в силах отвести взгляд от рук гоблина, которые тот держал возле карманов своей тёмно-синей куртки, застёгнутой на тощей груди на деревянные пуговицы-палочки.

— Ты смеешь угрожать мне, червяк? — возмутилась она. — Угрожать мне в моём собственном королевстве? Здесь, где я могу одним только словом сдавить сердце в твоей груди? Или сделать так, что ты упадёшь, где стоишь? — Она показала на стражей, которые держали пленника под прицелом арбалетов.

— Я тебе не червяк, Королевка. У меня есть шлам. Мелкая железная пыль, ею можно весь воздух заполнить. Но я здесь, чтобы сообщить тебе новость. Предостережение. От Фрезы Шлам тоскует по старым временам. Я хочу увидеть, как люди корчатся. Хочу, чтобы вы устроили там хорошую встряску, вот что. Кой-кто из гоблинов со мной согласен, но теперь нас мало таких. Многие гоблины уже и не гоблины вовсе. Почти что люди. Мне оно не по нутру, но они говорят, идут новые времена. Хорошая штука деньги, слышь, Королевка?

— Деньги? — переспросила Королева. — Но я даю вам золото, ты, чер...

Она осеклась, потому что рука гоблина нырнула в карман. Неужели он и правда умудрился принести в её мир железо? Для сказочного народа нет ничего ужаснее железа. Оно ослепляет, оглушает и заставляет эльфов чувствовать себя куда более одинокими, чем человек способен вообразить.

Королева стиснула зубы и выговорила:

— ...чрезвычайно достойный гоблин.

— Золото, которое тает с первыми лучами солнца, — усмехнулся пленник. — У них... у нас теперь водятся настоящие деньжата. Я хочу только, чтоб гоблины оставались гоблинами. И чтоб их уважали. А не пинали ваши и прочие всякие! — Он с ненавистью глянул на Душистого Горошка, который вдруг появился возле трона.

— Я не верю тебе, — повторила Королева.

— Твоё дело, Королевка, — сказал гоблин. — Не хочешь — не верь. Валяй, иди сквозь ворота. Теперь, когда старой ведьмы больше нет, вы пройдёте без труда. Глянь сама, как оно. Мир изменился, Королевка.

И Королева подумала: «Да, он и правда изменился». Она чувствовала поступь чего-то важного, но не могла разобрать, что же грядёт. Значит, ведьма умерла. Теперь, когда старая карга им больше не помеха, эльфы могут вновь вторгнуться в этот мир во славе и великолепии. Но тут блеск в глазах Королевы потух. Если бы только не этот шлам. Если бы не железо.

— Свяжите этому ничтожеству руки за спиной, — велела она страже, указав на гоблина. — Я хочу посмотреть, правду ли он говорит. — Королева улыбнулась. — Мы возьмём его с собой. И если окажется, что он солгал, вырвем ему язык.

На следующее утро Тиффани проснулась рано. Она была одна в матушкином — нет, теперь уже её собственном доме — и чувствовала, что её мир изменился. Эй следила за ней, как коршун.

Тиффани вздохнула. День обещал быть хлопотным. Ей доводилось бывать во многих домах, куда заходил Смерть, и всегда хозяйка — если, конечно, в доме была хозяйка — натирала до блеска всё, что могло блестеть, и вычищала всё, что можно вычистить. Поэтому Тиффани Болен вооружилась тряпками и вычистила всё, что и так было предельно чистым. Это было словно безмолвное заклинание: пришла беда, но зато хотя бы каминная решётка сияет чистотой и можно разводить огонь.

Эй тем временем сидела неподвижно, как статуэтка, но взгляд её следовал за Тиффани. «Интересно, кошки знают, что такое смерть? — думала Тиффани. — А если кошка всю жизнь прожила в доме ведьмы? Да ещё и не просто ведьмы, а самой матушки Ветровоск?»

Тиффани отложила эти вопросы на потом и приступила к уборке кухни. Она тёрла и полировала всё, что можно было отполировать, до блеска. И оно блестело.

В доме и так царила идеальная чистота, но непреложные законы оплакивания требовали приложить силы, чтобы выскрести смерть из дома. И не важно, чистое оно или грязное, отдраить надо всё.

Она навела на кухне и в кладовке такую чистоту, что глазам смотреть стало больно, и тогда Тиффани ничего не оставалось, кроме как подняться наверх.

Запасшись ведром с водой, щёткой, тряпками и рваньём — то есть рвением, конечно, — Тиффани встала на колени и принялась мыть. Она мыла и мыла, пока руки у неё не покраснели. Зато осталась довольна.

Но и это было ещё не всё. У матушки имелся ма-

ленький шкаф для одежды, где висело несколько поношенных, но ещё годных платьев, а также плащ. Всё, разумеется, чёрное. На полке лежал завернутый в бумагу плащ «Дыхание ночи» из лавки Закзака Рукисилы, который Тиффани сама подарила матушке. Похоже, матушка его так ни разу и не надела, но хранила бережно, как драгоценность. У Тиффани защипало в глазах...

Возле кровати стояли матушкины башмаки. Это были добротные крепкие башмаки, они бы могли ещё послужить кому-то... И матушка не любила, когда что-то полезное пропадало зря. Но Тиффани и помыслить не могла носить её башмаки. Ей и без них-то наверняка вскоре придётся узнать, как непросто идти по стопам матушки. Она сглотнула. И решила, что найдёт башмакам новую хозяйку. А пока аккуратно задвинула их под кровать, с глаз долой.

Ещё оставался огород и грядки с травами. Тиффани отыскала в кладовке пару толстых перчаток — не стоит соваться к матушкиным травам с голыми руками, если вы с ними не знакомы. Матушка доставала, выменивала и получала в подарок растения со всего мира. У неё в саду росли и винтошпинат, и шелковица, и Джинни Бигудь, и завихрён, и хохотук, и перекрот, и отравалериана, и ромашка-неваляшка, и львиный зад. Здесь был кустик клюкалки по соседству с Джеком-из-сений и очень деятельная девичья отложка. Тиффани понятия не имела, как действуют эти травы. Надо будет спросить нянюшку Ягг. Или Маграт Чесногк, которая, как и её муж, король Веренс, пылко

верила в силу трав¹. Хотя Маграт, в отличие от мужа, умела отличить Тони-занозу от переменного корня.

Быть ведьмой всегда нелегко. О, полёты на метле, это, конечно, прекрасно, но, чтобы быть ведьмой, надо мыслить здраво, порой до боли здраво. Ведьма имеет дело с тем, что есть, а не с тем, чего хотят люди. А сейчас то, что есть, внезапно заявило о себе громким мяуканьем и потёрлось головой о ноги Тиффани. Эй потребовала еды. Но когда Тиффани поставила ей на кухне полную миску, кошка сделала вид, будто её не заметила.

Тиффани вышла на улицу, накормила кур, выпустила коз пастись, перемолвилась словечком с пчёлами, а потом подумала: «Я своё дело сделала. В доме ни пятнышка, пчёлы довольны, и даже в уборной чисто. Если нянюшка согласится иногда заглядывать, чтобы покормить животных и приглядеть за Эй, я смогу на несколько дней вернуться домой».

Путь домой, в Меловые холмы, вышел долгим, печальным и очень мокрым, потому что с неба лило как из ведра². Тиффани направилась напрямик к дому

¹ Маграт и Веренс искренне считали, что если средство содержит травы, значит, оно действует благотворно. В случае с некоторыми травами из сада матушки Ветровоск полагать так было бы большой ошибкой. По крайней мере, первоначальный эффект мог оказаться не слишком приятным. И пациенту лучше бы не отходить далеко от уборной.

² Вопреки распространённому мнению, ведьмы не могут одновременно управлять метлой и держать зонтик. По крайней мере, Тиффани пока не встречала ни одной, которая бы это умела.

Милли Робинсон. Фигли в своей обычной манере расселись позади неё, под ней, а некоторые и прямо на ней, цепляясь за что попало.

Мальчишки-близнецы были сытые и довольные, а вот девочка, маленькая Тиффани, — нет. К сожалению, Тиффани-ведьме часто приходилось видеть такое, особенно если мать не очень умна или её собственная мамаша настаивает, что главное — накормить мальчиков. Вот почему сразу после рождения малышки Тиффани нашептала ей на ухо заклинание. Это была простейшая следящая магия, позволяющая узнать, не случилась ли с девочкой беда. Просто на всякий случай, говорила себе тогда Тиффани.

Кричать и отчитывать молодую мать не было никакого смысла, поэтому Тиффани отвела её в сторонку и сказала:

— Милли, послушай! Конечно, очень важно, чтобы твои мальчики выросли сильными и крепкими, но моя мама всегда говорила: «Сын остаётся твоим сыном, пока не возьмёт себе жену, а дочь остаётся дочерью до конца жизни». И мне кажется, она права. Ты ведь до сих пор помогаешь своей маме, верно? А она помогает тебе. Так что было бы правильно, если бы ты кормила малышку на равных с мальчиками. Пожалуйста.

А потом, поскольку в комплекте с пряником — в данном случае с молоком — обычно идёт и кнут, она выпрямилась, строго посмотрела на Милли из-под остроконечной шляпы, которая делала Тиффани старше и мудрее, и добавила:

— Я буду приглядывать, чтобы с ней ничего плохого не случилось.

Она уже давно поняла, что капелька угрозы никогда не помешает. Кроме того, Тиффани и правда собиралась присматривать за малышкой.

Тиффани хотела поговорить ещё кое с кем — напоследок, чтобы больше уже ни с кем не говорить до утра. Дождь полил ещё сильнее, когда её метла снизилась у кургана пикстов и Фигли посыпались с неё, как горох. Туп Вулли умудрился совершить редкостно неудачную посадку, воткнувшись головой в колючий куст утёсника. Ватага юных Фиглей с гиканьем побежала его вызволять.

Возле входа, замаскированного под кроличью нору, болталась пара старших сыновей Явора. Они были тощими, даже по фиглевским меркам, и у них только-только начинали пробиваться бороды. Оба носили спюги на длинных ремнях, так что те хлопали их по ногам, а килты сидели низко на бёдрах, и Тиффани с изумлением увидела над килтами ремни штанов, сшитых из крашеного полотна. Штаны? У Фиглей? Да уж, и впрямь наступают новые времена.

— А ну кыкс килты поддёрнули, — буркнул Явор Заядло, когда они с Тиффани протолкались мимо молодёжи в нору.

Кельда была в своих покоях в окружении Фиглей-младенцев, которые барахтались на полу, застеленном шкурами ушедших на иные пастбища овец.

И первыми словами кельды были:

— Я знаю... — Она вздохнула и добавила: — Это горе для меня, но таков черёд вещей. — Тут она улыбнулась, в уголках глаз собрались морщинки: — Од-

нако ж мне счастье видеть тебя заглавной ведьмой, Тиффан.

— Э... спасибо, — проговорила Тиффани.

«Откуда Джинни узнала?» — удивилась было она. Но тут же вспомнила, что у кельд есть таинства, чтобы видеть прошлое, настоящее и будущее. Кельды бережно хранят свои секреты, передавая их от матери к дочери.

А ещё Тиффани знала, что пусть Джинни и крохотная, но хранить секреты она умеет. Поэтому теперь Тиффани, помявшись, призналась:

— Джинни, я думаю, мне ни за что не стать такой, как она.

— Да ну? — резко сказала кельда. — А что ж, по-твоему, сказанула млада Эсме Ветровоск, когда оно ей досталось, это дело? Думаешь, она сказанула: «Ну не, это не по мне, я недотягиваюсь?» — Мудрая маленькая пикста смотрела на Тиффани так, будто та была любопытным образцом — редким растением, например. Потом она понизила голос и добавила уже мягче: — Я знаю, ты бушь хорошей заглавой.

— Ну, скорее первой среди равных, чем главой, — поправила Тиффани. — По крайней мере, остальные ведьмы наверняка так думают...

Она умолкла, невысказанные сомнения повисли в воздухе.

— От оно как? — переспросила кельда. Она помолчала, потом мягко сказала: — Однажды ты поцеловала духса зимы и отправила его восвояси, ах-ха. Но я знаю, что вскорости тебе предстоит кой-что потрудней. В небах грядут перемены, и ты бушь нужна

тут. — Она пристально посмотрела на Тиффани и добавила ещё более мрачным тоном: — Берегайся, Тирвар-фойн: наступает время перехода. Хозяйки Ветровск больше нет, а на её месте сталась... дыра. И сыщутся те, кто её углядит. Надо стерегать врата, надо самим стеречься. Ибо те, об ком ты и знать не хочишь, могут рыщить по твою душу.

Как хорошо дома, подумала Тиффани, когда наконец-то вернулась на ферму своих родителей, которая так и звалась — Родная ферма. Дома мама каждый вечер стряпает горячий ужин. Дома можно сесть за большой кухонный стол, исцарапанный многими поколениями Боленов, и снова почувствовать себя маленькой девочкой.

Но она больше не маленькая девочка. Она ведьма. И теперь ей надо было заботиться о двух уделах. Всю следующую неделю Тиффани летала с холмов в Ланкр и обратно, по погоде, которая будто бы решила участвовать в конкурсе на звание самого мокрого времени года. Тиффани казалось, что она вечно не успевает, она продрогла и устала до самых костей. Люди были вежливы — и с ней, и уж точно с её остроконечной шляпой, — но по тому, чего они *не* говорили, Тиффани чувствовала: что бы она ни делала, этого всегда оказывалось недостаточно. С каждым днём она вставала всё раньше и ложилась всё позже, но это не помогало.

Она знала: её долг — быть хорошей ведьмой. Могущественной ведьмой. И когда выпадала крохотная передышка, когда не надо было лечить, ухаживать,

помогать, выслушивать, Тиффани чувствовала, как по спине пробегает тревожный холодок. Джинни предупреждала: может объявиться нечто страшное. Сумеет ли Тиффани справиться с этой напастью? Ей казалось, она и повседневную-то работу не делает как следует.

Она не могла заменить матушку Ветровоск для ланкрцев.

И с каждым днём становилось всё труднее быть Тиффани Болен для жителей Меловых холмов.

Даже дома. Даже там. Однажды ночью она вернулась на ферму, мечтая только об ужине, покое и постели. Мама как раз достала из печи огромный, пышущий жаром чугунок и поставила его посреди стола, но тут разгорелась ссора.

— Я сегодня возле «Баронского герба» Сида Горлица встретил, — заявил брат Тиффани Винворт, крепкий паренёк, который по возрасту ещё не мог ходить в паб, зато мог и любил болтаться поблизости.

— Сид Горлица? — переспросила госпожа Болен.

— Это младший из двоих братьев Горлиц, — пояснил отец Тиффани.

Младший, мысленно отметила Тиффани. В сельском краю это многое значит. Ферма-то отойдёт старшему брату. Хотя ферма Горлицев, помнится, незавидное имущество — дела там идут плохо, хозяева живут в бедности. А отец семейства — завсегдатай «Баронского герба». Или нет?.. Тиффани попыталась вызвать в памяти лицо госпожи Горлиц, но у неё ничего не вышло. Зато Сид вспомнить оказалось нетруд-

но — она видела его всего несколько недель назад в окрестностях местечка Дверубахи. Это был низкорослый парнишка, которому кто-то дал кепку с длинным козырьком и свисток на шнурке, чтобы носить на шее, так что мальчишка стал смахивать на птицу, как раз под стать своей фамилии.

— Так вот, Сид мне про работу на железной дороге рассказывал, — увлечённо продолжал Винворт. — Он там неплохие деньги зарабатывает, этот Сид. И говорит, им ещё люди нужны. Пап, понимаешь, железная дорога — это будущее. Паровозы, а не овцы!

— Выбрось эти глупости из головы, — строго велел отец. — Железная дорога — она для тех, у кого своей земли нет. Не для нас, Боленов. Не для тебя, понял? Ты знаешь, какая у тебя судьба. Такая же, как у всех Боленов до тебя.

— Но... — Винворт заметно расстроился.

Тиффани бросила на брата быстрый взгляд. Она понимала, каково ему сейчас. Ведь и сама Тиффани посвятила свою жизнь вовсе не тому, чего от неё ожидали, верно? А то бы уже вышла замуж, как её сестры, и собиралась бы нарожать своей матери ещё несколько внуков, чтобы та могла хлопотать над ними.

Мама, похоже, подумала о том же.

— Что-то тебя в последнее время дома почти не видно, — обратилась она к Тиффани. Мать явно очень старалась, чтобы прозвучало это помягче, а не так, будто она чем-то недовольна. — Мне так жаль, что мы тебя редко видим, — добавила она с лёгкой грустью.

— Оставь девочку в покое, — сказал отец. — Она же теперь вроде главной ведьмы и не может поспевать везде.

— Я стараюсь почаще бывать дома, — сказала Тиффани виновато, словно по-прежнему была маленькой и должна была оправдываться. — Но работы очень уж много, ведьм не хватает.

Мама улыбнулась, неумело скрывая беспокойство:

— Я знаю, что ты вся в делах, милая. Стоит мне выйти с фермы, люди сплошь и рядом подходят ко мне и рассказывают, как ты помогла их малышу или отцу. Все замечают, что ты работаешь, не жалея сил. И знаешь, что люди говорят? Что ты становишься всё больше похожа на свою бабушку. Матушка Болен ведь самому барону указывала, что делать, и ты тоже.

— Но матушка Болен не была ведьмой, — напомнила Тиффани.

— А это как посмотреть, — сказал отец.

Тут Винворт шумно встал из-за стола и вышел, хлопнув дверью. Джо Болен проводил его взглядом, потом подмигнул Тиффани:

— Ведьмы-то разные бывают. Помнишь, как бабушка велела, чтобы, когда она умрёт, мы сожгли её кибитку? «Сожгите всё», — сказала она мне. — Отец улыбнулся. — Ну, я, в общем-то, так и сделал. Но в кибитке была одна вещь, которую нельзя было жечь, так что я забрал её, завернул аккуратно, а теперь хочу подарить тебе. Пусть будет тебе память о матушке Болен.

Тиффани с удивлением заметила, что отец плачет, хоть и продолжает улыбаться. Он вручил ей неболь-

шой свёрток из мятой бумаги, перевязанной старой шерстяной ниткой. Тиффани развернула подарок и взяла в руки небольшой угловатый предмет.

— Это же пастушья корона, — сказала она. — Я видела такие раньше, они довольно часто попадают-ся на холмах.

Джо Болен усмехнулся и сказал:

— Это непростая корона. Твоя бабушка говори-ла, она особенная, всем коронам корона. И если всем пастухам пастух возьмёт её в руки, она станет золо-той. Видишь, там кое-где золото малость прогляды-вает.

Тиффани ела тушёное мясо — никто во всём ми-ре не умеет тушить мясо так вкусно, как мама, — рассматривала подарок и думала о тех временах, когда матушка Болен спускалась на ферму, чтобы поужинать вместе с семьёй.

Иногда казалось, бабушка вообще не ест и обхо-дится одним лишь табаком «Весёлый капитан». И она совершенно точно знала об овцах всё, что можно. Но стоило об этом подумать, как одни мысли потянули за собой другие, и Тиффани стала вспоминать обо всём, что матушка Болен говорила и делала. Воспоминания обрушились, будто снежная лавина, захлестнули её с головой.

Тиффани думала о тех временах, когда ходила по окрестным лугам вместе с бабушкой. Чаще всего они молчали, иногда их сопровождали Гром и Молния, ба-бушкины овчарки. Тиффани многое узнала тогда.

«Бабушка научила меня всему, — поняла Тиффа-ни. — Мы ходили по пастбищам, и она передавала

мне знания. Прежде всего она научила меня заботиться о людях. Ну и об овцах, конечно».

А всё, что матушке было нужно от мира, — это маленькая кибитка и щепотка паршивого табака.

Тиффани выронила ложку. Здесь, дома, на кухне, не зазорно было и расплакаться, как в детстве.

Отец тут же очутился рядом:

— Ты многое можешь, джиггат, но никто не может успеть всё.

— Да, — подтвердила мама. — И дома тебя всегда ждёт застеленная постель. Мы знаем, ты делаешь людям много добра, и мы гордимся тобой, когда ты мчишься по небу, чтобы помочь кому-то. Но ты не можешь успеть всё и помочь всем! Побудь сегодня вечером дома. Пожалуйста.

— Мы всегда рады видеть нашу девочку, но особенно приятно, когда мы успеваем разглядеть её как следует, а не так, чтоб фьют — и нету. — Отец обнял Тиффани за плечи.

Пока они заканчивали ужинать, за столом царило молчание — тёплое, домашнее. Доев, Тиффани встала, чтобы подняться в комнату, с детства служившую ей спальней, но тут мама подошла к буфету. Там, среди бело-голубых кувшинов, которые, как это ни удивительно для фермерской кухни, стояли там только для красоты, дожидался конверт.

— Тебе письмо, Тиффани. От Престона, наверное, — сказала госпожа Болен специальным материнским тоном. В том, как она произнесла имя Престона, прозвучал невысказанный вопрос.

Тиффани взяла письмо и пошла наверх, окутанная любовью и заботой родителей. Вошла в комнату, радостно вслушиваясь в родной скрип половиц, и пристроила пастушью корону на полку, где уже стояли несколько книг, пополнив свою сокровищницу, — и устало переоделась в ночную рубашку. Этим вечером она твёрдо решила забыть о тревогах и немного побыть просто Тиффани Болен, а не Тиффани Болен — Ведьмой Меловых холмов.

Потом, пока света ещё хватало, она прочла письмо Престона, и волна тихого счастья затопила её, заставив даже усталость ненадолго отступить. Письмо было чудесное. И столько новых слов! На этот раз Престон писал о том, как правильно брать скальпель — какое звонкое, холодное слово! — и как он накладывал швы, используя вместо ниток новый материал под названием «кетгут». «Кетгут», — повторила про себя Тиффани. Мягкое слово, прищёпывающее, совсем не такое гладкое и блестящее, как «скальпель», оно звучало почти целительно. А Тиффани так хотелось бы исцелить себя — унять боль от ухода матушки Ветровоск, снять напряжение от тщетных попыток всё успеть, всем угодить...

Она прочла письмо медленно, не пропуская ни единого слова, а потом перечитала ещё раз, сложила и убрала в деревянную шкатулку, где хранила все письма Престона и прекрасный золотой кулон в виде зайчихи, его подарок. Заклеивать конверт смысла не было — от Фиглей ничего не утаишь, они только перепачкают всё улиточьей слизью, старательно запечатывая вскрытые ими конверты.

А потом она уснула в комнате, где выросла, и кошечка Эй лежала подле неё.

Тиффани снова была ребёнком, окружённым любовью родителей.

Но при этом оставалась девушкой, которая получает письма от своего молодого человека.

И ведьмой. Ведьмой с очень... необычной кошкой.

А родители тем временем, лёжа в постели, говорили о своей дочери...

— Я нашей девочкой просто горжусь, — начал Джо Болен.

— И повитуха она прекрасная, — подхватила его жена и с грустью добавила: — Вот только уж и не знаю, будут ли у неё когда-нибудь собственные дети. Знаешь, она никогда ничего не рассказывает про Престо́на, а спрашивать как-то не хочется. С её сёстрами всё было по-другому. — Она вздохнула. — Но жизнь в последнее время вообще меняется. Вот и Винворт сегодня...

— Ой, да не переживай ты о нём, — отмахнулся Джо. — Все ребята в его возрасте пытаются гнуть свою линию. Он, конечно, пошумит, погрозится да потопает ногами, но когда нас не станет, он будет здесь, чтобы заботиться о земле Боленов. Земля — такая штука, которая всё перевесит. А железную дорогу-то уж точно.

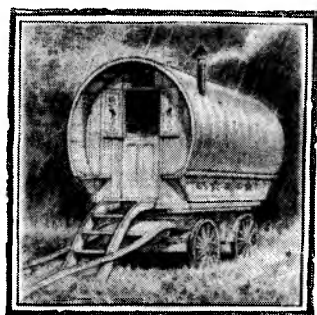
— Но Тиффани — другое дело, — сказала госпожа Болен. — Не знаю, что она там себе думает, только надеюсь, что они с Престоном когда-нибудь осядут в наших краях. Он врач, она — ведьма, чего ж им не быть вместе, верно? Тогда и у Тиффани родятся детишки, как у Ханны и Фастидии.

Оба некоторое время молчали, погружившись в мысли о старших дочерях и своих внуках. Джо вздохнул:

— Тиффани не такая, как её сестры, милая. Думаю, она и дальше своей бабки пойти может.

Он задул свечи, и они уснули, думая о своей Тиффани, жаворонке среди воробьёв.

Глава 6

ВЕЗДЕ ПОСПЕТЬ

Размеренно шагая по дороге, ведущей в Ланкр, — Мефистофель с тележкой трусил рядом, ласточки носились над головой, — Джеффри вдруг почувствовал, как далеко остался дом, где он вырос. Они были в пути всего неделю или около того, но, забравшись в предгорья Овцепиков, он наконец понял, что география в жизни серьёзно отличается от географии в книгах учителя Виггала. Здесь, в Ланкре и окрестных деревушках, географии было куда больше, чем во всех атласах, вместе взятых.

К концу долгого дня пути усталые, но довольные Джеффри и Мефистофель добрались до деревенской пивной под названием «Звезда». Вывеска обещала превосходный эль и вкусную еду. Вот и посмотрим, такой ли уж он превосходный, подумал Джеффри. Он распряг Мефистофеля и вошёл в пивную; козлик привычно потрусил за ним.

Внутри оказалось полно посетителей — простых тружеников, которые, закончив трудиться, зашли пропустить кружку-другую перед ужином. Воздух был довольно спёртый, сдобренный неповторимым ароматом сельскохозяйственной подмышки. Завсегдатаи привыкли, что некоторые берут с собой в пивную собак, но весьма удивились, увидев паренька в добротной, хоть и запылённой одежде, который привёл козла.

— Эй, к нам тут только с собаками можно, — сказал тощий бармен за стойкой.

Все взгляды обратились на Мефистофеля. Джеффри вежливо возразил:

— Мой козёл чище и умнее любой собаки. Он умеет считать до двадцати, а справлять свои дела выйдет на улицу. Кстати, сэр, если вы покажете нам, где здесь уборная, он туда и направится, когда надо будет.

Один из посетителей, похоже, решил, что над ними подшучивают.

— Ты что, думаешь, раз мы простые деревенские работяги, то ничего в жизни не понимаем? Даже моя кружка знает — не может козёл уметь такие штуки!

— Что ж, вашей кружке, конечно, виднее, сэр, — с невинным видом ответил Джеффри.

Все засмеялись. Теперь взгляды были прикованы уже к Джеффри. Он повернулся к козлику:

— Мефистофель, сколько человек в этой комнате?

Мефистофель надменно оглядел посетителей у стойки поверх носа (а нос у него был такой, что любая чопорная вдовушка обзавидуется) и стал аккуратно постукивать копытцем об пол. В пивной воцарилась тишина.

Мефистофель ударил копытцем восемь раз и замер.

— А ведь не ошибся! — заявил бармен.

— Я такое уже видел, — вмешался кто-то из любителей пива. — К нам как-то прикатили всякие канатоходцы, клоуны, безрукие уродцы и странствующие доктора¹. Балаган это называлось. Так у них была лошадь, которая якобы тоже умела считать. А это оказалось сплошное надувательство.

Джеффри улыбнулся:

— Если кто-нибудь из вас, уважаемые господа, соизволит ненадолго отойти, я попрошу моего козла пересчитать оставшихся, и вы увидите, что никакого обмана тут нет.

Публика была заинтригована. Несколько человек вышли, остальные принялись заключать пари.

— Господа, сейчас мой козёл сосчитает, сколько человек осталось! — объявил Джеффри.

И Мефистофель снова изящно отстучал верное число.

Услышав одобрителный шум, те, кто выходил, вернулись обратно, и Мефистофель тщательно сосчитал каждого вошедшего, ударив копытцем.

Бармен расхохотался:

— Ну что же, своими фокусами вы с козлом, пожалуй, заслужили обед, господин. Что он у тебя любит?

— Это вовсе не фокус, уверяю вас, но всё равно спасибо, — сказал Джеффри. — Мефистофель ест почти всё, он ведь козёл. Овощные очистки подойдут

¹ Ещё в балаганчике обязательно был человек, который запускать себе в штаны хорьков. Поэтому без докторов было никак.

лучше всего. Что же до меня, то мне достаточно и куса хлеба.

Мефистофелю вынесли с кухни миску очисток, а Джеффри устроился рядом с кружкой пива и щедрым ломтём хлеба, намазанным маслом. Несколько человек подсели поговорить, уж больно интересным им показался козёл. Интерес разгорелся ещё больше, когда Мефистофель удалился в сторону уборной, а потом вернулся.

— Он что, в самом деле умеет делать свои дела где положено? — спросил кто-то.

— Да, — отвечал Джеффри. — Я приучил его, ещё когда он был маленьким. Он вообще очень способный и послушный. Во всяком случае, когда я рядом.

— Это как?

— Он делает, что ему сказано, но и своё собственное мнение имеет. Я его ни на что на свете не променяю.

От двери раздались крики — один из посетителей, преисполнившись пивной удали, затеял драку с кем-то, кто только что вошёл. Самые благоразумные из собравшихся отодвинулись подальше, чтобы не попасть под раздачу. Дерущиеся обменивались ударами, словно решили забить друг друга до смерти, а бармен орал, что они ломают ему мебель, и грозился, если не перестанут, отделать их дубинкой, которую его дед привёз на память из военного похода в Клатч.

Мефистофель же мгновенно оказался рядом с Джеффри, готовый его охранять. Тут те, кто потрезвее, сразу поняли, что с парнем лучше обходиться по-вежливее, если жизнь дорога. Они не смогли бы объ-

яснить, откуда им это известно, но нутром чуяли: этой зверюге только повод дай.

— Почему они дерутся? Что случилось? — спросил Джеффри у соседа.

— Девушку не поделили. — Тот закатил глаза. — Плохо дело. Сдаётся мне, кому-то крепко достанется.

К всеобщему изумлению, Джеффри встал, пересёк комнату (Мефистофель не сводил с него глаз) и, ловко уклонившись от ударов, встал между драчунами.

— Послушайте, вам вовсе ни к чему драться, — сказал он.

Хозяин пивной обмер — он-то хорошо знал, что бывает, когда кто-то пытается встать между двух дураков, нацелившихся пустить друг другу кровь. Но в следующее мгновение он едва поверил своим глазам: задиры опустили кулаки и остались стоять, смущённо переминаясь с ноги на ногу.

— Почему бы вам, вместо того чтобы убивать друг друга, не спросить мнения девушки? — мягко предложил Джеффри.

— Слышь, а он дело говорит, — буркнул более высокий и плечистый из драчунов.

Любители пива дружно засмеялись, когда задиры стали озираться по сторонам, словно не в силах поверить, что это они учинили такой разгром.

— Ну вот, всё и уладилось, верно? — заметил Джеффри, вернувшись к стойке.

— А-а... — протянул хозяин, который ещё недавно был уверен, что ему придётся соскребать Джеффри с пола. — Ты, случайно, не волшебник?

— Нет, — сказал юноша. — Это у меня просто дар такой. Просыпается каждый раз, когда нужен. — Он улыбнулся. — Лучше всего с животными получается, но иногда и с людьми тоже.

«Но не с отцом, — мысленно добавил он. — С кем угодно, только не с ним».

— Всё равно ты в каком-то смысле волшебник, — упрямо сказал хозяин. — Ты умудрился остановить драку двух самых рьяных наших забияк.

Он повернулся к нарушителям спокойствия:

— А вы двое — топайте отсюда и не возвращайтесь, пока не протрезвеете. Только посмотрите, что вы здесь устроили!

Он схватил драчунов и вытолкал за дверь.

Остальные посетители вернулись к своим кружкам.

А хозяин заведения окинул Джеффри оценивающим взглядом.

— Парень, тебе работа нужна? Платить не буду, но ночлег и еда — твои.

— Я не могу наняться к вам в работники надолго, но с радостью задержался бы тут на несколько дней, — с готовностью отозвался Джеффри. — Только если у вас есть овощи — я не ем мяса. И, надеюсь, для Мефистофеля местечко найдётся? Он не очень сильно пахнет.

— Да уж, наверное, не хуже, чем кое-кто из моих завсегдатаев, — усмехнулся хозяин. — Вот что я тебе скажу. Можешь ночевать со своим козлом в сарае. Завтраком и обедом я вас накормлю, а там посмотрим. Ну что, по рукам? — И он протянул юноше довольно грязную ладонь.

— Да, спасибо! Меня зовут Джеффри.

Хозяин неуверенно помолчал, потом всё же представился:

— Я Зайка. Зайка Милый. — Он с несчастным видом посмотрел на Джеффри и спросил: — Ну, чего не смеёшься? Все смеются, так что и ты можешь не стесняться, мне уже всё равно.

— А что смешного? — сказал Джеффри. — «Зайка» — хорошее, доброе слово, и «Милый» тоже. Не вижу тут ничего такого.

Вечером, укладываясь спать, господин Милый поделился новостями с женой:

— Я тут помощника в пивную нанял. Занятный парнишка, малость со странностями, но безобидный. Из тех, с кем легко потолковать.

— А мы можем себе позволить нового работника, дорогой? — спросила жена.

— Да ему ничего и не надо, кроме ночлега и еды, притом что он даже мяса не ест. И ещё у него козёл ручной. Умный такой, понимаешь. Фокусы разные показывает и вообще. Может, к нам новые люди станут заглядывать, поглядеть на него.

— Ну и прекрасно, дорогой, если тебе кажется, что это хорошая мысль... — отозвалась госпожа Милая. — А как он одет?

— Очень даже неплохо. И говорит этак по-господски, вычурно. Небось сбежал откуда-то. Но по мне, так лучше его ни о чём не спрашивать. Вот что я тебе скажу: пока он со своим козлом тут, у нас всё будет тихо-мирно.

И Джеффри задержался в «Звезде» на два дня, просто потому, что господину Милому нравилось, когда

парень ошивается поблизости. А когда юноша сказал, что ему пора идти дальше, госпожа Милая призналась мужу, что это известие её огорчило:

— Странный он парень, этот Джефффри. Пока он здесь, я вроде как чувствую, что всё хорошо, хоть и не знаю, что хорошо-то. Просто такое общее «хорошо» висит в воздухе. И мне ужасно жаль, что он уходит.

— Да, дорогая, — кивнул господин Милый. — Я просил его остаться, правда просил, но он сказал, ему нужно в Ланкр.

— Это же там, где ведьмы живут. — Госпожа Милая брезгливо поморщилась.

— Что ж, — сказал господин Милый, — это там, куда ему приспичило попасть. — Он помолчал и добавил: — Парень говорит, туда его ветер дует.

По мнению Тиффани, которая возвращалась на метле с Родной фермы, ветра в Ланкре и вокруг него было слишком много. Он был сильный и дул ей навстречу. Зато хотя бы без дождя обошлось. Вот вчера лило нещадно — казалось, стоило одной туче обрушить на землю ливень, как подтянулись все её подружки и присоединились к веселью.

Поначалу Тиффани гордилась, что у неё теперь два удела, хоть и приходилось каждые несколько дней летать туда и обратно. Но метла — не слишком-то быстрое средство передвижения. И не слишком-то тёплое¹. Хорошо ещё, дома Тиффани могла не заботиться

¹ Наверху страшно холодно, и всякая здравомыслящая ведьма, прежде чем оторваться от земли, позаботится, чтобы между ней и метлой было несколько слоёв тёплой фланели.

о еде, положившись на маму, но и там у неё почти не оставалось времени отдохнуть, а за те несколько дней, что она была в Ланкре, на Меловых холмах успевали накопиться работа и недовольство. Не то чтобы люди жаловались — всё-таки Тиффани была ведьмой, а в Ланкре жило больше народу, чем на холмах, но лёгкое напряжение понемногу начинало сказываться. Пошли шепотки. И Тиффани с ужасом подозревала, что некоторые шепотки исходят от ведьм, которые обнаружили перед своим домом очередь из людей, заставших дом матушки Ветровоск пустым.

Что в одном уделе, что в другом, забот Тиффани основательно добавляли пожилые вдовцы — старики, пережившие своих жён. Большинство из них не умели готовить. Случалось, какая-нибудь соседка бралась носить одинокому старику обеды, но ведьминское чутьё подсказывало Тиффани, так удачно всё складывалось, только если соседка была немолодая вдовушка, а у старика был хороший дом и водились какие-никакие деньжата.

Работы у Тиффани всегда хватало — взять хотя бы ногти на ногах. У одного чудесного дедушки из Ланкра они были такие крепкие, что обрезки, отскочив, вполне могли зашибить насмерть. Тиффани пришлось попросить Джейсона Ягга, местного кузнеца, сделать ей особо прочные кусачки специально для этих ногтей. Она всегда зажмуривалась и не открывала глаз, пока не слышала, что обрезаек ударился в потолок. Но старик звал её милой барышней и норовил заплатить. Да и Фигли, как ей теперь было известно, нашли обрезакам отличное применение.

Ведьмы любят, чтобы вещи служили делу, размышляла Тиффани в попытке отвлечься от пронизывающего ветра и холода. Ведьма ни за что не станет просить — да никто и не захочет ей ничего одолжить, — и денег она тоже не возьмёт. Зато она охотно примет в благодарность что-то полезное: еду, ношеную одежду, ве-тошь, которая сгодится на бинты, или старые башмаки.

Башмаки. Недавно она опять споткнулась о башмаки матушки Ветровоск. Тиффани переставила их в угол, они стояли там и, казалось, пристально смотрели на неё, когда она уставала так, что даже думать ни о чём не могла. «Ты недостаточно хороша, чтобы носить эти башмаки, — казалось, говорили они. — Тебе ещё очень многое надо сделать, а потом уж посмотрим».

Разумеется, без дела Тиффани не сидела, ведь многие люди вообще не думают о последствиях своих поступков. И ведьме частенько приходится среди ночи вставать с постели и лететь сквозь дождь из-за всех этих: «Я просто...», «Я не знал...», «Я не виноват...».

«Я просто хотела проверить, горячий ли чайник...»

«Я не знал, что с кипятком надо обращаться осторожнее...»

«Я не виноват: никто не сказал мне, что если собака лает, то может и укусить...»

И самое прекрасное: «Я нечаянно — я же не знал, что оно взорвётся!», когда на коробке ясно написано: «Содержит взрывчатые вещества». Это было в тот раз, когда малыш Тед Купер засунул петарду «Весёлый взрыв»¹ в тушку жареной курицы на праздничном сто-

¹ Ещё одна подсказка для недогадливых.

ле по случаю дня рождения его мамы. Все, кто сидел за столом, тогда чуть не погибли. Тиффани, конечно, помогла всем, включая проказника, но очень надеялась, что отец потом хорошенько надрал ему уши.

А когда ведьмы нет рядом, рассуждают люди, почему бы не попробовать полечиться самим. Большинство людей знает о целительной силе растений. И ни капельки в ней не сомневается. Но вот беда: растения ещё надо уметь отличать друг от друга. Например, госпожа Голланд с Меловых холмов, когда у её мужа-мельника начались неприятности с кожей, попыталась лечить его клюкалкой вместо жениховского корня, и кожа господина Голланда сделалась лиловой.

Тиффани помогла ему, прежде чем отправиться в Ланкр, и теперь, пролетая высоко над землёй, искренне надеялась, что оба супруга выучили урок.

Хорошо ещё, что нянюшка Ягг жила не слишком далеко от домика матушки... нет, теперь уже от домика Тиффани. Тиффани много чего отлично умела, но только не готовить. Дома она полагалась в этом на маму, а в Ланкре — на нянюшку, точнее, на её бесчисленную армию невесток, которые только и делали, что пытались угодить любимой старенькой свекрови¹.

Но где бы нянюшка с Тиффани ни обедали — в домике на лесной поляне или в Тир-нянь-Ягг, густонаселённом, но очень уютном доме, где безраздельно царила нянюшка, — Эй была тут как тут. Ни одна кошка не может бегать так быстро, да никто никогда и не ви-

¹ А поскольку угодить нянюшке было очень и очень непросто, они и в самом деле только этим с утра до вечера и занимались.

дел, чтобы Эй бежала, — она просто всегда появлялась там, где хотела. Загадка, да и только. Что ещё загадочнее, Грибо, старый нянюшкин котяра, который запросто мог в качестве дружеского приветствия выцарапать глаза, — тихо смывался, едва появлялась Эй.

Белая кошка, очевидно, решила повсюду сопровождать Тиффани, пока та была в Ланкре. Вот и теперь, когда Тиффани собралась в путь, чтобы до вечера навестить несколько местных жителей, кошка запрыгнула на метлу первой. То есть Тиффани ещё даже в сторону помела не посмотрела, а Эй уже сидела на ручке, будто так и надо.

Нянюшка расхохоталась:

— Она всё про тебя выучила, милая! Может, она уже и сама может по домам вместо нас ходить!

Нянюшка Ягг и радовалась успехам Тиффани, и переживала за неё.

— Послушай, — сказала она как-то раз, когда они сели перекусить, — сама-то ты знаешь, что ты молодец. И я знаю, что ты молодец. Эсме, где бы она сейчас ни была, тоже знала, что ты молодец. Но совершенно необязательно пытаться переделать все дела в одиночку, девочка моя. Дай и ведьмочкам, которые только участвую, немного попотеть. — Она помолчала, пережевывая большой кусок тушёного мяса. — Помнишь того молодого дровосека, которого Эсме заштопала как раз накануне своего последнего дня? Так вот, его ходит навещать Гарриетта Жулинг, и неплохо справляется. Тифф, я знаю, ты хочешь всё делать по-своему, но ты не единственная ведьма в Ланкре. Иногда надо отойти в сторону, и пусть оно идёт своим чередом.

Тиффани тогда так спешила, что едва сумела дослушать, а дослушав, сразу вскочила на метлу и полетела в холмы. Когда у ведьмы два удела, покоя ей не видать... Но на лету, пока ветер оглушительно свистел в ушах, она задумалась о словах нянюшки. Да, в Ланкре водились и другие ведьмы, но в холмах — если только Летиции не надоест быть просто баронессой — никого, кроме Тиффани, не было. А если предчувствия её не обманывают, если слова Джинни обернутся страшной правдой, то скоро наступят такие времена, когда одна ведьма не сможет защитить Меловые холмы.

Тиффани поёжилась. Ей страшно хотелось домой, погреться на маминой кухне после пронизывающего ветра, но сначала надо было кое-кого повидать.

Найти мисс Тик оказалось непросто, но в конце концов Тиффани обнаружила её неподалёку от городка Хэм-на-Ржи, где странствующая ведьма устроила привал, чтобы выпить чаю. Привязанный неподалёку маленький мул счастливо хрюпал овсом в торбе. Увидев Тиффани, он заржал.

— Его зовут Джозеф, — сказала мисс Тик. — Настоящий ведьмин мул.

Снова пошёл дождь, и мисс Тик поспешно поманила Тиффани в свой фургончик. Внутри, к радости Тиффани, грелась походная плитка, а на ней побулькивал чайник. Усевшись на край скамейки у самой двери, Тиффани с благодарностью взяла из рук хозяйки кружку горячего чая.

В фургоне всё оказалось именно так, как она и ожидала. Мисс Тик и в чистом поле могла бы разло-

жить всё по полочкам, но тут полочки как раз имелись — маленькие, аккуратно заполненные всякими мелкими вещичками. Каждая была снабжена ярлычком с надписью, сделанной аккуратным учительским почерком. Приглядевшись, Тиффани убедилась, что, как она и подозревала, ярлычки шли строго в алфавитном порядке. В других местах стояли горшочки без ярлычков и надписей, так что содержимое их оставалось загадкой. Над кроватью висели схемы вязания всевозможных узлов: наука об освобождении от верёвок и оков — очень практичное увлечение для ведьмы.

— Буду тебе весьма признательна, если ты не станешь трогать мои горшочки, — сказала мисс Тик. — Некоторые составы действуют не совсем так, как задумано, результат может оказаться непредсказуемым. Но не могу же я оставить эксперименты.

А, так вот, значит, что в горшочках, подумала Тиффани, прихлёбывая чай. Эксперименты.

— Рада тебя видеть, — продолжала мисс Тик. — Я последнее время постоянно о тебе слышу. Чуть ли не все девочки в округе мечтают стать такой, как ведьма Тиффани Болен. Они видят, как ты проносишься по небу на метле, и тоже так хотят. Ведьмовское ремесло вдруг стало очень популярно среди молодёжи.

— О да, — отозвалась Тиффани. — Поначалу всегда так. Но стоит рассказать им, чем на самом деле занимаются ведьмы, и многие из этих девочек предпочитают податься в большой город и стать парикмахершами или ещё кем-нибудь в этом роде.

— Ну, я от них ничего не скрываю, — пожала плечами мисс Тик. — Говорю им: сперва подумайте хоро-

шенько. Быть ведьмой — это вам не сплошные чудеса и волшебные палочки. Белоручкам в нашем деле не протянуть.

Тиффани вздохнула:

— Быть ведьмой — тяжёлая мужская работа, которая по плечу только женщинам.

Мисс Тик засмеялась и добавила:

— Помню я одну маленькую девочку — она была не вполне уверена в себе, а я обещала научить её тому, что не забудется в суматохе дней.

Тиффани улыбнулась в ответ:

— Я тоже помню, хотя теперь мои дни полны спешки и суматохи. Но, мисс Тик... — продолжала она чуть тише, — мне кажется... кажется, другие, старшие ведьмы начинают думать, что я не справляюсь... — Она взяла себя в руки и добавила: — По крайней мере, в Ланкре. Но чтобы всё успевать, мне надо проводить там больше времени...

Тиффани прикусила губу. Она терпеть не могла просить о помощи. Если она сейчас скажет то, что собиралась, разве это не будет означать, что она подвела матушку Ветровоск? Ведь матушка оставила ей удел, выходит, она рассчитывала, что Тиффани справится. Матушка Ветровоск на её памяти никогда и никого ни о чём не просила.

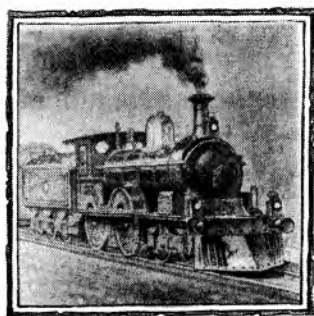
— Здесь, в холмах... — выдавила Тиффани, — думаю, мне не помешала бы... ученица. Чтобы мне помогала.

И ничего не произошло: небо не рухнуло на землю, и даже мисс Тик не задохнулась от ужаса, услышав просьбу. Она только сердито скрестила руки на груди:

— Это, должно быть, Летиция Увёртка распускает такие слухи! Она считает, будто всё должно делаться так, как раз и навсегда заведено, а потому матушкин удел следовало передать ей. Ну как же, она ведь старшая ведьма, столько всего знает... Но все её познания — сплошное динь-дилинь да сюси-пуси! Она написала книгу «Мои волшебные дружочки», подумать только! После такого постыдилась бы ведьмой себя называть, куда уж ей на место матушки Ветровоск замахиваться! Да Летиция Увёртка уж точно не потянула бы два удела разом. Для неё и одного-то слишком много. — Мисс Тик презрительно фыркнула. — Тиффани, не забывай: я же учитель¹. А мы, учителя, можем быть страшно вредными, если захотим. «Как стать ведьмой за десять шагов» и «Танцующая с метлой» — не те книги, которые я бы назвала полезными. Конечно, я подыщу тебе одну или двух девочек. А насчёт того, что может сказать госпожа Увёртка, не волнуйся. Я об этом позабочусь.

¹ Мисс Тик сказала это таким тоном, что ни у кого не могло остаться сомнений в её профессии.

Глава 7

стихия

Летиция Увёртка была не из тех женщин, которые, потерпев поражение, станут сидеть сложа руки. Или стоять скрестив руки, если уж на то пошло. Она была неостановима, как природная стихия, и терпеть не могла, когда её заставляли отступать.

Миновало совсем немного времени, и до госпожи Увёртки дошли слухи, что в один прекрасный день возле дома нянюшки Ягг выстроилась очередь. Это, по мнению госпожи Увёртки, означало, что Тиффани Болен Не Справляется. А в такой ситуации, полагала она, совершенно необходимо, чтобы одна из старших, авторитетных ведьм Спасла Положение. По мнению опять же госпожи Увёртки (у неё вообще на всё имелось мнение, и отнюдь не скромное), только у неё самой авторитет был достаточно высок, чтобы вмешаться. Учитывая, что эта старая кошёлка нянюшка Ягг до сих пор палец о палец не ударила.

Госпожа Увёртка много лет была замужем за престарелым, отошедшим от дел волшебником. «Волшебникам вообще-то жениться не положено, — рассказывала нянюшка Ягг Тиффани, презрительно фыркая. — Но старый дурак позволил обвести себя вокруг пальца. Знаешь, про некоторых мужей говорят, что жёны ими как хотят, так и вертят? Ну, так этого Летиция уже вконец Увертела. Она все его деньги просадила, вот что люди говорят!»

Тиффани благоразумно не стала тогда поддерживать этот разговор, предположив, что «люди» на самом деле были самой нянюшкой Ягг, которая ненавидела госпожу Увёртку неотступно и целеустремлённо.

Но именно поэтому Тиффани обрадовалась, что нянюшки Ягг не было у неё в гостях примерно неделю спустя, когда госпожа Увёртка решила заглянуть в домик в лесу, чтобы, как она выразилась, «немного поболтать». Возможно, разговор сложился бы лучше, если бы госпожа Увёртка не застала Тиффани в саду с руками по локоть в мыльной пене — она как раз стирала вещи старого господина Приза.

Когда в саду показалась госпожа Увёртка, сердце Тиффани упало¹. Но она вытерла руки от пены и пригласила гостью в дом, стараясь держаться как можно вежливее. Госпожа Увёртка имела обыкновение обращаться с Тиффани как с маленькой девочкой и вдобавок вела себя невоспитанно — например, садилась,

¹ На самом деле оно упало немного раньше, когда Тиффани услышала приближение госпожи Увёртки. Та навешивала на себя столько украшений, амулетов и талисманов, что они возвещали о её прибытии заранее не хуже оркестра с фанфарами.

не дожидаясь приглашения. Вот и на этот раз она самовольно уселась в старое матушкино кресло-качалку, одарила Тиффани вопиюще фальшивой улыбкой и окончательно закрепила результат, воскликнув:

— Деточка!

— Я давно уже не деточка, — тихо сказала Тиффани.

Под оценивающим взглядом гостьи она отчётливо почувствовала каждый пузырьёк пены, оставшийся на переднике или запутавшийся в волосах, которые к тому же растрепались за работой.

— Не важно, — отмахнулась госпожа Увёртка. — Я тут просто подумала, что мне стоит заглянуть к тебе, по-дружески и на правах одной из самых старших ведьм в округе, — посмотреть, как идут дела, и, возможно, дать полезный совет.

Она с видом превосходства оглядела кухню, выразительно задержавшись взглядом на клочьях пыли, которые весело играли в догонялки на каменном полу. Тиффани с ужасом вспомнила о колонии пауков в кладовке — у них недавно случилось пополнение семейства, и ей не хватило духу их выгнать.

— Дорогая моя, мне кажется, тебе трудно приглядывать за двумя уделами сразу, правда? — с приторной улыбочкой спросила старшая ведьма.

— Дорогая госпожа Увёртка, вы правы, — отвечала Тиффани несколько резко. — Мне действительно нелегко, ведь и там, и там много дел, и времени не хватает.

«А вы заставляете меня тратить его на вас», — добавила она про себя, но решила принять правила игры.

— Так что если вы мне можете что-то посоветовать, — продолжала Тиффани с улыбочкой под статью, что красовалась на лице гостьи, — я с радостью вас выслушаю.

Госпожа Увёртка никогда не отказывалась высказаться. Впрочем, она прекрасно могла бы обойтись и без приглашения, а на данный конкретный случай речь у неё была давно заготовлена.

— Я не осуждаю тебя, деточка. Просто ты не справляешься с работой, и люди уже начинают жаловаться...

— Возможно, — признала Тиффани. — А иногда они благодарят меня. Но одна-единственная женщина — не девочка и не деточка, обратите внимание, — не может успеть повсюду. Жаль, что в округе осталось так мало старших ведьм... — Она осеклась, потому что у неё перехватило горло: воспоминание о матушке Ветровоск, лежащей в ивовой корзине, было слишком свежо.

— Понимаю, — отозвалась госпожа Увёртка. — Это не твоя вина. — Она по-прежнему говорила масляным голоском, но её тон был уже не просто покровительственным, а почти уничижительным. — Всё дело в том, Тиффани, дорогуша, что тебя занесло в сферы, до которых ты ещё не доросла. Чтобы не оступиться на путях *магии*, тебе совершенно необходимо мудрое наставничество старшей ведьмы. — Она фыркнула. — Приличной старшей ведьмы, обладающей правильными... взглядами. Без... избытка семейных связей.

Стало совершенно ясно, что нянюшка Ягг, по мнению госпожи Увёртки, на роль наставницы никак не подходит.

Тиффани едва не вышла из себя. Хуже «деточки» могла быть только «дорогуша». А что до «мудрого наставничества», она прекрасно помнила, куда это самое наставничество завело Аннаграмму Ястребей, ученицу госпожи Увёртки. Аннаграмма получила в своё распоряжение ведьмин дом и удел, обладая широкими познаниями в рунах и магии звенящих талисманов, но не имея никакого представления о том, что ей действительно нужно было знать. И это Аннаграмма пришла просить Тиффани о помощи, а не наоборот. А что до намёков, будто из нянюшки Ягг плохая наставница...

— Итак, дорогая, я полагаю, что, будучи одной из самых опытных ведьм в наших краях, я должна занять место ушедшей матушки Ветровоск, — гладко вела свою линию госпожа Увёртка. — Так уж заведено с давних пор, и на то есть веская причина: чтобы заслужить уважение людей и служить им примером, ведьма должна быть взрослой и опытной. Кроме всего прочего, деточка, уважаемая ведьма никогда не допустит, чтобы её видели за таким занятием, как стирка.

— Правда? — процедила Тиффани сквозь зубы.

Опять «деточка»? Тиффани решила, что, если госпожа Увёртка скажет это в третий раз, она, Тиффани, поддастся искушению не просто окунуть гостью в таз со стиркой, но ещё и подержать голову под водой подольше.

— Матушка Ветровоск всегда говорила: «Если видишь, что надо сделать, — делай», — сказала Тиффани. — И меня не волнует, если кто-то увидит, как я стираю стариковские вещи. Работы хватает, в том числе и грязной, госпожа Увёртка.

— Уви-ортка, деточка.

— Я вам не деточка! — рявкнула Тиффани. — Скажите-ка, госпожа Увёртка, — она выговорила это именно так, безо всяких «Уви-орток», — вот ваша последняя книга называется «Полёты на золотом помеле». Как золотое помело может летать? Золото ведь тяжёлое. Можно сказать, тяжелее некуда.

Госпожа Увёртка зарычала. Тиффани никогда раньше не слышала, чтобы она рычала, но это был рык особого назначения.

— Это метафора! — рявкнула старшая ведьма.

— Да? — Тиффани уже разозлилась по-настоящему. — А какая польза от метафор, госпожа Увёртка? Быть настоящей ведьмой — значит всеми силами делать то, что должно быть сделано. Вот этим я и занимаюсь. Ведьмы работают с людьми, госпожа Увёртка, а не с книгами. Вы когда-нибудь ходили по домам, госпожа Увёртка? Лечили болячки малышни, которая чуть ли не без штанов бегаёт? Вы вообще когда-нибудь видели детей, которым нечего обуть? Кухню, где ни крошки съестного? Женщин, которые рожают каждый год, пока их мужья торчат в пивной? Спасибо за совет, госпожа Увёртка, но я тоже хочу кое-что вам посоветовать, с вашего позволения. Попробуйте походить по домам. Вот тогда я, может быть, начну вас уважать. Все признали меня преемницей матушки Ветровоск, которая училась у нянюшки Грапс, которая, в свою очередь, наследовала знание, передававшееся от старшей ведьмы к младшей ещё от самой Чёрной Алиссии. И что бы вы там себе ни думали, так есть и так будет. — Тиффани распахнула переднюю

дверь. — Спасибо, что нашли время навестить меня. А теперь, как вы сами заметили, у меня много дел. И я буду делать их так, как считаю нужным. А вот вам, похоже, заняться нечем!

В чём госпожа Увёртка оказалась мастерица, отметила про себя Тиффани, так это в искусстве порывисто бросаться прочь. Так порывисто, что аж смотреть было больно. Её украшения весело зазвенели на прощание, а один амулет на цепочке даже попытался было остаться, зацепившись за дверную ручку, когда госпожа Увёртка резко развернулась на пороге.

— Я пыталась! Я сделала всё, что могла! — заявила она, распутывая цепочку, чтобы высвободиться. — Я хотела поделиться с тобой своими познаниями в ведьмовском искусстве. Но нет! Ты отвергла мои благие намерения и плюнула мне в лицо. Знаешь, мы ведь могли бы стать друзьями, если бы не твоё упрямство, но теперь — делай что хочешь. Прощай, деточка! — И, сохранив таким образом за собой последнее слово, госпожа Увёртка вышла, сердито хлопнув дверью.

«Я делаю то, что нужно, а не то, что хочу, госпожа Увёртка», — мысленно возразила Тиффани, глядя на закрытую дверь. Но прощальный грохот этой самой двери навёл её на размышления. «Только я хочу делать это по-своему. Не так, как ждут от меня другие ведьмы. Как бы я ни старалась, я всё равно не стану для них новой матушкой Ветровоск. Я могу быть только собой, Тиффани Болен». И тут она поняла ещё кое-что.

— В одном, по крайней мере, госпожа Увёртка была права, — сказала Тиффани вслух. — Я и в самом

деле пытаюсь успеть слишком многое. А если Джинни не ошиблась, вскоре мне придётся противостоять настоящей беде. И я очень надеюсь, что мисс Тик подыщет мне помощницу, потому что одной мне будет трудно.

— Ах-ха, ишшо кыкс.

Тиффани чуть не лопнула с досады:

— Ты что, всё время за мной следишь, Явор Заяadlo?

— Ах-ха. На нас же гюйс, не забывай: призывать за тобой денно и ношно. Здоровущий такой.

Ну конечно, гейс — подкреплённое магией и традициями обязательство, от которого ни один Фигль ни за что не уклонится. Если не считать Тупа Вулли, который путает гейс и большую гогочущую птицу. Тиффани знала это, но всё равно злилась.

— Вы всё время где-то рядом? Даже когда я моюсь? — устало спросила она.

Это был старый спор. Явор Заяadlo никак не мог понять, почему в некоторых местах и обстоятельствах Тиффани запрещает на неё смотреть. Хотя насчёт уборной они уже пришли к соглашению¹.

— Ах-ха, это мы завсехды. Завсехды не зырим, тойсь.

— Послушай, — сказала Тиффани. — Вы не могли бы кое-что сделать для меня?

¹ Только вот Фиглей хлебом не корми, дай соврать, так что Тиффани, отправляясь в туалет, внимательно высматривала, не мелькнёт ли поблизости кто-нибудь из пикстов. Однажды ей даже приснился кошмар, в котором Фигль внезапно выпрыгивал из соседнего отверстия.

— Лехко! — откликнулся Явор. — Хошь, мы эту Уховёртку в пруд забултыхнём или ещё кудуть?

Тиффани вздохнула:

— И хотела бы, да нельзя. Я же не такая.

— Но мы-то самые разтакие! — с энтузиазмом заявил Явор. — И вообще, это ж традиция, а уж мы в традициях толк понимаем, мы сами тот ишшо фольхлор. — Он с надеждой улыбнулся.

— Заманчиво, — признала Тиффани. — Но всё-таки так нельзя. В душе госпожа Увёртка не такая уж и плохая.

И это была правда. Госпожа Увёртка была, безусловно, глупая, властолюбивая, бесчувственная и, если уж на то пошло, не слишком умелая ведьма. Но в глубине её неприятной натуры скрывался стальной стержень.

Нянюшка никогда не занималась стиркой, благо у неё для этого была армия невесток. Но теперь Тиффани вдруг вспомнила, что и матушку Ветровск она никогда не заставляла за стиркой для стариков. Об этом стоило подумать, но чтобы разобраться, нужно время. Тиффани посмотрела на Большого Человека, который стоял перед ней, готовый ради карги на что угодно. Да, для них это будет тот ещё подвиг...

— Я тож хочу накладывать на вас мал-мал гейс, — сказала Тиффани.

— Нды?

— Явор, ты когда-нибудь слышал о стирке?

— Ах-ха, мы слышали, что такое порой прислучается.

Тут Явор Заядло почесал в области спого, на пол дождём посыпались трупики насекомых, полуобглоданные куриные кости и прочее в том же духе.

— Отлично, — сказала Тиффани. — Тогда я буду вам благодарна, если вы поработаете немного в кладовке, пока я займусь другими делами. Этим вы очень поможете одному старику. Он старается содержать себя в чистоте и любит, чтобы одежда у него была чистая. — Она строго взглянула на Фигля. — И вам, Явор, не помешало бы взять с него пример.

Навестив всех, кого требовалось навестить, Тиффани возвращалась, холодея при мысли о том, что может ждать её за дверью кладовки. Но, к её изумлению, исподнее старого Приза уже сушилось на окрестных деревьях, сияя белизной. Тиффани перевела дыхание.

— Какие вы молодцы! — сказала она Явору Заядло.

— Ах-ха, нелёгка была работёшка, — с хвастливой ухмылкой заявил тот.

— Да что б вы без меня с ней поделали? — вмешался Чокнутый Крошка Артур, единственный Фигль, привычный к стирке: его вырастили лепреконы, а потом он служил в городской Страже.

Тиффани догадывалась, что в душе Чокнутого Крошки Артура сражаются житель большого города и истинный Фигль, но, поскольку Фигли обожают драки, он, должно быть, и внутренней борьбе только радовался.

Тут вперёд, оттолкнув Чокнутого Крошку Артура, вышел Громазд Йан.

— Мы не прочь обстирнуть постарелых верзунов, чтоб им чисто было. Но мы — Нак-мак-Фигли и дорожим своей грязюкой! Фигли с помывок чахнут. Мыло нам во вред, вот.

— А мне ничо, а мне ничо! — раздался радостный вопль, и с ограды козьего загона свалился Туп Вулли.

Он покатился по траве, рассыпая радужные мыльные пузыри.

— Вот же ж грил я те, что не надыть! — рявкнул Явор Заяadlo. — С этого токо пузыря через уши лезут!

Тиффани рассмеялась:

— Вулли, я могу научить вас варить мыло. Попробуйте — получится хороший подарок для кельды. Это совсем не трудно, нужен только жир и щёлок.

— Ах-ха, нащёлкать мы кому хошь могём, — с гордостью заявил Явор Заяadlo. — Щелкуны мы хучь куды!

«Что ж, попробовать стоило, — подумала Тиффани. — Зато хотя бы намерения у них чистые. В отличие от всего остального».

А внизу, на Меловых холмах, с пригорка открывался прекрасный вид на городишко Дверубахи, отчаянно мечтающий стать чем-то большим, чем единственная лавочка, постоялый двор и кузница. Расположившись на опушке густого леса на этом холме, Королева эльфов оглядела окрестности и улыбнулась. Её всё вполне устраивало.

Ночь выдалась тёплой, и воздух наполнился теми же запахами, что и раньше, и небо выглядело так же, как в былые времена. В лунном свете поблёскивала по-

лоса, протянувшаяся через городок, — то ли дорога, то ли текучая вода, но раньше этого не было. Хотя в остальном всё было в точности так же, как на памяти Королевы.

Она обернулась к пленному гоблину — он сидел со связанными руками позади одного из её конных стражей. Королева улыбнулась недоброй улыбкой. Надо будет отдать его лорду Ланкину, решила она. Тот с наслаждением разорвёт презренного гоблина на мелкие кусочки — после того как наиграется вдоволь, конечно.

Но прежде гоблин привёл их сюда, на склон холма. Королева и её воины смотрели на спящую долину внизу. Эльфы были одеты в меховые шкуры и кожу, в волосах и ожерельях красовались перья, стрелы готовы были лечь на тетиву.

Врата, ведущие в этот мир, эльфы преодолели без особого труда. Наиболее сильные почти не ощутили сопротивления — преграда и впрямь сделалась очень тонка. Прежде старая ведьма поддерживала и укрепляла её, не пускала их сюда. Она всегда оберегала свой мир от волшебного народа.

Животные уже почувствовали их присутствие. Едва Королева ступила на землю Меловых холмов, как зайцы на лугах насторожились и замерли, а совы, охотящиеся в ночи, взлетели выше, ощутив появление новых хищников.

А вот люди вечно всё замечают последними. Что ж, так гораздо веселее...

Если не считать тусклого мерцания над курганом на склоне одного из холмов и доносящегося с той сто-

роны шума весёлой пирушки — явных признаков Накмак-Фиглей, — ничто вокруг не вызывало опасений. Первое за много лет вторжение эльфов в этот мир не встретило никакого сопротивления, и воины Королевы уже успели чуть-чуть повеселиться. Они покуролесили в паре деревушек: выпустили из хлевов коров, перевернули телеги, заставили молоко в бадьях скиснуть, украли бочонок эля — словом, пошалили немного. Но растущий городок впереди выглядел куда более заманчивой добычей для эльфов, которые так долго не могли позволить себе простых грабительских удовольствий.

Отряд замер, ожидая знака Королевы. Стояла тишина, лишь тихо-тихо позвякивали тысячи бубенчиков на чёрных как ночь конях.

Королева вскинула руку.

Но прежде чем она успела подать сигнал, воздух вспорол душераздирающий визг — словно где-то рядом резали гигантскую свинью.

Звук пронизал все холмы. От оглушительного свиста заныли зубы. Внизу, в долине, воздух, казалось, наполнился огнём. Огромное железное чудовище мчалось по серебристой дорожке прямо к городку, окутанное облаками пара.

Эльфы отшатнулись, отряд мгновенно охватила паника, каждый воин будто сделался меньше, заслышав свист, почуяв запах железа в воздухе.

От Фрезы Шлам небрежно прыгнул с седла, зубами вытащил каменный нож из-за пояса своего стража, который, ничего не замечая, отчаянно зажимал остроконечные уши, и быстро перерезал верёвки.

— Говорил же я, — с важным видом сказал он. — Вот он, Железный Конь! Последний поезд на Дверубахи, вот что это. Теперь гоблины работают на железной дороге. Сплошь железо и сталь.

Королева не дрогнула. Она знала, что ничем не выдала страха. А с теми, кто испугался, придётся разобратся позже. Эльф не должен выказывать страх перед лицом Королевы. Но мысли её были: «Поезд? Большой. Весь из железа. И мы ничего о нём не знаем. А неизвестное может убить».

— Как нам приручить его? — резко спросила она. — А главное, как заполучить его в нашу собственность? Каких бед мы могли бы натворить, будь у нас такое чудовище!

Душистый Горошек, которого не затронула всеобщая паника, внезапно оказался рядом и улыбнулся. Улыбка его не понравилась Королеве. Она будто расколола напыщенную маску, служившую ему сегодня лицом, а глаза остались холодны и безжалостны.

— Мы будем пытаться гоблинов, пока они не расскажут нам, как управлять Железным Конём. А потом они станут делать это за нас.

— Не станут, — заявил От Фрезы Шлам, злобно глянув на эльфа. — Зачем оно им надо?

Душистый Горошек потянулся схватить гоблина, но От Фрезы Шлам мигом сунул руки в карманы, и в воздух взметнулось облако серебристой пыли. Душистый Горошек завизжал от боли и упал с лошади.

Гоблин расхохотался, а прочие эльфы испуганно попятились от него.

— Забыл, что у меня в карманах, а, господин Душистый Какашек? Говорил же про шлам! Шлам у меня в имени. Больно, да? Теперь, если кто умного гоблина тронет, особенно эльф, крепко потом жалеет. — Он показал на Душистого Горошка, чьи чары без следа рассеялись под безжалостным дождём из железных опилок.

Эльф корчился на траве и плакал от боли — маленькое, слабое, жалкое существо.

— Забавно, да? — сказал От Фрезы Шлам. — В новом мире малое — шлам иль гоблины — большие дела творит.

Глава 8

«БАРОНСКИЙ ГЕРБ»

«Б аронский герб» был пивной из тех, где потомственный владелец (в данном случае его звали Джон Кинзли) всегда сам стоял за стойкой и охотно разрешал завсегдатаям наливать себе самостоятельно, если у него не хватало рук или надо было отлучиться в уборную. Из тех, куда живущий поблизости фермер мог с гордостью принести гигантский огурец или ещё какой не вполне приличного вида овощ, чтобы показать друзьям.

В пабе частенько спорили, но не ради драки, а ради того, чтобы выяснить, кто прав. Время от времени кто-то пытался спорить на деньги, но Джон Кинзли на это смотрел неодобрительно. И хотя здесь разрешалось курить — чем все и пользовались, — плевать было категорически запрещено. Конечно же, посетители порой выражались, да словами покрепче, чем здешняя выпивка. В конце концов, женщины ведь в паб не за-

ходили, если не считать госпожи Кинзли, которая пропускала ругательства мимо ушей, а слово «засранец» вообще полагала всего лишь особенностью сельского говора, в изобилии мелькающей в выражениях типа «Ну, привет, старый засранец, что подделываешь?», и с несколько большей осторожностью относилась к «Усраться можно!».

Многие поколения местных баронов понимали, как важно, чтобы на их земле была процветающая пивная, да и сами не брезговали иногда туда заглянуть. Каждый из них старался сделать что-нибудь, чтобы разнообразить досуг своих арендаторов. Например, нынешний молодой барон вскоре после свадьбы подарил пивной дротик и мишень. Развлечение, правда, не прижилось, поскольку во время увлечённого состязания Пит Натощак, который славился как лучший пахарь холмов, но не блистал умом, чуть было не лишился глаза. После этого все решили, что дротик — дело опасное, и заброшенная была доска для игры в «толкни монетку»* вернулась на почётное место.

После тяжких трудов на пастбищах или в хлеву многие находили утешение в стенах пивной. Сегодня вот Джо Болен только тем и держался, что вечером обещал себе пропустить кружечку. Уж больно неудачный выдался день — скотина вся как взбеленилась, инструменты ломались. После пинты пива, сказал он себе, будет проще настроиться на разговор, предстоящий за ужином, — насчёт годовщины свадьбы, про которую он, вот ужас-то, начисто забыл. По долгому опыту Джо знал, что теперь его будут всю неделю, если не больше, кормить холодными обедами, разговари-

вать с ним ледяным тоном и, возможно, даже постель не согреют.

Была суббота, летний вечер выдался тёплым, и ночь обещала быть ясной. Народу в пивной собралось немало, хотя и меньше, чем хотелось бы Джону Кинзли. Джо Болен устроился за длинным дубовым столом снаружи, его пёс Ловкач свернулся у ног хозяина.

И отец, и дед, и ещё много поколений предков Джо Болена фермерствовали на Меловых холмах, поэтому он знал в округе всех и каждого, знал, кто работает в поте лица, а кто спустил рукава, кто здесь умник, а кто дурак. Сам-то Джо умником не был, но был благоразумным, хорошим фермером, а самое главное, субботним вечером в пивной он всегда оказывался во главе стола, даже если садился на другое место. Здесь, о чём бы ни зашла речь, Джо Болена считали главным знатоком.

За небольшим столиком у самого входа двое заведывающих спорили о кошачьих и лисьих следах.

— Слушай, последний раз показываю: кошка ходит вот так, — один из них плавно изобразил в воздухе руками, как именно ходит кошка, — а Ренар — вот так!

А ведь может статься, подумал Джо, мы — последнее поколение, которое зовёт лиса Ренаром*. Для наших детей лис — просто лис.

Все, кто собрался под вечер за столами, до этого целый день ухаживали за лошадьми, свиньями и овцами, да ещё и делали прорву работы по дому, о которой городские и не слышали. Они вставляли в речь скрипучие местные словечки и знали наперечёт всех

певчих птиц в долинах, всех змей и всех лис и где они живут и все уголки в окрестностях, куда барон и его люди обчно не заглядывают, — словом, знали много такого, о чём и не подозревали учёные в своих университетах. Прежде чем заговорить, здешние посетители обычно подолгу размышляли, а уж когда говорили, то говорили не спеша, за время паузы мир приходил в порядок, и так оно и продолжалось до тех пор, пока не прибежал мальчишка передать, что если мужчины не поторопятся, то их ужин совсем остынет.

И тут вдруг Дик Хватли, тучный тип с жидкой порослью на подбородке, которую по местным меркам и бородой-то назвать было стыдно, гаркнул:

— Что-то эль нынче жидкий, как сироткина моча!

— Ты как моё пиво назвал? — возмутился Джон Кинзли, убирая пустые кружки со столов. — Отличное пиво, я только сегодня утром новый бочонок открыл.

— Эй, я ж не сказал, что мне не нравится! — заявил Дик Хватли.

Все посмеялись, хотя и не слишком долго, поскольку многие помнили случай, когда старый жади-на Ласки, уверовав в целительную силу натуральных средств, попросил свою дочь набрать ему немного мочи, чтоб полечить его больную ногу. Мейзи — милая девушка, не обременённая избытком ума, — поняла старика неправильно и поднесла ему кружку весьма сомнительно пахнущего напитка. Что интересно, нога у него так и прошла.

Тем не менее Дику Хватли налили другую кружку, из нового бочонка, и Дик остался доволен. Джон

Кинзли удивился. Но не слишком. Для старого приятеля лишней кружки не жалко.

Хозяин пивной уселся за стол вместе с гостями и обратился к Джо Болену:

— Ну, как тебе новый барон-то?

Джо Болен был фермером-арендатором, и в его отношениях с землевладельцем не было ничего особенного. Земля принадлежала барону. Это было всем известно. Барону же принадлежали и фермы поблизости. Фермеры возделывали землю и платили ему за это четырежды в год. Если бы барон захотел, он мог бы забрать ферму себе, вышвырнув фермера с женой и детьми на улицу. В прошлом многие бароны любили показать свою власть, сжигая дома и оставляя семьи без крова. Иногда они поступали так просто по прихоти, но чаще — чтобы дать понять, кто здесь главный. Вскоре, однако, бароны стали умнее. Власть ничего не значит, если по осени амбары пусты, а на склонах холмов не пасутся запасы баранины для воскресных обедов.

Роланд, нынешний молодой барон, поначалу проявил себя не слишком хорошо. Этому, надо сказать, в немалой степени способствовала его новообретённая тёща, которая была герцогиней и хотела, чтобы все о её герцогиньстве знали. Но вскоре он поумнел достаточно, чтобы признать, что в фермерстве он пока не очень понимает, а потому лучше предоставить арендаторам вести хозяйство и распоряжаться работниками, как они считают нужным. С тех пор дела пошли веселее.

Роланду также хватало ума время от времени беседовать с Джо Боленом, как это прежде делал его отец.

И Джо по доброте душевной рассказывал ему о том, что частенько упускали из виду баронский управляющий и сборщики ренты — к примеру, о старой вдове, которая едва сводит концы с концами, или о женщине, мужа которой затоптал норовистый бык, оставив её одну справляться с хозяйством и кормить детей. Джо намекал, что неплохо было бы, чтобы барон проявил добросердечность и помог бедолагам. И, надо отдать ему должное, Роланд следовал его советам, хотя и на свой лад: вдова вдруг узнавала, что, оказывается, умудрилась заплатить ренту вперёд, так что ей ещё какое-то время не нужно об этом беспокоиться, а у ворот скромного хозяйства молодой мамыши объявлялся паренёк из господской усадьбы, желающий научиться фермерствовать.

— Рановато ещё судить, — произнёс Джо Болен с той серьёзностью, какую может позволить себе только человек, сидящий во главе стола каждую субботу. — Но по совести сказать, справляется он недурно. Учится на ходу, по всему видать.

— Хорошо, если так, — вступил в разговор Томас Травоу. — Похоже, пойдёт по стопам своего старика.

— Тогда будем считать, нам повезло. Старый барон был хороший человек — суровый, конечно, зато что к чему — понимал.

Джон Кинзли улыбнулся:

— А жёнушка-то нынешнего, баронесса наша, многому научилась, хоть никто её и не учил, заметили? Вместо того чтобы в замке сиднем сидеть, ходит, с людьми говорит и носа не задирает. Моей жене она нравится, — добавил он с глубокомысленным видом.

Хорошо, когда жена одобряет происходящее. Значит, дома царят мир и покой — а усталому мужу только того и надо.

— Я слышал, баронесса всегда заезжает поздравить, когда у кого детишки родятся, — добавил хозяин пивной.

— Кстати, у нас скоро пополнение ожидается, — вставил Роберт Пузоу.

Кто-то засмеялся и сказал:

— Ну так поставь всем пива, как положено!

— Ты бы, раз такое дело, перемолвился словечком с дочкой Джо, — посоветовал Томас. — Лучше Тиффани никто при родах не поможет.

После очередной кружки он добавил:

— Вот только вчера видел, как она мимо пролетала. Я прям горжусь, честное слово, что она наша, с холмов. А уж ты-то, Джо, небось как ею гордишься!

Конечно, все они знали Тиффани Болен, притом ещё с тех пор, когда она была маленькой и играла с их собственными ребятишками. На Меловых холмах не слишком-то любили ведьм, но Тиффани была *их* ведьмой. И ведьмой умелой. Кроме того, она выросла на Меловых холмах, знала толк в овцах, и все они видели, как она малышкой бегала в одной рубашонке. Так что всё было в порядке.

Отец Тиффани попытался улыбнуться, наклонился и поделился свиной поджаркой со своим псом:

— Держи, Ловкач.

Потом поднял глаза на приятелей:

— Конечно, жена была бы рада, если бы Тиффани почаще бывала дома, но она жуть как гордится

дочкой, только о ней и говорит. Вот и я тоже. — Он взглянул на хозяина пивной. — Джон, когда будет время, принеси-ка мне ещё кружечку.

— Конечно, Джо. — Джон сходил в бар и вернулся с кружкой пенистого пива.

Когда кружку передали по назначению, Джо сказал:

— Я вот всё думаю: уж больно много времени она нынче проводит в Ланкре.

— Жаль будет, если она насовсем туда переберётся, — заметил Дик.

И все подумали об одном и том же, но никто ничего не сказал. Неправильно было бы говорить такое Джо Болену, да ещё и в субботу.

Джо запомнил слова Дика, чтобы подумать над ними позже.

— Ну, у неё же столько дел, — проговорил он. — Детишки-то только и делают, что рождаются, а?

Все ухмыльнулись.

— А она ведь не только при родах помогает, — вступил в разговор Джим Вертел. — Когда моя мама умирала, Тиффани просидела с ней всю ночь. Боль отводила! Она это умеет, знаешь?

— Да, — сказал Джо. — Даже когда старый барон умирал, у него сиделка была, но на самом-то деле это Тиффани его поддерживала. Следила, чтоб ему больно не было.

За столом повисла тишина — каждый вспомнил все те случаи, когда их с Тиффани Болен дороги пересекались. Потом Фут Нутер еле слышно произнёс:

— Знаешь, Джо, мы ведь все надеемся, что твоя Тиффани останется у нас. Она у тебя молодец, что

и говорить. Не забудь сказать ей об этом, когда увидишь.

— Мне ей и говорить ни к чему, Фут, — ответил Джо. — Жена, конечно, надеется, что дочка присмирееет и станет жить здесь, на холмах, со своим парнем — ну, ты его знаешь, молодым Престоном, который ещё уехал в Анк-Морпорк учиться на настоящего врача. Да только я не думаю, что Тиффани этого хочет. А если и захочет, то не теперь. Она, видишь ли, по стопам своей бабки идёт, только на нынешний манер. Понимаешь, о чём я? Она, сдаётся мне, хочет мир изменить, а если не мир, то хотя бы вот этот его клочок, наши Меловые холмы.

— Такая ведьма для нас, пастухов, в самый раз, — сказал Томас Травоу, и все согласно закивали.

— А помните, в былые времена все пастухи собирались и устраивали Бои? — спросил Дик Хватли, обращаясь словно бы к пустой кружке. — Тогда у нас никаких ведьм и в помине не было.

— Ага, — сказал Джо Болен. — Только сражались они не посохами, чтоб ты знал. Они локти ставили на стол, вот так, руками сцеплялись, и кто чью руку уложит — тот и победил. А того, кто всех победит, звали всем пастухам пастухом.

Все засмеялись, и большинство вспомнило матушку Болен. Она была последней, кто мог зваться всем пастухам пастухом. После одобрительного кивка матушки Болен пастух весь день ходил гоголем, и не важно, кто там победил в Боях.

— Ну, в наши дни никаких первых пастухов в холмах нет. Зато есть ведьма, твоя Тиффани, — заявил

Роберт Пузоу после долгого молчания, когда все пили пиво и раскуривали трубки.

— Так если уж первых пастухов нет, а ведьма есть, может, кто-то из вас должен сразиться с ней на руках, как в старые времена? — предложил Джон Кинзли, широко ухмыльнувшись — и покосившись на отца Тиффани.

— С ведьмой? Ни за что. Кто потом мне самолюбие заштопает?

Джо хохотнул, остальные покивали. И тут на столы легла тень — девушка на метле пролетела над ними, крикнув:

— Привет, папа! Добрый вечер, все! Простите, спешу — тут близнецы на подходе!

Роланд де Чуваукли¹, молодой барон Меловых холмов, и в самом деле хотел бы во многих отношениях походить на своего отца. Он знал: старика любили, говорили, что он, мол, барон старой школы. Это надо было понимать так: все знали, чего от него ждать, и стражники держали оружие начищенным до блеска, bravо отдавали честь и вообще делали то, чего ожидали от *них*. Барон же, в свою очередь, делал то, чего ожидали от него, а во всём остальном — то есть

¹ Произносится «Чуффли» согласно странному правилу: чем более древнему аристократическому роду принадлежит фамилия, тем более странно она произносится. Тиффани однажды слышала, как высокородный гость по имени Понсоби-Маклрайт (Пмт) называл Роланда «Чфф». Интересно, подумала она, как же они справляются на званных вечерах? Ведь если Пмт будет представлять Чффа господам Вму и Хмфу, не избежать недоразумений, верно?

почти во всём — давал людям жить по своему разумению.

Но порой отец всё-таки вёл себя как капризный тиран, и вот это Роланд как раз предпочёл бы забыть. И когда он направился на Родную ферму, чтобы повидать Тиффани Болен, он очень хотел, чтобы его поняли правильно. Потому что когда-то они с Тиффани были друзьями, а теперь его супруга, Летиция, зовёт Тиффани своей лучшей подругой. Всякий мужчина, у которого есть хоть капля ума, к лучшим подругам жены относится с благоразумной осторожностью. Кто знает, какими... маленькими секретами они делятся. Роланд получил домашнее образование и не многое знал о жизни за пределами Меловых холмов; так что он опасался, что «маленький» — то самое слово, которое Летиция могла упомянуть, секретничая с Тиффани.

Он решил воспользоваться случаем, когда заметил, что метла Тиффани снизилась у фермы в самом начале субботнего вечера, когда Джо Болен наверняка был в пивной.

— Привет, Роланд, — сказала Тиффани, даже не обернувшись, когда он въехал во двор фермы и спешил.

Роланда передёрнуло. Он же барон! Это его ферма! Но тут он осознал, какая глупость пришла ему в голову. Да, он барон, и у него есть бумаги, где написано, что ферма — его собственность. Но это — ферма Боленов. Всегда была и всегда будет. И он знал, что Тиффани знает, о чём он только что подумал, поэтому к моменту, когда она обернулась, успел слегка порозоветь.

— Э-э, Тиффани, — начал он. — Я просто хотел повидать тебя, и, э-э... ну, знаешь...

— Роланд, не тяни kota за хвост, — поторопила его Тиффани. — У меня был тяжёлый день, а вечером надо ещё в Ланкр лететь.

— Об этом-то я и хотел поговорить, — сказал Роланд, обрадовавшись, что разговор свернул в нужном направлении. — Тиффани, люди... жалуются.

Это было совсем не то слово, которое стоило произносить, и он это знал.

Тиффани резко обернулась к нему и не менее резко спросила:

— Что?

— Ну, понимаешь, тебя вечно нет. А ты же наша ведьма, ты должна быть тут и помогать нам, Тиффани. Но ты чуть ли не каждый второй день пропадаешь в Овцепиках. — Роланд выпрямился, словно ему за шиворот сунули ручку от метлы. Он собирался высказать официальную претензию, а не мямлить. — Я твой барон, — заявил он, — и я прошу тебя выполнять свои обязанности, свой долг.

— Мой долг? — негромко переспросила Тиффани.

А чем, по его мнению, она занималась все эти недели, когда перевязывала ноги, врачевала болячки, принимала роды, забирала боль у тех, чьи дни были сочтены, навещала стариков, присматривала за детьми и подрезала эти злосчастные ногти на стариковских ногах?! А чем занимался в это время сам Роланд? Устраивал званые вечера? Восхищался потугами Летиции рисовать акварелью? Лучше бы предложил, чтобы Летиция ей помогла. Отлично же знает, что его жена могла бы стать хорошей ведьмой, у неё есть способности. И тогда она приносила бы пользу холмам.

А потом Тиффани поняла, что зря она так подумала. Ведь Летиция навещает рожениц, говорит с ними. Но Тиффани так разозлилась на Роланда, что не могла ничего с собой поделать.

— Я подумаю о том, что ты сказал, — ответила она с преувеличенной вежливостью, отчего Роланд покраснел ещё больше.

По-прежнему прямой, как ручка от метлы, он подошёл к лошади, сел в седло и поскакал прочь.

«Я сделал всё, что мог», — утешал он себя на обратном пути. Но в глубине души понимал, что сделал только хуже.

Миновав круг из камней, Королева и её воины вернулись в свой мир, и в Волшебной стране воцарился ад крошечный.

Сверкающий эльфийский дворец исчез. Военный совет держали на поляне в глубине того, что выглядело бы как сказочный лес, если бы Королева озаботилась добавить соответствующих деталей — бабочек, ромашек и мухоморов. Правда, деревья всё ещё старались дорисовать себе веток, и травинки наперегонки росли из земли, когда Королева проходила мимо.

Она была в ярости. Этот гoblin, эта мерзкая тварь, осмелился напасть на одного из её лордов, да ещё и успел унести свои грязные ноги, избежав её возмездия! Эльф валялся в пыли перед гоблином, а гoblin остался безнаказанным!

И хотя валяться в пыли пришлось Душистому Горошку (и Королева втайне радовалась, что досталось именно ему, а не любому другому из её придворных),

она знала, что волшебный народ винит в произошедшем именно её. Они потерпели неудачу, опозорились. И всё потому, что она решила взять гоблина с собой.

Вопреки её приказу Душистый Горошек присутствовал на совете. Он был бледен, однако после того, как жуткую металлическую пыль с него отряхнули, чары его сделались почти столь же сильны, как и прежде. Позади него стояли навывтяжку королевские стражи, и Королева чувствовала, что они готовы бросить ей вызов.

Она взглянула на Душистого Горошка с отвращением и сказала:

— Уведите отсюда это ничтожество! Прочь с глаз моих!

Но страж не двинулся с места. Вместо этого он нахально улыбнулся, невзначай наложил стрелу на тетиву и имел наглость направить её на Королеву.

— Госпожа моя, — заговорил Душистый Горошек, почти не скрывая насмешки, — мы сбились с пути. Наша власть над человеческим миром ослабла. Даже гоблины теперь смеются над нами. Люди успели окружить свой мир железом, а мы узнали об этом лишь от гоблина. Как так вышло? Почему вы не сделали ничего, чтобы предотвратить это? Почему мы не выезжали на охоту так долго? Почему вы не давали нам жить и действовать, как подобает эльфам? Когда-то всё было иначе.

Его чары в эту минуту снова набрали былую силу, почти сравнялись с её собственными, а его воля была даже сильнее королевской. «Как я умудрялась раньше этого не замечать? — мысленно удивилась Королева,

не позволяя и тени растерянности отразиться на своём лице. — Неужели он бросает мне вызов? Немыслимо. Я — Королева. Пусть Король удалился в свой личный мир, в своё логово, где он нежится и предаётся утехам, но я по-прежнему его законная супруга и Королева. Эльфами всегда правила Королева, и никогда — лорд!» Она выпрямилась во весь рост и смерила предателя взглядом, призвав всю мощь своих чар.

Но среди придворных раздалось несколько голосов в поддержку Душистого Горошка. Случилось почти невозможное — эльфы, которые почти никогда не соглашались друг с другом, вдруг объединились. Воины как будто придвинулись ближе, встали теснее, глядя на Королеву холодно, оценивающе. Безжалостные. Опасные. Злые.

Королева встретила взглядом с каждым из них и снова повернулась к Душистому Горошку.

— Ты жалкая тварь, — прошипела она. — Я могу вырвать тебе глаза сию же минуту!

— О, конечно, ваше величество, — не отступал Душистый Горошек. — Но кто позволяет Фиглям творить бесчинства? Теперь, когда старуха мертва, ведьмы мало что могут и преграда между нашими мирами тонка. А ты, похоже, всё ещё боишься этой девчонки Болен. Ну как же, ведь всем известно: она едва тебя не убила.

— Неправда, — сказала Королева.

Но все эльфы смотрели на неё теперь — смотрели, как кот смотрит на маленького беспомощного зверька. Душистый Горошек был прав — Тиффани действительно одержала победу. Королева почувствовала,

как её чары слабеют, созданные ими миражи мерцают и блекнут...

— Вы слабы, ваше величество, — сказал Душистый Горошек.

Королева и в самом деле чувствовала себя слабой. Слабой, маленькой и усталой. Деревья подступили ближе. Свет померк. Она оглядела лица вокруг — и призвала все оставшиеся у неё колдовские чары. Она всё-таки их Королева! Они обязаны её слушать!

— Новые времена у порога, — сказала она, горделиво выпрямившись. — Железо, гоблины, мало ли что ещё... Мир никогда уже не будет прежним.

— А мы, по вашей милости, прячемся от этого нового мира, — парировал Душистый Горошек тоном, полным презрения. — Если мир меняется, значит, это *мы* должны его менять. Это *мы* должны решать, каким ему быть. Так всегда было. И так должно стать снова!

Эльфы вокруг него одобрительно заискрились, их пышные наряды вспыхнули красками, их узкие холодные лица осветились колдовским сиянием.

Королева почувствовала, что проиграла. Она приняла последнюю попытку:

— Ты не понимаешь. Мы можем выходить в мир людей и тешить себя. Но если мы будем действовать так, как раньше, новые времена сметут нас. Мы станем просто... волшебным народцем, частью сказок и преданий. Вот что пытается сказать нам железо. В том мире у нас нет будущего.

Душистый Горошек глумливо усмехнулся:

— Чушь! Что значит «нет будущего»? Мы сами создаём будущее, сколько угодно будущих! И ни люди,

ни гоблины нам не помеха. Но вы, ваше величество, кажется, их побаиваетесь. Разве может великая Королева испытывать страх? Вы не уверены в себе, мадам. И мы в вас тоже не верим.

Преданность эльфов не надёжней паутины, а единственное, что они ценят, — это колдовские чары. Королева чувствовала, как истончается её сила, как чары уходят, будто вода в песок, с каждым словом её врага.

И в решающий миг он нанёс удар:

— Вы стали слишком... мягкотелой, ваше величество. Та девчонка подточила вашу силу, а я — довершу начатое.

Его чары делались сильнее с каждой секундой, его глаза сияли, воздух вокруг него наполнился мощью, и прочие эльфы чувствовали это, пугались и подчинялись. Душистый Горошек указал на Королеву, которая стремительно менялась, тысячи масок молниеносно сменяли одна другую: золотые волосы, чёрные, длинные, короткие, редкие... пушок на почти лысой голове младенца; высокая, сильная... слабая, суший ребёнок. Вот она стоит, гордая и величественная, вот корчится на полу, всхлипывает...

— Даже гоблины больше не желают быть у тебя на побегушках, — прошипел Душистый Горошек. — А без сильного правителя Волшебная страна погибнет. Нам, эльфам, нужно помыкать другими — людьми, гоблинами, кем угодно. И сейчас нам, и нашему Королю в его логове нужен Воин.

Душистый Горошек навис над ней — несчастной, съёжившейся, плачущей о потерянных чарах — словно змея, пронзая безжалостным взглядом.

— Столь жалкое создание не может быть нашей повелительницей, — припечатал он и повернулся к остальным: — Что скажете?

Они смотрели на Королеву пустыми глазами, и в этой пустоте она увидела, как рушится её будущее.

Горчиное Зёрнышко шагнул вперёд, выражая поддержку новому вожаку:

— Как нам поступить с ней, повелитель?

— Долой её с трона! — крикнул другой эльф.

Душистый Горошек с отвращением посмотрел на свою бывшую Королеву, скорчившуюся у его ног:

— Уберите её. Потешьтесь с ней вдоволь, а потом — оборвите ей крылья! — приказал он. — Пусть отныне это будет карой для проигравших. А теперь, — продолжал Душистый Горошек, — где же музыканты? Давайте танцевать и глумиться над бывшей Королевой! Вышвырните вместе с нею из Волшебной страны саму память о ней, и пусть она никогда не вернётся!

— Куда нам деть её? — спросил Горчиное Зёрнышко, ухватив Королеву за истончившуюся руку.

Но Душистый Горошек уже растворился в толпе танцующих придворных, повторяющих каждое его движение.

И когда маленького беспомощного эльфа, бывшую Королеву, поволокли прочь, Горчиное Зёрнышко услышал её последний отчаянный шёпот:

— Гром... и Молния... Да ощутишь ты на себе всю силу Грома и Молнии, Душистый Горошек, и гнев Тиффани Болен. Гнев, который прожигает насквозь...

С неба хлынул дождь и вскоре сменился градом.

Глава 9

ЗАКЛИНАТЕЛЬ КОЗ

Паренёк, который стоял под дождём у заднего крыльца дома Тиффани — уже не матушкиного, а её дома, — был не похож на обычных посетителей. Он выглядел не слишком опрятно, как и большинство гостей, но это была неопрятность не бедняка, а путешественника. И рядом с ним стоял козёл, что тоже необычно. Тиффани пригляделась к гостю. Когда-то он был одет дорого, в самое лучшее. Но нужду он познать успел, хоть пришёл не из-за неё. Парнишка был на несколько лет младше Тиффани.

— Это вы ведьма по имени госпожа Болен? — спросил он, заметно нервничая, когда она открыла дверь.

— Да, — ответила Тиффани и подумала: «Что ж, по крайней мере, он кое-что разузнал, прежде чем идти. Он не спросил матушку Ветровоск и постучал в заднюю дверь, как и положено. А у меня на столе полхлёбка остывает».

— Зачем ты пришёл? Тебе ведь нужна помощь? — спросила она, потому что ведьма никого не прогоняет от двери.

— Нет, госпожа, с вашего позволения. Но в пути я много слышал о вас. Говорят, вы самая лучшая ведьма.

— Люди могут говорить что угодно, — сказала Тиффани. — Важно, что думают ведьмы. Так зачем тогда ты пришёл?

— Я хочу стать ведьмой! — выпалил мальчишка, и последнее слово зазвенело в воздухе, будто живое. А парень упрямо продолжал: — Господин Виггал, мой учитель, рассказывал, что одна ведьма смогла стать волшебником. Значит, и наоборот можно, правда? Говорят ведь: что гусыне хорошо, то и гусаку подойдёт.

— Ну да, — неуверенно отозвалась Тиффани. — Но в нашем деле часто приходится помогать женщинам в таких обстоятельствах, когда мужчин и близко не подпустят. Неслучайно ведь повивальные бабки бывают, а о повивальных дедках никто не слышал.

У парня кадык ходил ходуном от волнения, но гость всё же нашёл в себе силы возразить:

— Я знаю, что в Бесплатной больнице леди Сибиллы в Анк-Морпорке лечат и мужчин, и женщин. И без сомнения, госпожа, когда доходит до операции, дамы доверяют и хирургу-мужчине. — Парнишка немного приободрился и продолжал: — Я в самом деле чувствую, что мог бы стать хорошей ведьмой. Я много знаю о сельской жизни, и у меня маленькие кисти рук, что очень пригодилось мне по пути, когда пришлось помогать козе в трудных родах. Я засучил рукава и осторожно развернул козлёнка так, чтобы ему

было легче появиться на свет. Крови, конечно, было много, но козлёнок родился живым, и старик, хозяин козы, прослезился от благодарности.

— Правда? — отозвалась Тиффани с каменным лицом, гадая, с каких это пор умение обращаться с козами стало признаком ведьмовского дара.

Но парнишка выглядел таким потерянным, что она смягчилась и пригласила его в дом выпить чая. Козла отвели под яблоню, где разрослась трава под названием «поползучая Минни». Ветки яблони давали укрытие от дождя, и козлик остался доволен, хотя Тиффани, будучи ведьмой, не могла не заметить, что он бросил на неё очень странный взгляд, не имеющий ничего общего с обычным козьим прищуром. К тому, кто так смотрит, страшно вато поворачиваться спиной. Но было в этом взгляде и что-то ещё...

Жестом позвав парнишку в дом, Тиффани заметила Эй. Кошка шла себе мимо яблони, но, увидев козла, вдруг выгнула спину дугой и распушила хвост. Несколько мгновений эти двое смотрели друг на друга, и воздух чуть не звенел от напряжения. Тиффани даже готова была поклясться, что видела, как между ними проскочила зеленовато-жёлто-лиловая искра — и в один миг оба успокоились, словно заключили некое соглашение. Козлик снова принялся щипать траву, Эй приняла нормальные размеры и прошла мимо, едва не потёршись боком о ноги козла. Увиденное потрясло Тиффани. Даже Грибо, кот нянюшки Ягг, бежал от Эй без оглядки! Что же это за козёл такой? Возможно, подумала она с интересом, этот парень не так прост, как кажется.

Они уселись за маленький кухонный стол, и Тиф-

фани выяснила, что мальчика зовут Джеффри и он забрался очень далеко от дома. Она поняла, что он не слишком-то рвётся рассказывать о своей семье, и зашла с другой стороны.

— Мне любопытно, Джеффри, — начала она, — почему ты решил стать ведьмой, а не волшебником? Ведь считается, что именно этот путь должен выбрать мужчина, если решил посвятить жизнь магии.

— Я как-то никогда не думал о себе как о мужчине, — ответил он. — Я вообще не так, ни этак о себе не думал. Я — это просто я.

Хороший ответ, мысленно одобрила Тиффани. Она уже не впервые задумалась о разнице между волшебниками и ведьмами. Главное различие в том, решила она, что волшебники с их книгами и посохами творят заклинания, великие заклинания для грандиозных дел. И волшебники — всегда мужчины. А ведьмы, всегда женщины, занимаются делами повседневными. Хотя и тоже великими — что может быть важнее рождения или смерти? Так, может, и нет ничего странного в том, что парень захотел стать ведьмой... ну, или как это назвать? Ведьмаком? Сама Тиффани однажды решила, что будет ведьмой, так почему бы ему не решить то же самое? Она вдруг поняла, что настал переломный момент. Если она и вправду главная ведьма, ей должно быть по силам принять такое решение. Спрашивать других ведьм необязательно. Можно сделать выбор самой. И принять за него ответственность. Если уж менять старые порядки, почему бы не сделать первый шаг?

Она задумчиво посмотрела на Джеффри. «В этом парне что-то есть, — подумала Тиффани, — только

я пока не понимаю что. Но он вроде бы безобидный и выглядит таким несчастным... Решено. Я дам ему шанс. А что касается козлика...»

— Хорошо, — сказала она. — Можешь переночевать в сарае, накормить я тебя накормлю. О козле позаботься сам. Сейчас уже поздно, поговорим завтра.

На следующее утро к Тиффани должна была зайти нянюшка Ягг. Пока она не пришла, Тиффани отправилась в сарай, чтобы отнести парнишке еды. Он ещё спал. Она негромко кашлянула, и он подскочил как ужаленный.

— Так, Джеффри, а теперь Расскажи-ка мне всю правду. Ты в бегах? Может, сбежал от родителей?

— Нет, не сбежал, — ответил он, откусив большой кусок хлеба, но отложив в сторону кусок ветчины с него.

Ах ты, врунишка, подумала Тиффани. Ведьмы без труда чувствуют ложь¹.

Она вздохнула:

— Значит, просто сбежал из дому, да?

— Можно и так сказать, госпожа. Но мне уже шестнадцать, и я решил уйти из дома.

— Не поладил с отцом? — предположила Тиффани и заметила, как парень опять чуть было не подскочил — её слова явно попали в цель.

— Как вы догадались, госпожа?

Тиффани снова вздохнула:

— На двери моего дома написано «Ведьма», верно? Может, я и ненамного старше тебя, но ты не пер-

¹ Почувать правду гораздо труднее

вый беглец, с которым мне приходится иметь дело, и наверняка не последний. Хотя, — добавила она, — до сих пор я не видела ни одного беглого мальчишки столь благородного происхождения, господин Джеффри. Уж больно плащ у тебя хорош. Ну, ладно. Скажи мне, Джеффри, чем ты можешь быть полезен мне и моему делу?

— О, я могу очень многое, госпожа! — заявил парень. Он старался вложить в эти слова уверенность, но в них прозвучала лишь надежда.

Тут из-за угла дома показалась нянюшка Ягг. Только что её не было — и вот она здесь. Тиффани уже успела привыкнуть к этой её манере. Нянюшка взглянула на Джеффри, мгновенно составила о нём собственное мнение и подмигнула Тиффани:

— Интересные дела у тебя тут, а, Тифф? — И её морщинки сложились в многозначительную, даже неприличную улыбочку. Словно печёное яблоко похабно ухмыльнулось.

Джеффри, похоже, чуть дёру не дал.

— Всё хорошо, нянюшка, — строго сказала Тиффани. — Знакомьтесь, это Джеффри. Он хочет стать ведьмой.

— Да ну? — фыркнула старая ведьма. — Хочешь сказать, ему приспичило научиться колдовать? Так отошли его к волшебникам, и дело с концом.

Теперь парнишка и вовсе смахивал на вусмерть перепуганного оленёнка, готового сигануть прочь. Нянюшка Ягг, когда хотела, могла и так действовать на людей.

— Нет, он хочет стать ведьмой, нянюшка. Теперь понимаете?

Глаза нянюшки, заметила Тиффани, нехорошо блеснули.

— Ведьмой, значит? Ну, тогда неплохо бы ему сперва посмотреть, с чем нам, ведьмам, приходится иметь дело, а потом уж пусть решает. Я к тому, что, если какой-никакой дар к магии в нём имеется, может, он ещё захочет попробовать стать волшебником. А знаешь что, возьми его, пожалуй, мальчиком на побегушках!

«Мальчиком на побегушках» обычно называли слугу, который делал самую неприятную и грязную, а порой и опасную работу: забивал кур, вязал в связки убитых на охоте фазанов, натирал ваксой обувь, чистил картошку. На Родной ферме тоже всегда имелся один такой парнишка — помогал по хозяйству и постепенно учился фермерству.

— Слушай, испытай-ка его в деле со стариком Нимлетом, — предложила нянюшка. — Сама знаешь, какие у него когти на ногах.

Да, как у всех одиноких стариков, подумала Тиффани. Но бедняга Джеффри так рвался себя проявить и так дрожал, что она сжалилась над ним и объяснила:

— Быть ведьмой не так просто, как ты думаешь, Джеффри. Но если хочешь побыть у меня на побегушках, давай попробуем и посмотрим, как у тебя будет получаться. Для начала я хочу, чтобы ты управился с жуткими стариковскими ногтями.

— И в таком деле тебе не помешал бы щит, — встала нянюшка.

Паренёк вопросительно посмотрел на Тиффани.

— Ох... — вздохнула она. — Ногти у господина Нимлета отрастают толстые и крепкие, подрезать их

непросто. Нужны очень-очень острые кусачки, но обрезки, будь они неладны, разлетаются во все стороны, аж со свистом. Береги глаза.

Она всмотрелась в лицо Джеффри. Он явно был полон решимости одолеть любые преграды, даже летающие ногти. Нянюшка ухмылялась.

Тиффани сказала:

— Мне ещё надо навестить роженицу. Нянюшка, будьте добры, отведите Джеффри к Нимлету и посмотрите, как у него пойдут дела. Ах да, и напомните ему собрать обрезки — Явор Заяadlo нашёл им применение, и ещё какое.

— А можно, я возьму с собой Мефистофеля?

Нянюшка резко развернулась к нему.

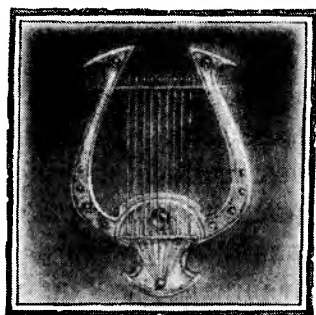
— Какого такого простофилю? — переспросила она.

— Это мой козёл, — пояснил юноша, показав на Мефистофеля, который гулял на огороженном участке и разглядывал то, что осталось от пучка одуванчиков. — Точнее, он свой собственный козёл, но мы путешествуем вместе. Он очень умный и к тому же хороший товарищ.

Нянюшка фыркнула.

— Смотрите, — с гордостью сказал Джеффри, когда на глазах у всех троих Мефистофель изящно выпрыгнул из загона и открыл носом дверцу будочки под буком. — Он даже умеет пользоваться туалетом.

И тогда нянюшка — впервые в жизни! — потеряла дар речи.

Глава 10

СОКРОВИЩЕ

В самом сердце Волшебной страны Душистый Горошек, торжествуя, оглядел своих придворных.

Ланкин, изящный и статный, в тунике из мха и зелёных листьев, небрежно наброшенной на смуглые плечи, развалился подле его трона, поигрывая кинжалом.

— Отныне я — ваш Король! — провозгласил Душистый Горошек.

В огромном зале повисла тишина — эльфы обдумывали произошедшее и оценивали варианты. Какой-то придворный отважился спросить:

— А как же наш Король? Тот, что пребывает в подземном логове? Что он на это скажет?

— Что-то вроде этого, — заявил Душистый Горошек, посылая в строптивца стрелу.

Эльф упал навзничь — раненый, но живой. «Хорошо, — подумал Душистый Горошек. — Позже я с ним

позабавлюсь». Он махнул рукой стражам, и эльфа уволокли прочь.

— Пропади Король пропадом! — крикнул Душистый Горошек, и на сей раз возражений не последовало.

Все эльфы знали: Душистый Горошек хочет раз и навсегда покорить мир людей, гномов, гоблинов и прочих созданий, чтобы эльфы резвились в нём в своё удовольствие, грабя и убивая, как встарь.

— Мы, эльфы, были всегда, с начала времён, — громовым голосом возвестил Душистый Горошек. — Слишком долго люди правили свой бал! Эти выскочки гоблины ещё узнают, как страшен наш гнев! Мы сметём с лица земли их крикливые механические развалюхи! И вновь подчиним себе мир, посмевавшийся отвергнуть нас! — Он улыбнулся и вкрадчиво добавил: — А те, кто нас не поддержит, познают боль.

В мире, где есть поезда и железная пыль, эльфам грозила верная гибель. Но никто не рискнул возразить Душистому Горошку. Они слишком хорошо знали: «боль» — короткое слово, но Душистый Горошек может заставить её длиться долго, очень надолго.

И кроме того, теперь, когда новый король стоял перед ними во всём блеске своих могучих чар, они почувствовали, как их мир снова обрёл смысл.

— Сколь же глупы эти смертные!* — рокотал Душистый Горошек. — Они думают, что смогут помешать нам! Мы нужны им. Они зывают к нам. И мы придём. Мы заставим их желать невозможного. Мы

заберём у них всё! А в оплату они получают лишь наш смех!

Эльфы радостно взревели, поддерживая своего короля.

Бекки Пардон и Нэнси Честни, в своих лучших платьях, трепеща от волнения, смотрели на мисс Тик.

— ...Это вам не сплошные заклинания и полёты на метле. Это работа, порой тяжёлая и неприятная, — вещала ведьма. — Да, Бекки?

— Когда мой дедушка умер, я видела, как делали всё, что нужно сделать потом, — сообщила девочка. — Отец был против, но мама сказала: «Пусть посмотрит. Рано или поздно она всё равно узнает, как устроен мир».

— Но для начала мне нужно убедиться, девочки, что у вас есть способности к магии. Вам придётся овладеть основными магическими умениями — например, гасить свечу силой мысли. Зачем, по-вашему, нам нужна магия?

Бекки сказала:

— Магией можно бородавки лечить — моя бабка это умела. Магия может сделать человека красивым...

В её голосе прозвучала смутная тоска, и мисс Тик пригляделась к девочке внимательнее. Ну конечно, неприятное родимое пятно на щеке.

— Можно наколдовать, чтобы кто-нибудь захотел с тобой дружить, — высказалась Нэнси. — Или, — она слегка покраснела, — чтобы парню понравиться.

Мисс Тик засмеялась:

— Вот что я вам скажу, девочки: магия не сдела-

ет красивым того, кто лишён красоты. И уж точно не прибавит вам популярности. Магия — не игрушка.

Покраснев ещё больше, Нэнси робко пролепетала:

— Но парни...

На лице мисс Тик не дрогнул ни единый мускул. Выдержав паузу, она спросила:

— Что парни?

Нэнси залилась такой краской, что смотреть стало больно. «Ещё немного, — подумала мисс Тик, — и будет точь-в-точь оттенок варёного рака».

— Чтобы понравиться юношам, Нэнси, магия не нужна, — сказала она вслух. — Если хочешь узнать больше, думаю, госпожа Тиффани посоветует тебе обратиться к нянюшке Ягг или, возможно, к твоей собственной бабушке.

— А у вас есть жених, госпожа? — спросила Нэнси.

— Нет, — отрезала мисс Тик. — От них одна морока. А теперь, дамы, давайте посмотрим, получится ли у вас сделать путанку. Если ничего не выйдет, скорее всего, ведьмами вам не стать. Путанка помогает сконцентрироваться.

Она резко вытянула руку вперёд, и воздух у неё под пальцами задрожал, затанцевал... ожил. Что-то происходило.

— Смотрите, — сказала мисс Тик. — Смотрите, как движется воздух в ожидании. Там может появиться моя путанка. И дать мне совет.

Она вдруг извлекла откуда-то яйцо, обрывок бечёвки, несколько прутиков и орешек.

— Из этих предметов, которые нашлись у меня при себе, я могу сделать путанку, — сказала она. Потом взгляделась в сосредоточенные лица девочек и добавила: — Но сейчас вам придётся попробовать самим. Имейте в виду: в путанке обязательно должно быть что-то живое. Просто закройте глаза и попытайтесь сплести путанку из того, что у вас под рукой.

Она наблюдала, как девочки с понуро-торжественным видом принялись доставать на свет содержимое своих карманов. Мисс Тик давно наблюдала за ними и знала — у обеих девочек врождённый дар к магии. Но чтобы учиться на ведьму, крупницы таланта недостаточно. В ученичестве их ждёт и немало тяжёлой работы. И даже если девочки к этому готовы, остаётся ещё немало других сложностей. Для начала нужно, чтобы родители одобрили их выбор. Часто девочку не хотят отпускать учиться, потому что от неё много пользы по хозяйству, она присматривает за младшими детьми или помогает в семейном деле. И это если не касаться вопроса о внуках, а этот вопрос рано или поздно встанет.

Мисс Тик также было известно, что можно многое узнать о человеке, посмотрев, что есть у него в карманах, а порой удаётся узнать ещё больше, оценив, чего там нет. Например, у неё самой всегда лежал в кармане маленький кусочек сыра — на пустой желудок много не наколдуешь.

Вслух она сказала:

— Червяк — тоже живое существо, так что полезно носить с собой червячка в спичечном коробке.

Только не забывайте время от времени класть ему немного свежих листьев.

Нэнси сняла башмак.

— У меня там гусеница! — пояснила она.

— Очень хорошо, — похвалила мисс Тик. — Тебе повезло. Но удачливость — всего лишь одно из многих качеств, необходимых ведьме.

Бекки выглядела расстроенной.

— У меня есть шпилька — можно, я её использую? — спросила она.

— То есть вплетёшь в путанку? Конечно, — ответила мисс Тик. — Однако что-то живое всё равно необходимо. Подойдут бабочки, муравьи и любые другие букашки, только помни: нельзя их убивать. Сделай так, чтобы они могли свободно летать или ползать.

— А, ладно... — Бекки зарылась в куст и вскоре появилась оттуда с большой мохнатой гусеницей.

— Повторюшка! — заявила Нэнси.

Мисс Тик рассмеялась:

— Смекалка — ещё одно важное качество ведьмы. Ведьма смотрит по сторонам и мотает на ус. Молодец, Бекки, — похвалила она, потому что Бекки уже успела аккуратно устроить гусеницу в гамаке из обрывка старой бечёвки и подвесить на палец.

Свободными пальцами девочка пыталась засунуть в путанку шпильку.

Нэнси надулась и подняла повыше свою гусеницу, которая пыталась прогрызть норку в клочке овечьей шерсти.

Тут сверкнула молния и зарокотал гром, и обе девочки крикнули:

— Это моя путанка подействовала!

Мисс Тик снова улыбнулась. Почему многие люди смотрят на рассвет, радугу, молнию или тёмную тучу и думают: «Тут без меня не обошлось!»? Если бы одна из этих девочек в самом деле почувствовала, что может управлять бурей, она бы кинулась домой, рыдая от ужаса. А маме, возможно, пришлось бы отстирывать её трусики. И всё же немного самоуверенности начинающей ведьме не повредит.

— Смотрите, смотрите! — закричала вдруг Бекки, указывая на свою путанку.

Шпилька парила в воздухе рядом с гусеницей.

— Очень хорошо, — сказала мисс Тик. — Просто отлично, Бекки!

— А что вы на это скажете? — вмешалась Нэнси.

Её путанка выскользнула из пальцев и упала, а гусеница отправилась в полёт на клочке шерсти, будто ведьма на метле. Нэнси вскинула руку — на кончике пальца у неё вспыхнул огонёк.

— Превосходно, — сказала мисс Тик. — Вы обе прекрасно освоили начала. Теперь осталось только учиться, учиться и учиться день за днём, — строго добавила она.

А сама подумала: «Тиффани будет интересно посмотреть на вас двоих, это уж точно».

В Волшебной стране звучала музыка. Прекрасная мелодия кружилась в воздухе, летела ввысь, а эльф, небрежно развалившийся на тонкой ветке цветущего дерева, забавы ради превращал каждый звук в цвет,

и музыка переливалась над головами придворных всеми цветами радуги, приводя их в восхищение. Привести эльфов в восхищение вообще нетрудно. Больше всего они любят причинять боль, но музыка уверенно держит второе место среди их излюбленных удовольствий.

Музыкант был человеком. Его заманили в лес чарами эльфийской арфы, похитили и заставили услаждать слух его величества Душистого Горошка, снова и снова. Эльфы очень хорошо умеют поддерживать в своих игрушках жизнь, иногда даже неделями. Флейтист был восхитительной игрушкой, и Душистый Горошек лениво гадал, сколько он протянет.

Новый повелитель эльфов был доволен. Его воины предпринимали вылазки в человеческий мир и приносили оттуда трофеи вроде этого музыканта. И с каждой успешной вылазкой в них крепла уверенность в своих силах. Скоро, скоро настанет время, чтобы сделать решающий ход...

Душистый Горошек нахмурился. Надо будет поговорить с Горчичным Зёрнышком и убедиться, что Королеву, или то, что от неё осталось, вышвырнули прочь из Волшебной страны. Не хватало ещё... осложнений.

Джеффри нравилось наблюдать не только за дикими животными, но и за людьми. Он смотрел на них примерно так же, как на лис в лесу: восхищённо, пристально, многое подмечая и узнавая.

Среди прочего он обнаружил, что старики всем мешают в собственном доме. Как это было не похоже

на его семью, где отец правил железной рукой! Здесь в домах правили женщины — они захватили власть за долгие годы, пока их мужчины работали и потому редко бывали дома, а когда те на старости лет осели на одном месте, хозяйки не стали власть отдавать.

Эта мысль крутилась в голове Джеффри, когда он пришёл помочь старому Капитану Усмирилу избавиться от растительности в ноздрях (даже нянюшка Ягг не любила это делать). Жена старика, Салли Усмирил, была слишком близорука, чтобы подпускать её с ножницами к мужнину носу, и уже успела доказать это на практике. Салли не была злой или жестокой, но Джеффри заметил, что она обращается с супругом почти как со старым креслом. Как печально, подумал юноша, что этот пожилой, многое повидавший мореплаватель вынужден день-деньской сидеть в пивной, потому что его жена постоянно прибирает, чистит, моет, а если уж совсем нечем заняться — вытирает пыль. Если бы старик сидел у себя достаточно долго и не двигался, она бы, пожалуй, и его тоже стала прибирать, чистить и мыть.

Постепенно Джеффри осознал: пивная для стариков служит и развлечением, и убежищем. Однажды он взял и присоединился к ним и выставил всем по кружке, чтобы привлечь внимание. Потом показал, как Мефистофель умеет считать. Выпив ещё по кружке, старики более или менее приняли его в компанию, и тогда он подступился к вопросу, который не давал ему покоя последние несколько дней.

— Позвольте спросить, а чем вы занимаетесь, господа?

Старики рассмеялись, и Топлер Хныч — дедок, с лица которого, вопреки имени, никогда не сходила усмешка, — ответил:

— Мы, можно сказать, на заслуженном отдыхе, господин.

— Прямо как короли живём, — подхватил Хохотун Вбоквелл.

— Только что без дворцов, — добавил Топлер. — Хотя, может, у меня где-то и был, да я запомнил, куда его засунул!

— И нравится вам ваш заслуженный отдых? — спросил Джеффри.

— Да не очень-то, — признался Шамк Трясучка. — Мне он поперёк горла, с тех самых пор, как моя Джуди умерла. А детей у нас с ней не было. — В глазах у него набухли слёзы, голос задрожал, и старик поспешно приложился к кружке, чтобы скрыть это.

— Зато у Джуди была черепашка, верно? — напомнил Мятый Джо. Он был такой огромный и плечистый, что казалось, может подхватить корову одной рукой.

— Да уж, была, — подтвердил Шамк. — Джуди нравилось, что черепашка ходит ещё медленней, чем она. Черепаха до сих пор жива, а толку? С ней особо не поговоришь. Джуди-то трещала целыми днями без умолку. Зато черепаха слушает хорошо, вот чего Джуди не умела.

Все засмеялись.

— У стариков в домах бабье царство как есть, — сказал Джим Джонс по прозвищу Вонючка.

Джеффри обрадовался — разговор повернул в нужном направлении.

— Что вы хотите сказать? — уточнил он.

Старики уныло заворчали себе под нос.

— А вот что, мальчик на побегушках, — вздохнул Мятый Джо. — Моя Бетси говорит мне, что́ я должен есть, где и когда. И когда она рядом, то квохчет надо мной, как наседка старая. Будто я ребёнок.

— Угу, знаю я, как это бывает, — подхватил Капитан Усмирил. — Моя Салли — чудесная женщина, и я признаю, что пропал бы без неё, да вот какое дело... Когда-то я был за главного на корабле и отвечал за моих матросов. Если буря поднималась — шёл на палубу и следил, чтоб мы не потопли. Такая была моя капитанская работа. — Он оглядел своих приятелей, которые согласно закивали. — Но главное, парень, тогда я был мужчина. А теперь что? Теперь моя работа — поднимать ноги, чтоб не мешать жене мести пол. Хорошо, конечно, что у нас есть дом, и жену свою я люблю, но как-то всё время так получается, что я ей только мешаю.

— Я понимаю, о чём ты, — сказал Джим Вонючка. — Вы все знаете, я по-прежнему хороший плотник, в гильдии меня уважают. Но моя Милли всякий раз волнуется, стоит мне только за инструмент взяться. И вот чесслово: когда она на меня смотрит, я работать не могу — руки дрожат.

— Хотите, они перестанут дрожать? — предложил Джеффри, хотя отлично видел, как Джим под-

нёс ко рту свою кружку с пивом и рука у него была тверда, как скала. — Вы, господа, навели меня на одну мысль. — Он помолчал, гадая, станут ли они его слушать. — Мой дядя с материнской стороны был из Убервальда, и звали его Геймлих Зарайхаузен, потому что он был первым, кто додумался обзавестись сараем.

— У меня тоже есть сарай, и что? — не понял Джим Вонючка.

— Не обижайтесь, но вам только кажется, будто он у вас есть, — покачал головой Джеффри. — Сарай обычно используют как курятник или коровник, или коз там держат. Ещё бывают каретные сараи, я слышал, в Щеботане их называют «гаражи». А я говорю о мужских сараях. Мне кажется, такие сараи — как раз то, что вам нужно. Сараи для мужчин — гаражи.

Вот тут старики оживились. Особенно когда Джеффри крикнул:

— Ещё по кружке всем! Выпьем за гаражи!

Женщины в деревнях тоже полюбили Джеффри всей душой. Вот ведь диво дивное! Возможно, их очаровали его вежливость, добродушная улыбка и готовность всегда остановиться и поговорить.

— Господин Джеффри — такой спокойный юноша. Что бы ни случилось, по стенам бегать не станет, не из таковских он. И говорит так хорошо! Сразу видно — учёный человек! — поделилась однажды с Тиффани старая Бетси Попрыжкер.

— А этот его козлик! — подхватила госпожа Свистни, скрестив полные руки на ещё более полной

грудь. — На вид норовистая скотинка, а за Джеффри ходит кротко, как ягненок!

— Вот бы он моего Джо так приручил! — хихикнула Бетси, и они с госпожой Свистни пошли дальше по улице, тихонько пересмеиваясь.

А Тиффани, глядя им вслед, задумалась, как это её мальчик на побегушках умудрился стать здесь своим. А потом вспомнила, что встречала таких людей и раньше: они всегда всех знают, никогда не вступают в распри и могут остановить драку. Надо будет, решила она, взять его с собой, когда настанет время обходить дома, и присмотреться.

Так что на следующий день Джеффри отправился с ней, пристроившись на метле позади. Пока Тиффани с трудом управляла перегруженным помелом среди высоких гор, лицо юноши светилось от счастья. И когда он, такой сияющий и жизнерадостный, входил в дом, в доме тоже всё начинало сиять и искриться. Джеффри веселил людей, пел песни, и каким-то образом благодаря ему всё становилось... чуть лучше. Младенцы переставали плакать и принимались гулить, взрослые бросали препираться, матери успокаивались и выслушивали его советы.

Он и к животным умел найти подход. Тёлки стояли смиренно, вместо того чтобы в ужасе кидаться прочь от чужака, а кошки, едва войдя в комнату, решали, что будут жить у него на коленях. Однажды Тиффани видела, как Джеффри стоял, прислонившись к стене домика в лесу, а семейство кроликов мирно сидело у его ног — это при том, что тут же, рядом с ним, устроилась собака.

Нянюшка Ягг, посмотрев, как Тиффани ходит по домам с Джеффри, потом сказала ей:

— Хороший он парень, сердцем чую. Уж я-то мужчина знаю. — Она рассмеялась. — Я их в своё время повидала всяких и по-всякому, уж поверь мне. Не то чтобы он какие особые надежды подавал, да и кому-то из ведьм может прийтись не по нутру мысль, что парень в наше ремесло лезет. Но ты, Тифф, главное, не слушай, если кто скажет, будто матушке Ветровоск такое не понравилось бы. Помни: она тебе удел оставила, а не кому-то из них. А уж как с ним управляться, ты сама должна решать. По-своему, не по-её. Так что если хочешь учить парня — учи на здорovie.

Тиффани со своей стороны с каждым днём всё больше поражалась питомцу Джеффри. Мефистофель приходил и уходил, когда ему вздумается, но, если только Тиффани не брала юношу с собой в полёт, козлик всегда был где-то рядом. Тиффани казалось, что он опекает мальчика. Джеффри и Мефистофель отлично понимали друг друга: похоже, козлик умел до хозяина свою мысль, отстукивая копытцами сложный ритм. Если бы Мефистофель был собакой, он был бы пойнтером, подумала Тиффани. Хозяин был ему другом, и горе тому, кто вздумает злоупотребить добротой Джеффри — копытца и рожки Мефистофеля были на диво острые.

Когда Джеффри уходил по делам, козлик часто отпавлялся гулять сам по себе. Козы матушки Ветровоск довольно скоро признали его главным, а нянюшка Ягг клялась, что однажды видела, как «этот мелкий

паршивец» сидел в кругу диких горных коз. Она звала его Шашлыкозлищем и добавляла:

— Не то чтобы он мне не по нраву, хоть от него и пованивает. Я, можно сказать, всегда рога уважала. Козы соображают, а вот овцы — нет. Ты только не обижайся.

Звёздный час Мефистофеля, подтвердивший нянюшкину правоту в обоих отношениях, настал, когда Джеффри запряг его в тележку и отправился навестить мать с больным малышом по другую сторону леса.

Молодая мать была дома с ребёнком одна и смотрела на Джеффри во все глаза. Она так суежилась и волновалась из-за захворавшего сына, что забыла запереть овец в загоне. А овцы — на то и овцы, чтобы, обнаружив открытые ворота, удариться в панику и разбежаться. Когда хозяйка наконец посмотрела в окно и увидела, что происходит, было уже поздно.

— Мой муж так разозлится! — охнула она. — Нам теперь их ни в жизнь обратно не собрать. Только посмотри, удирают кто куда!

Джеффри высунулся в окно и несколько раз прищёлкнул языком. Мефистофель, которого он перед тем выпряг из тележки и пустил пастись, перестал щипать траву. А о том, что произошло дальше, ещё долго потом судачили по всему Ланкру. Если верить молве, Мефистофель стал гуртовать овец не хуже выученной овчарки. Овец, конечно, было много, а он один, но он методично, одну за другой, вернул их всех в загон.

Когда хозяйка рассказала мужу, что козлик не только всех овец пригнал обратно, но и закрыл за ни-

ми ворота, муж, понятное дело, решил, что она слегка преувеличивает, но с удовольствием поделился историей вечером в пивной, и легенда о Мефистофеле распространилась по окрестностям, как пожар.

Тиффани узнала обо всём от Джеффри и нянюшки. Учитывая, что Джеффри ещё и больному малышу помог, она решила, что день выдался удачный. И всё же нет-нет да и поглядывала на Мефистофеля, а тот смотрел на неё в ответ хитрющими глазами-щёлочками. Тиффани знала, что с козами надо держать ухо востро. А этот козлик был вдобавок себе на уме. Мефистофель тоже наблюдал за ней, заметила она, и за Эй, которая, как это водится у кошек, наблюдала за козликом, делая вид, что вовсе на него не смотрит. Похоже, все наблюдают друг за другом, поняла Тиффани и улыбнулась.

Вот тогда-то она и приняла решение.

На следующее утро она подозвала Джеффри и объявила, что ей надо сказать ему нечто важное.

— Есть кое-что, чего ты пока не знаешь, — осторожно начала она. — Я хочу познакомить тебя с моими... маленькими друзьями.

Ничего не произошло. Помолчав, Тиффани окликнула:

— Явор! Я знаю, ты тут, а ну кыкс показнись!

Ничего не произошло.

— Я дам те мал-мал промочнуть горло! — Тиффани поставила на стол чашку и плеснула на дно несколько капель крепкой выпивки.

В воздухе промелькнул рыжий сполох — и вот Явор Заядло тут как тут, со сверкающим мечом в руке.

— Явор, познакомься, это... Джеффри, — медленно проговорила Тиффани и обернулась посмотреть, как тот держится при виде первого в своей жизни Фигля.

Но Явор Заядло её удивил.

— Ах, дыкс мы ужo поручкались, — заявил он.

Джеффри покраснел.

— Ну, я ведь ночевал в старом сарае, — пояснил он. — А там уже спали эти господа, и они были так добры, что позволили мне разделить с ними кров.

Тиффани потеряла дар речи. Джеффри успел све-сти знакомство с Фиглями! А она и не подозревала! Она же ведьма, она должна была знать!

— Но... — в растерянности начала она, глядя, как вокруг появляются другие Фигли.

Одни спустились по верёвкам с потолка, другие выскользнули из-за ведра для воды, и все вместе столпились полукругом вокруг чашки с выпивкой.

— А, не волнуйся, — махнул рукой Явор Заядло. — Мы за всякое с ним толкуем, когда ты ужo в ночнухе и бай-бай.

— Но мы всё одно за тобой призыва... Мфф, мфф!!! — Это Явор Заядло крепко зажал ладонью рот Тупу Вулли.

— Когда я в ночнушке? — возмутилась было Тиффани, но тут же сдалась.

Что толку! Они будут присматривать за ней, что бы она ни говорила. И если бы ей предложили выбирать, будут в её жизни Фигли или нет, она бы не раздумывала.

— Ты не обижукаешься, хозяйка? — Явор Заядло

принялся шаркать ногами, как всегда, когда приходилось объясняться. — Джинни grit, тебе свезло, что этот व्यонош сюды набрёл, потому что он — сокровище. А ты ж бум-бум, мы ж нипочём сокровище не упустим.

Фигли, все как один, счастливо вздохнули.

Тиффани подтолкнула к ним чашку.

— Ну, это сокровище вы не стырите, — сказала она. — Но я бум-бум... я думаю, пора познакомить Джеффри с кельдой.

Снаружи шёл ливень, в пути они промокли до нитки и потом долго обсыхали у очага в фиглевской тайной пещере. Джеффри был в восторге от полёта и ничуть не смутился, когда ему сказали лезть в нору, запрятанную среди колючих кустов.

Он немного поёживался от неловкости, потому что взгляды всех Фиглей были прикованы к нему¹. Особенно взгляд Мэгги, старшей дочери Джинни, которая только что отважно протиснулась поближе, чтобы посмотреть на мал-мал громазду каргу и её приятеля. Она пригладила огненно-рыжие волосы и скорчила свою самую лучшую гримаску.

Джинни вздохнула. Скоро дочери придётся покинуть её дом. В клане может быть только одна кельда.

Только она это подумала, как Явор Заядло распахнул объятия, и Мэгги, протолкавшись к нему, уселась рядом.

¹ На самом деле любой человек, который способен столкнуться с целым кланом Нак-мак-Фиглей и не навалить полные штаны, — настоящий храбрец.

— Моя дочура, Мэгги, — с гордостью представил её Явор Джеффри. — Вскорости ей ужо надо топ-топс свой собственный клан искать, она ж у меня уже большая красава.

Мэгги тут же вскинулась:

— Ну почём я не могу стать тут, а? — заканючила она специальным капризным голоском папенькиной дочки. — Мне тут хорошо, а мужа, — добавила она почти с отвращением, — и детов я не хочу заводить. Я в воины хочу.

Явор рассмеялся:

— Но ты ж не вьюнош, Мэгги, ты красава.

Он встревоженно посмотрел на Джинни: неужели она не научила дочь таинствам? Не научила всему тому, что девушка должна знать, чтобы стать кельдой?

— А я умею подраться, — заявила Мэгги, надув губки. — Вон, Мал Дагги Носач пусть сказанёт, я ему раз крепко накидала люлей. А неча было со мной препиракаться!

Мал Дагги Носач, костлявый юный отпрыск Явора, потупился в своём углу, так что косы, украшенные по фиглеvской моде бусинами, упали ему на лицо и на виду остался только нос. Дагги смущённо переминался с ноги на ногу.

— И я с Жабом¹ толковала, — гнула своё Мэгги. — Жаб grit, можно не блюсти традиции, ежли не хошь. Это таковское Право Человеку.

¹ Жаб был адвокатом на службе у Фиглей. А жабой он стал из-за давнего недоразумения с одной феей-крёстной.

— Ну дыкс ты-то не человек, — резко вмешалась Джинни. — И чтоб мы этой разбредовины больше не слышали! А ну кыкс тащи гостю добрый кус буранятины с нашей особливой подливой!

Тиффани знала, что у Фиглей за подлива и из чего её делают.

— Улитки, — шепнула она Джеффри, когда Мэгги обиженно бросилась прочь.

К её изумлению, юная пикста проделала это точно-точно как госпожа Увёртка, если не считать, конечно, того, что Мэгги была всего пять дюймов от пят до макушки, а госпожа Увёртка ростом не уступала отцу Тиффани.

Джинни обладала удивительно острым слухом для такой маленькой женщины.

— Ах, мои ребята чегой токо себе не делают с улиток, — сказала она. — Даж улитковое виски мастрячат.

Джеффри вежливо улыбнулся:

— Большое спасибо вам, кельда, но я не ем ничего, что когда-то бегало, плавало или ползало. В том числе и улиток. Пусть лучше живут.

— На самом деле Фигли разводят улиток, — пояснила Тиффани. — Всем надо чем-то жить, Джеффри, без этого никуда.

— Верно, — сказал юноша. — Но не за счёт чужих жизней.

Джинни наклонилась вперёд и положила маленькую орехово-смуглую ручку на его ладонь. Воздух в пещере застыл, и взгляды Джинни и Джеффри встретились.

— Когда-то таких, как ты, было много, — сказала Джинни после долгого молчания. — Я не ошиблась. Я видала тебя в котле. Ты — тот, кто бой остановит, мир принесёт, всех уgomонит. Ты — uгомон. — Она повернулась к Тиффани: — Береги его, Тир-вар-фойн.

Пока они шли на Родную ферму пить чай, Тиффани размышляла о словах кельды. Остановить бой. Принести мир. А ведь может случиться, именно эти умения им пригодятся в ближайшее время... И стоило только об этом подумать, как по спине Тиффани пробежала дрожь. Это была такая настойчивая дрожь, означающая приближение несчастья. С другой стороны, возможно, это просто организм пытался сказать Тиффани, что был бы очень ей благодарен, если бы она в следующий раз отказалась от улиточной подливки. Она попыталась прогнать неприятное ощущение и снова задумалась о Джефффри. «Береги его», — сказала Джинни. И не зря, решила Тиффани. Возможно, впереди их ждёт нечто такое, с чем этот юноша справится как никто другой.

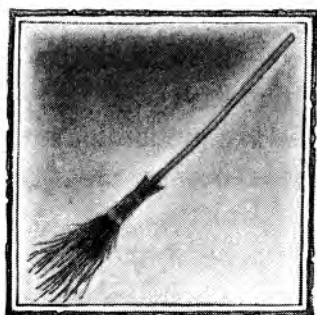
Вот тогда-то Тиффани и приняла решение: она отправится в Анк-Морпорк и возьмёт Джефффри с собой. Всё равно пора было навестить большой город — она же как бы главная ведьма. А вдруг городские ведьмы уже прознали об этом и судачат о ней между собой, будто она какая-то выскочка? Надо проверить. «И заодно, — пискнул тоненький голосок в голове, — может быть, получится повидать Престопа». Тиффани постаралась отогнать эту мысль. Она же не по личным делам собралась в город. Она отправится ту-

да, потому что она ведьма и у неё есть обязанности. Да, именно так она и скажет нянюшке Ягг — надо же будет предупредить об отлучке. Но надежда повидать Престона тихо прокралась в сердце и угнездилась там, отчего внутри сделалось немножко щекотно.

Джеффри ушёл далеко вперёд, но когда Тиффани окликнула его, тут же вернулся и вопросительно посмотрел на неё.

— Джеффри, — сказала Тиффани, — завтра мы отправимся за твоей первой метлой.

Глава 11

ГОРОД

Лететь в Анк-Морпорк было далеко. Они дважды останавливались по пути на ночлег — один раз в домике местной ведьмы, другой — в сарае благодарного крестьянина, которому Джеффри помог управиться со строптивой козой. И вот они наконец очутились в большом-пребольшом городе. Тиффани осторожно полетела над рекой Анк к сердцу Анк-Морпорка. По пути она обернулась и увидела, что Джеффри с открытым ртом таращится по сторонам. Ну, подумала Тиффани, он ведь сам говорил, что хочет посмотреть мир. Вот пускай и полюбуется на Анк-Морпорк для начала. Уж тут есть на что посмотреть.

Но вскоре она и сама не смогла скрыть удивления. Когда они пришли к старой лавке, где торговали мётлами, то оказалось, что лавка переехала. Теперь она была возле железной дороги. И хотя железные дороги всё ещё были очень молоды, широкие арочные пролёты под ними уже зажили своей жизнью.

Под этими арками, в похожих на пещеры полутёмных отсеках царила своя, особенная магия, секрет которой был известен лишь тем, кто здесь работал. На полу всегда маслянисто блестели лужи, даже если дождя не было уже много дней. Воздух пропитали запахи смазки и трудового пота.

Завсегдатая этих пещер узнать нетрудно. Большинство из них относятся к тому типу мужчин (женщин тут почти не водится), которые складывают вытасченные или подобранные гвозди в отдельную жестянку (вдруг пригодятся) и способны долго и со вкусом рассуждать о достоинствах того или иного вида смазки или зубчатого колеса. Случайный прохожий может услышать, как хозяин мастерской или лавки шепчет покупателю: «На той неделе зайдите — всё будет!» Иногда это обещание сопровождается многозначительным взглядом и не менее многозначительным постукиванием себя по носу.

Если вам что-то нужно, почти всё равно что, наверняка найдётся человек, а чаще — гном, готовый помочь вам. И то, что вы ищете, скорее всего обнаружится где-то в чернильной, потусторонней тьме в самой глубине арки. На взгляд постороннего это будет суший хлам, но здесь, под этими таинственными сводами, суший хлам всегда оказывается именно тем, что кому-то необходимо. Почему так происходит — загадка. Как будто хлам лежит там и ждёт, когда за ним придёт нужный человек.

Мастерская Шракера и Дейва, как выяснилось, теперь располагалась под второй аркой в ряду, между лавкой музыкальных инструментов, откуда разноси-

лись душераздирающие звуки, и мастерской шорника, с большим энтузиазмом распространявшей запах сыромятной кожи.

Когда Тиффани привела Джеффри к мастерской, им навстречу кинулся Дейв. Он узнал её с первого взгляда, поскольку отлично помнил, как пару лет назад Тиффани обратилась к ним и ненароком обмолвилась, что дружит с Нак-мак-Фиглями¹. Если в гномьей мастерской заводятся Фигли, гномам остаётся только собирать манатки и возвращаться в горы. Прихватив большой топор.

Глаза Дейва беспокойно забегали, и от Тиффани это не укрылось.

— Не волнуйся, Нак-мак-Фиглей я с собой не взяла, — успокоила она его.

Это была не совсем правда. Тиффани, конечно, сказала Явору Заядло, что отправляется в город по карговским делам, и наложила на него и остальных Фиглей гейс, чтобы они не пытались последовать за ней.

Но всё это совершенно не означало, что никто из пикстов не спрятался среди прутьев, чтобы выскочить оттуда в самый неподходящий момент, размахивая большой палкой и вопя: «Раскудрить!»

Однако гном, услышав, что Фиглей с Тиффани нет, перевёл дыхание и несмело ухмыльнулся. Со свода арки сочилась вода, и Тиффани ловко уклонилась от весёлой капли.

¹ В тот раз именно из-за Фиглей Тиффани была вынуждена искать, кто бы отремонтировал ей метлу — они умудрились поджечь прутья по пути в город.

— Это Джеффри, — сказала она. — Ему нужна метла. — Она оглядела длинный ряд арок. — Не так-то просто оказалось вас найти. Вижу, вы переехали.

Дейв тем временем пристально рассматривал Джеффри с головы до ног.

— Тут хорошее место, — отозвался гном. — Товар подвозят быстрее. И старушку-маму повидать проще. Ехать, правда, долго.

Султан чёрного дыма от пронёсшегося над ними поезда накрыл Дейва и Джеффри, а к тому времени, когда Тиффани снова увидела их, гном (на лице которого остались пятна копоти) уже решил, какая именно метла нужна парню.

— Номер три, пожалуй, — заявил Дейв. — Кажется, у нас как раз есть одна такая в наличии. Лучшая модель на сегодняшний день, не что-нибудь. Дерево для неё доставили с самых Овцепиков. Особое волшебническое дерево. — Он погладил бороду, вытряхнул пепел из носа и обошёл Джеффри кругом. — На волшебника учишься, а, парень?

Джеффри вопросительно посмотрел на Тиффани: стоит ли признаваться, что он хочет стать ведьмой?

— Нет, — вмешалась Тиффани, точнее, её внутренняя ведьма. — Мой друг — угомон.

Гном вытаращился на Джеффри во все глаза, почесал свой железный шлем и спросил:

— А кто это такие, госпожа?

Тиффани, немного подумав, сказала:

— Пока что Джеффри просто помогает мне. И для этого, господи, ему нужна метла.

Она принесла с собой две метлы — свою собственную и ещё одну — и теперь протянула вторую гному.

— Но нам не нужна новая метла. Вы же знаете: мы, ведьмы, передаём друг другу мётлы по наследству. Так вот, мне досталась эта метла, и мне кажется, она прекрасно подойдёт Джеффри. Надо только привести её в порядок. Боюсь, ей требуется небольшой ремонт.

При слове «ремонт» из глубин арки показался второй гном, Шракер. Вид он имел почти оскорблённый.

— Ремонт? — протянул он таким тоном, будто всякий, отказавшийся от новой метлы со скидкой, упускает величайший шанс в своей жизни. — Ты хочешь, чтобы парнишка начал карьеру на подержанной метле?

Тут он разглядел метлу, о которой шла речь, отшатнулся и схватился за поясницу.

— Это же... метла матушки Ветровоск, — охнул он. — Про это помело такое рассказывают...

— Что ж, чем не повод показать, на что вы способны? — лукаво сказала Тиффани. — Или дело вам не по плечу? Тогда я найду кого-нибудь другого.

— Ну-ну, не надо горячиться. — Шракер снял шлем, вытер лоб шерстяной тряпицей и раскурил трубку, чтобы потянуть время и как следует рассмотреть метлу.

— Я буду вам очень признательна, — добавила Тиффани.

Шракер шумно затянулся дымом.

— Ну, — задумчиво сказал он, — я могу полностью перебрать её. Может, заменить ручку?

— У нас есть специальные мужские ручки для мётел, — подхватил Дейв. — С выемкой, ну... сами понимаете где. Парню будет гораздо удобнее.

— Всю жизнь мечтал подержать в руках эту метлу, — признался Шракер. — Поработать с ней. Но горные гномы говорили, госпожа Ветровоск всегда требовала, чтобы они, ну...

— Просто подлатали на скорую руку, — подсказал Дейв. На лбу его пролегли морщины, словно одна мысль о небрежной работе причиняла ему боль.

— Ну, я, конечно, не матушка, но я тоже ведьма, — сказала Тиффани. — А с ведьмой лучше быть в дружбе. — Она мило улыбнулась и добавила: — Сейчас я чувствую к вам дружеское расположение — главное, чтобы так и продолжалось.

Повисло молчание, которое очень кстати заполнил пронзительный визг очередного поезда. Сверху повалили дым и сажа.

— Госпожа Ветровоск была очень могущественной ведьмой, — осторожно высказался Шракер, когда всё стихло.

— И, как я слышал, никогда не платила за работу, — мрачно добавил Дейв.

— У меня есть деньги, — вмешался Джеффри.

До этой минуты он благоразумно помалкивал, предоставив переговоры Тиффани, но ведь речь всё-таки шла о его метле.

Гномы радостно вскинулись, Шракер, как заметила Тиффани, едва удержался, чтобы не потерять руки.

— Кое-какие деньги у моего друга и правда есть, — решительно сказала она. — Но я обещала помочь ему

в этом деле и не хочу, чтобы он тратился. Мы поступим иначе. Я заплачу обоим.

Обы, то есть обязательства, были гномьей валютой. К чему тратить золото, если можно обойтись без него? Люди называли бы это «услуга за услугу». Разница заключалась в том, что обы можно было передавать друг другу. Обязательства ведьмы ценились особенно высоко, и Тиффани это знала.

— Послушайте, — сказала она, — не так уж всё и страшно с этой метлой.

Шракер тяжело опустился на полный ящик, как попало набитый крепкими прутьями¹.

— Забавно, что ты это предложила, — медленно проговорил он. — Меня, видишь, боли в пояснице донимают. Это из-за работы всё. Можешь помочь?

— Ладно, не двигайся. — Тиффани обошла гнома сзади.

Спустя минуту гном робко пошевелился, потом выпрямился, и лицо его удивлённо вытянулось.

— Ничего себе! Как ты это сделала?

— Я забрала твою боль, — пояснила Тиффани. — Теперь она моя. И должна тебя поздравить: ты очень хорошо с ней справлялся, боль-то нешуточная. А сейчас она висит в воздухе, у меня на привязи.

Гномы машинально запрокинули голову и уставились поверх Тиффани, словно рассчитывали увидеть

¹ В некоторых обстоятельствах удобно, когда слои одежды на тебе исчисляются двузначными числами. Гномы любят носить по нескольку кольчуг и курток, и, разумеется, традиционную шерстяную безрукавку, с которой и кольчуга уже без надобности.

там воздушный шарик с надписью «боль». Но ничего не увидели, только капля маслянистой жидкости упала с потолка прямо в бороду Дейва.

— Под этими арками, случайно, нет каменотёсной мастерской? — спросила Тиффани, глядя, как Дейв стащил шлем и принялся скрести бороду. — Я могла бы расколоть большой камень этой болью. А впрочем... — она присмотрелась к шлему, — сойдёт и он.

Дейв положил шлем на землю, и Тиффани метнула туда комок боли. К ужасу гномов, шлем покоробился, от него взметнулся столб пара и смешался с клубами паровозного дыма.

Таким образом, за работу было уплачено вперёд, и Шракер, который будто заново родился, взялся за дело с твёрдым намерением превзойти сам себя. Для начала он внимательно оглядел как Джеффри, так и старую метлу, словно приступил к собственному магическому ритуалу.

— Как вы носите, сэр? — спросил он. — Налево, направо?

— Ну, обычно куда нужно, туда и несу, — неуверенно ответил Джеффри.

Пришлось гномам быстренько объяснить ему, о чём речь.

— Ах да, — сказал Джеффри. — Я как-то не думал об этом.

Шракер рассмеялся:

— Ладно, забыли. Теперь всё зависит от меня. Пожалуй, можете зайти завтра — к тому времени эта метла у меня будет летать как миленькая.

После посещения мастерской Тиффани сообщила Джеффри, что теперь им надо навестить госпожу Пруст, настоящую городскую ведьму, и повела его в «Магазин полезных мелочей и увеселительных товаров «Боффо» на Десятой Яичной улице. А заодно пусть Джеффри посмотрит на товары, подумала Тиффани, ему полезно будет. Раз уж он выбрал ведьмовской путь, возможно, однажды ему тоже придётся воспользоваться боффо.

Многие юные ведьмы охотно покупали у госпожи Пруст искусственные черепа, котлы и бородавки, чтобы создать подобающий их занятию образ. Людям бедным, несчастным, опустившимся так низко, что у них почти не осталось надежды снова подняться, важно, чтобы ведьма выглядела именно так, как полагается выглядеть ведьме. Так им проще поверить.

Самой госпоже Пруст не было нужды работать над своим образом, поскольку всё необходимое — нос самым настоящим крючком, жуткие космы и чёрные зубы — досталось ей от природы. Заслышав замогильный стон, который издала дверь лавки, когда гости вошли, хозяйка поспешила им навстречу.

— Этот скрип — что-то новенькое, — с улыбкой сказала Тиффани.

— О да, — отозвалась госпожа Пруст. — Они у меня просто нарасхват. Рада видеть тебя, госпожа Болен! А кто же этот молодой человек, позволь спросить?

— Это Джеффри, госпожа Пруст. Мы прилетели в город, потому что ему нужна ведьмовская метла.

— Да неужели? Мальчик решил стать ведьмой? И летать на метле?

— Но аркканцлер-то иногда летает, — напомнила Тиффани.

— Знаю, — сказала госпожа Пруст. — Однако, возможно, не всем это понравится.

— Я сама разберусь со всеми сложностями, если что, — ответила Тиффани. — Матушка Ветровоск назвала меня своей преемницей, мне и решать. И я решила, что пора бы, пожалуй, кое-что изменить.

— Молодец, — похвалила госпожа Пруст. — Отваги тебе не занимать.

Она повернулась к Джеффри, который, забыв обо всём, остолбенел перед витриной с искусственными собачьими какашками. Старая ведьма внезапно оказалась рядом, нависла над юношей, положила когтистую руку ему на плечо и спросила:

— Так ты, значит, ведьмой решил стать, а?

К немалому удивлению Тиффани, Джеффри не дрогнул. Госпожу Пруст это впечатлило не меньше.

— Мне кажется, — сказал он, — как бы всё ни сложилось, я могу быть полезным ведьмам.

— Да ну? — Госпожа Пруст ехидно ухмыльнулась. — Что ж, поживём — увидим, верно, молодой человек?

Она снова обратилась к Тиффани:

— Кое-кому из сестёр твоя затея ой как не по нраву придётся. Но решать тебе, Тиффани, сейчас твоё время. И Эсме Ветровоск знала, что делает. Она предвидела, что ждёт нас в будущем.

— Нам придётся задержаться в Анк-Морпорке, пока гномы чинят метлу для Джеффри, возможно, до завтра, — сменила тему Тиффани. — Нельзя ли переночевать у вас?

Госпожа Пруст усмехнулась:

— В моей гостевой спальне полно места, да и поболтать я буду рада. — Она взглянула на Джеффри. — Ты уже бывал в Анк-Морпорке, молодой человек?

— Нет, госпожа Пруст, — тихо ответил он. — Мы жили в Графствах, и только отец иногда покидал дом и путешествовал.

— Ну, тогда мой сын, Дерек, всё тебе тут покажет, — обрадовалась старая ведьма. — Эй, Дерек!

Дерек — юноша из тех, кого трудно заметить в толпе, даже если толпа состоит из двух человек (в этом отношении он был прямой противоположностью своей матери), — спотыкаясь, поднялся по лестнице из подвальной мастерской.

Посмотреть Анк-Морпорк, подумала Тиффани, Джеффри уж точно будет полезно.

Когда мальчишки ушли, госпожа Пруст спросила:

— А как поживает твой молодой человек, Тиффани?

Тиффани вздохнула: ну почему старые ведьмы вечно суют повсюду свой нос? Но тут же спохватилась: на самом деле все ведьмы суют повсюду нос, такова уж ведьмовская натура. Тиффани успокоилась. По крайней мере, госпожа Пруст больше не пыталась свести её с Дерекком.

— Ну, — сказала она, — Престон мне нравится, и я ему тоже, он мой лучший друг. Но не уверена, что

кто-то из нас готов... к чему-то большему. Понимаете, у него полно дел в больнице, он там удивительными вещами занимается. Мы переписываемся, иногда даже видимся... — Она помолчала. — Мне кажется, он женат на своей работе, а я замужем за своей. — У неё вдруг перехватило горло. — Не то чтобы мы не хотели быть вместе... В смысле, я... но... — Тиффани умолкла, потому что больше не могла найти слов, и почувствовала себя совершенно несчастной.

Госпожа Пруст, как могла, постаралась принять сочувственный вид:

— Ты не первая ведьма, у кого случилась такая беда, моя милая. И не последняя.

На глаза Тиффани навернулись слёзы.

— Ну почему всё так сложно? Часть меня хочет быть с Престоном — а уж как мои родные обрадовались бы! — и в то же время я хочу быть ведьмой. И у меня хорошо получается ею быть. Знаю, так нельзя, но я сравниваю себя с другими ведьмами и вижу, что в ремесле я намного лучше их. Я не могу бросить своё дело. — Слеза готова была скатиться по щеке. — А Престон не может бросить своё, — печально закончила Тиффани.

— Я тебя прекрасно понимаю, — сказала госпожа Пруст. — Но так оно обстоит сегодня. А завтра наступит новый день, и всё может измениться. В жизни всё постоянно меняется, особенно для тех, кто молод. Ты хочешь одного, он — другого. Просто делай своё дело и радуйся жизни. Вы ведь оба так молоды, вы можете выбирать своё будущее. Вон как мой Дерек.

— В том-то и загвоздка, — сказала Тиффани. — Не нужно мне ничего выбирать. Я знаю, чем хочу заниматься. Я люблю свою работу, правда. — На последнем слове горло у неё опять перехватило. — Я только хочу, чтобы Престон был со мной. А не здесь, в городе.

— Но ты же сказала, он учится на врача, — заметила госпожа Пруст. — И любит свою работу. А ты же не хочешь, чтобы он бросил работу ради тебя, верно? Вот и не переживай попусту. Помни, что тебе повезло, и не беги впереди паровоза. Или, как говорится, не пытайся вычерпать реку решетом. Хотя вычерпать решетом Анк не так-то трудно¹, — хихикнула она. И уже более утешительным тоном добавила: — Может, через год-другой твой друг начнёт лечить людей в твоих краях, и всё сложится. У меня вот с господином Прустом сложилось. Возможно, и у вас с Престоном всё ещё впереди.

— Когда я хожу по домам, — тихо проговорила Тиффани, — я волей-неволей вижу, как живут некоторые семьи. Они на самом деле не... — Она не договорила.

— Но и счастливые браки бывают, — возразила госпожа Пруст. — Вспомни хоть своих родителей. Разве они не счастливы вместе? А теперь послушайка совета тёти Евники: ступай и поболтай немного со своим дружком. — Она помолчала, а потом спросила многозначительно: — Он ведь не завёл себе кого-то ещё, а?

¹ В пределах Анк-Морпорка густую грязную жижу реки Анк трудно назвать водой. Хотя выше по течению, в Ланкре, это вполне приличная река.

— Нет, — сказала Тиффани. — Он работает с Игорями¹, а девицы Игорины, как он писал мне, его совсем не привлекают. Престону нравится, когда девушка каждый день выглядит более или менее одинаково. А Игорины любят экспериментировать.

Джеффри с Дерекком вернулись поздно, распевая песню, которую одобрила бы разве что нянюшка Ягг. Но Тиффани отлично выспалась (редкое счастье!), а утром госпожа Пруст, добрая душа, накормила её яичницей с ветчиной. Джеффри и Дерек ещё дрыхли без задних ног, а Тиффани решила повидать Престона. Слова госпожи Пруст не давали ей покоя.

У дверей больницы леди Сибиллы на улице Гусиных Ворот она застыла в нерешительности. Тиффани не предупредила Престона, что придёт. Будут ей здесь рады или...

Больница была бесплатная, так что от дверей тянулась длинная очередь тех, кто надеялся повидаться с врачом до того, как явится Костлявый со своей косой. Никакого продвижения очереди долго не наблюдалось, и Тиффани сделала то, чего делать, конечно, не стоило.

Она покинула своё тело, оставив его стоять столбом у дверей. Для ведьмы в этом нет ничего сложно-

¹ Игори — потомственные слуги из Убервальда, обычно работают лекарями или помощниками безумных учёных и считают, что если человека вовремя заштопать, можно избежать серьёзных проблем в будущем. Игори имеют обыкновение обмениваться частями тел, зачастую с собственными родственниками, так что если про Игоря говорят: «У него дядюшкин нос», то так оно есть.

го, но дело это всё равно рискованное, а никакой серьёзной причины рисковать у Тиффани не было. Не считая... Игорин. Игорины — настоящие красавицы, если, конечно, не обращать внимания на швы в самых неожиданных местах.

Стараясь не прислушиваться к доводам Здравого Смысла, Заднего Ума и даже Дальнего Умысла, Тиффани невидимкой просочилась сквозь толпу и поплыла по больничным коридорам. Наконец она нашла Престопа.

Он был в своей стихии и внимательно изучал пациента с нехорошей дырой в животе. А когда Престон смотрел на что-нибудь, оно всегда чувствовало его взгляд и только что не вытягивалось в струнку и не отдавало честь. Особенно это относилось к запасным частям человеческих тел из закромов Игорей. Да, Игорей в помещении и впрямь было много, попадались среди них и девушки. Но Престон, к счастью, не обращал на них никакого внимания.

Тиффани перевела дух и наконец прислушалась к наставлениям Заднего Ума, который настойчиво отчитывал её за эту выходку, причём, что особенно неприятно, делал это в манере матушки Ветровоск. Всё так же тихо и незаметно она вернулась в своё тело. Тело слегка покачнулось, когда она вернула себе власть над ним, но никто не обратил внимания.

Очередь за это время сдвинулась всего на несколько дюймов, но благодаря магии остроконечной шляпы Тиффани беспрепятственно прошла вперёд, и привратник тут же впустил её. Он кинулся было объяснять, как пройти к Престону, но Тиффани только отмахну-

лась и уверенно зашагала в нужном направлении. За спиной у неё привратник бормотал:

— Ну надо же, а я ведь даже не сказал, где его искать. Вот это ведьма так ведьма!

Он-то знал, что в этой больнице запросто можно, уверенно шагая в нужном направлении, очутиться в подвале, где с недавних пор царили гоблины — поддерживали работу огромных нагревательных котлов и изготавливали в мастерской самые изощрённые хирургические инструменты. Однако большинство людей рано или поздно выбирались из больницы, и чем дальше — тем больше их становилось.

Престон очень обрадовался, увидев Тиффани.

— Я слышал о матушке Ветровоск, — сказал он. — Так ты теперь главная ведьма? Поздравляю. Ты этого заслуживаешь. И как, ты можешь указывать другим ведьмам, что делать?

— Нет, конечно! — рассмеялась Тиффани. — Это всё равно что гоблинов пасти. Нет, с гоблинами было бы даже легче! А у нас устроено так: я не указываю остальным, что делать, а они не мешают мне работать в поте лица — всё как я люблю.

— Ну, прямо как у меня с Игорями, — заметил Престон. — Но есть и хорошая новость: доктор Газон стареет, поэтому он повысил меня до хирурга. Обычно только Игори становятся хирургами, так что это немало значит.

Тиффани поцеловала его:

— Отличная новость! Я так горжусь тобой! Жаль только, что доктор Газон так редко отпускает тебя

с работы, чтобы ты мог навестить меня. Письма — это всё-таки не совсем то. — Она запнулась. — Хотя мне ужасно нравится, как ты пишешь.

— И я люблю читать твои письма, — сказал Престон. — Я и сам хотел бы чаще бывать дома. Но мне правда ужасно нравится моя работа, Тиффани. И я нужен здесь. Каждый день. У меня дар к этому делу, и было бы преступлением его не использовать.

— Да, я знаю, — вздохнула Тиффани. — Со мной точно та же история. Когда многое умеешь, оказываешься в плену у собственных умений.

Она вдруг поняла, что каждый из них успел научиться видеть людей насквозь. Только Престон видел каждую косточку в человеке, знал эти косточки по именам, а с некоторыми даже водил дружбу, а Тиффани могла заглянуть в чужую голову и узнать, что там творится.

— Но я не могу заниматься чем-то другим, — с лёгкой грустью добавила она.

— Да. Я тоже, — отозвался Престон.

А потом время разговоров вышло, и Тиффани с Престоном остались одни, радуясь случаю хоть немного побыть вместе. Они молчали, и их взгляды говорили куда больше, чем могли бы передать слова.

Это была магия. Другая магия.

Госпожа Пруст отправилась с Тиффани и Джеффри забирать метлу из ремонта: метла матушки Ветровоск была настоящей легендой, и старой городской ведьме хотелось посмотреть, удалось ли гномам привести её в порядок.

— Ну, вот она, можете забирать, — сказал Дейв, поздоровавшись. — Метла-то сама по себе хорошая. Похоже, матушка Ветровоск совсем о ней не заботилась, сколько бы мы эту метлу ни чинили.

— Она её только ругала на все лады, — хмуро добавил Шракер.

Было ясно, что для него метла — всё равно что живое существо.

Помело сверкало. Оно лоснилось. Оно выглядело почти что живым, и прутья его больше не торчали во все стороны, а аккуратно прилегали друг к другу. Однако это была всё та же старая метла матушки Ветровоск — если не считать новых прутьев и ручки¹. Тиффани и Джеффри восхищённо разглядывали метлу, а гномы с улыбкой смотрели на них.

— Лучшей метлы вы не сыщете. Она ж новенькая — в смысле, как новенькая, — сказал Шракер. — Только вы уж берегите её и не забывайте смазывать. Для госпожи Болен — только лучшее! — И он горделиво выпрямился, благо теперь снова мог вытянуться во весь свой гномий рост, составлявший аж четыре фута.

Госпожа Пруст погладила ручку и сказала:

— Превосходная метла. Глядите-ка, тут даже подстаканник есть! Можешь пить что-нибудь прямо в дороге!

Шракер как-то странно посмотрел на неё и сказал:

¹ То есть фактически новая метла. Но не новее, чем прославленный топор гномьих Горных королей, которому уже девятьсот лет.

— У нас есть ещё один небольшой подарок от фирмы. Специально для гостей, которые не доставляют проблем. — Тут он выразительно покосился на Тиффани. — Только сегодня.

И гном с гордостью вручил Джеффри пару белых меховых кубиков, связанных шнурком. На каждой грани красовалось от одной до шести точек.

— Можешь подвесить их к ручке, — пояснил Шракер. — Молодые люди обычно вешают их в своих экипажах. Ещё сейчас модно здоровенные клетки с птицами в каретах возить. Называется «музыкальный центнер».

Джеффри передёрнуло. Его сердце обливалось кровью при одной мысли о птицах, заточённых в клетки. Но метла, метла... Он не мог дожидаться первого полёта на ней.

— Давай, парень, — сказал Дейв, заметив его нетерпение. — Ты ведь хочешь полетать, почувствовать, как она тебе подходит? Мы, гномы, называем это «тест дров». Отойди только из-под арок — и вперёд.

Тиффани хотела возразить, но осеклась, увидев, как просиял юноша.

— Хорошо, Джеффри, — сказала она. — Ты летал со мной и видел, как летают другие. Теперь попробуй сам. Не спеши, набирай высоту постепенно...

Но её уже никто не слушал. Джеффри оседлал метлу, отбежал за соседнюю арку, оттолкнулся от земли — и устремился ввысь с головокружительной быстротой. С не меньшей быстротой перед внутренним взором Тиффани промелькнули картины одна дру-

гой ужасней. Что-то гроыхнуло в отдалении, потом в небесах появилась тёмная точка, она росла, росла и превратилась в Джеффри — довольного до невозможности, с ухмылкой от уха до уха.

Тиффани едва сдержалась, чтоб не завизжать:

— Вы только посмотрите, госпожа Пруст! Он уже освоился. А я целую вечность летать училась.

— Ничего удивительного, — хмыкнула старая ведьма. — Техника — она того, не стоит на месте.

А Шракер присвистнул, увидев, как Джеффри заложил мёртвую петлю у самой земли и прыгнул с метлы, оставив её парить над мостовой:

— Ну ничего себе! Да он прирождённый летун! Так даже гоблины не могут.

— Как тебе это удаётся? — спросила Тиффани с неподдельным восхищением.

— Не знаю, — сказал Джеффри. — Наверное, у меня природный дар.

А Тиффани подумала: когда Джеффри спокоен, он излучает безмятежность. Должно быть, это означает, что он видит и понимает больше, чем другие. А значит, он открыт всему новому. Да, это, безусловно, дар.

Помахав на прощанье гномам и госпоже Пруст, Тиффани и Джеффри оседлали мётлы и отправились в обратный путь в горы. Джеффри, мгновенно освоившись с метлой, сразу умчался вперёд, и Тиффани нагнала его только над окраинами Анк-Морпорка: он развлекался, взлетая ввысь и пикируя вниз на полной скорости.

— Ты знаешь, что на тебе штаны горят? — со смехом спросила Тиффани.

Джеффри кинулся тушить тлеющую одежду, и его метла нелепо заплясала в воздухе.

— Только не говорите об этом нянюшке, хорошо? — попросил он. — А то она меня до смерти засмеёт.

Но когда они прилетели в Ланкр, Тиффани, прежде чем вернуться в холмы, конечно же, рассказала всё нянюшке Ягг. И старая ведьма и впрямь расхохоталась.

— Как всё-таки странно, — заметила Тиффани. — Он будто всегда умел летать.

— Ха! — сказала нянюшка. — У каждого мужика в доме есть метла, но мало кто из них умеет ею пользоваться!

Глава 12

ЭЛЬФ СРЕДИ ФИГЛЕЙ

Сверкала молния, грохотал гром. Лил дождь, и вода была повсюду, ручьями стекала по склонам холмов.

По плечам Королевы бежала кровь — там, где ей оторвали крылья. Когда её вышвырнули прочь из Волшебной страны, она закричала. Крик её зажил собственной жизнью, полетел над холмами и ухнул в пруд, вспугнув охотящегося горностаю.

И Тиффани Болен проснулась. За окном было темно, сердце бешено колотилось, холодно было до дрожи. Тиффани посмотрела в окно: что её разбудило? Где она нужна?

Она села на кровати и устало потянулась за одеждой.

В пещере Нак-мак-Фиглей высоко в холмах царил обычная кутерьма и гремели песни. Жилище Фиглей во многом напоминает улей, только мёда в нём не сы-

щешь, зато мечи пикстов будут пострашнее пчелиных жал. Но если находится повод для праздника — а Фигли повод всегда найдут, — то весь подземный дом гуляет на полную катушку и веселье не утихает очень долго.

Однако вскоре после полуночи пирушку прервало появление Громазда Йана — он стоял на часах снаружи¹ и ворвался в пещеру, весь мокрый от проливного дождя, бушевавшего над холмами.

Громазд Йан без церемоний пнул шлем вождя, Большого Человека клана, и заорал:

— Эльфы поблизь! Нюхом чую!

И тут же из всех щелей хлынули сотни Фиглей, готовых сразиться с заклятым врагом. Они потрясали клейморами и мечами и вопили боевые кличи:

— Ах, тудыть твои траккансы!

— Нак-мак-Фигли не сдаются!

— Лесом топсай, морок шмякнутый!

— Ща кыкс наподдам!

— Долой королька! Долой кральку! Нас ужо не окрутнёшь!

Что-что, а стоять на ушах Фигли умеют: каждый стремился первым ринуться в битву, поэтому они толкались и пихались, путались друг у друга под ногами,

¹ Барон отдал Нак-мак-Фиглям их землю и поклялся, что никто не приблизится к ним ни с лопатой, ни с киркой, ни с каким-либо другим острым металлическим инструментом страшнее ножа. Но Фигли сами были отъявленные лжецы, поэтому никому не доверяли и сторожили свои владения, держа наготове ноги, головы и кулаки, чтобы накидать люлей любому вуну, который объявится.

и каждый маленький воин орал свой боевой клич, причём был готов отстаивать его в драке как собственную собственность.

— Скока эльфей? — спросил Явор Заяadlo, поддёргивая поправить спог.

Повисла пауза.

— Один, — наконец признался Громазд Йан.

— Зуб дашь? — переспросил Явор.

Его сыновья и братья уже ринулись к выходу из пещеры, огибая вождя. Ай-ай-ай, как неловко вышло. Весь клан, в порыве геройства и пьяном угаре, рванул навстречу врагу, а врага, считай, и нет. Конечно, у них давно кулаки чесались, но у Фиглей вечно что-нибудь да чешется, особенно в области спога.

Многочисленные пиксты высыпали на мокрые склоны, разыскивая противника. Громазд Йан тем временем повёл Явора к пруду на вершине холма. Буря уже прошла, и поверхность пруда маслянисто блестела в свете звёзд. Там-то, наполовину в воде, и лежал изувеченный, стонущий эльф.

Других эльфов и впрямь поблизости не наблюдалось. Фигли озадаченно молчали, но их мысли, казалось, можно было услышать: всего один эльф? Фиглей хлебом не корми, дай подраться с эльфами, но... один-одинёшенек? Да как такое может быть?!

— Ах, раскудрить, давно ж нам не приходило хорошенько подражаться, — пожаловался Явор Заяadlo и ненадолго сделался очень мрачным и серьёзным — для Фигля, разумеется.

— Ах-ха, но хде один эльф, там их завсехда и домалакучи, — пробормотал Громазд Йан.

Явор принялся. Эльф лежал и не шевелился

— Нае, друженных эльфей тута нет. Мы б учуяли. — Большой Человек наконец решил, что делать. — Тыкс, Громазд Йан и Мал-да-удал Штырь — а ну, хват этую чучундру! Ежли рыпнется, сами с усами, кыкс быть. Ой-как-мал Билли Мордаст! — Явор обратился к гоннаглу клана как к самому надёжному посланнику — остальные могли ещё больше перевернуть его слова. — Поспешай к кельде, сказани ей, что приключнулось. И что мы с собой к кургану волокём.

Потом он заорал так, чтобы его слышали все остальные:

— Этот вот эльф у нас за пленного! Позаложник, о как! Знатца, его низзя укокошивать, пока я не разрешу!

Многие недовольно заворчали в ответ, но Явор Заядло будто не слышал:

— А ну кыкс, ступайте к валунякам да постерегите там! И ежли кака-сяка армия эльфей попрёт, покажите им, на что Фигли способные!

— Я способный на губной гармохе сыгрануть! — вызвался Туп Вулли.

Явор Заядло вздохнул:

— Ну, сыграни. Ежли уж мне от твоих мюзык чуть карачун не пришёл, то эльфей наверняк сдует.

Когда они вернулись к кургану — но не в него, внутри кургана Нак-мак-Фиглей ни один эльф долго не продержится, — кельда оглядела пленника и подняла глаза на мужа:

— Всего единый эльф? С единым-то и юн Фигль на раз-два суправится. А этот вон пораненный, крылсы оба-два оборваны. Это наши парни его так?

— То не мы, Джинни, — ответил Явор. — Громазд Йан grit, оно с небей сплюхнулось прям в пруд, что возле каменюк-то. И уже такое всё перемятое было. — Джинни хмурилась, и он добавил: — Мы ж воины, не мясорубы какие. Ребя, ясно дело, рвутся в бой, да и мой меч зазвенит, стоит мне эльфей завидеть, но нет чести рубать эльфа, когда он трусится весь, как ушкана хвост.

— Добро ты гришь, Явор, — отозвалась кельда, внимательно оглядев пленное существо, которое по-прежнему лежало без сознания. — Но почему других эльфей не видать? Ты не обшибся, зуб дашь, нету их?

Тут эльф шевельнулся и тихо застонал. Меч мгновенно оказался в руке Явора, но Джинни мягко оставила мужа.

Чуть живое, покрытое грязью создание застонало снова и что-то прошептало — почти не слышно, запинаясь. Кельда вслушалась и с удивлением повернулась к Большому Человеку:

— «Гром и Молния», вот что оно сказануло!

Губы эльфа снова зашевелились, и на этот раз уже и Явор смог разобрать слова:

— Гром и Молния...

Все в Меловых холмах знали, что Громом и Молнией звали знаменитых овчарок матушки Болен. Фермеры верили, что призраки их до сих пор рыщут по округе. Несколько лет назад Тиффани Болен призвала их на помощь, чтобы изгнать Королеву эльфов с

Меловых холмов. И вот какой-то эльф у самого входа в жилище Нак-мак-Фиглей осмеливается произносить их имена...

— Ох, чтой-то мне оно не ндра, — сказала кельда. — Но тут нужна наша мала громазда карга, без неё не порешить. Могёшь кого послать за ней, Явор?

— Ах-ха, Хэмиш летнёт до неё. А мне надоть к камням и клану возвернуться. — Он с тревогой посмотрел на жену. — Эта чучудра ничё те не сделает, агась?

— Ах-ха, я заволоку её внутрей, пусть обсохнет. Ничо она мне не сделает, вон какая хиливая вся. А коль рыпнется, мальчонки наши суправятся. — Джинни кивнула на банду юных Фиглей, которые вываливались из норы, размахивая своими изогнутыми дубинками.

— Ото ж, бу им хорошенный урок в деле, ежли что.

Явор с гордостью оглядел своих сыновей — и быстро пригнулся, потому что один из мальчишек, слишком рьяно размахивавший дубинкой, выпустил её из рук. Будь Явор не таким проворным, стариковский ноготь, крутясь в воздухе, угодил бы ему прямо в ухо.

К его удивлению, вращающаяся дубинка отлетела подальше, а потом вдруг развернулась и помчалась обратно. Не успели они и глазом моргнуть, как ноготь крепко треснул по лбу того, кто его бросил, тем самым избавив Явора от необходимости выдавать проказнику отцовского шлепка.

— Ого, ребя! — заорал довольный папаша. — Да они сдачей выдают! Вот это дубень! Самое то, что Фиглю надо! Оно ж так вдвое веселей!

Тиффани как раз начала одеваться, когда за окном раздался свист, потом что-то упало с неба, ломая ветки, и глухо ударилось о землю. Чуть погодя кто-то постучал в стекло.

Открыв окно, она увидела внизу тряпичный комок, из-под которого, пинками сбросив с себя ткань, вскоре показался летун Хэмиш¹.

Снаружи в спальню хлынул холодный ночной воздух, Тиффани поёжилась и сказала:

— Хорошо, Хэмиш. Говори, зачем я понадобилась.

Фигль поправил выпуклые лётные очки и запрыгнул на подоконник, а с него — в комнату.

— Нашая кельда велела привести тебя к кургансу, карга холмов. Быр-быро.

У Тиффани накануне выдался долгий день, но она понимала: если уж кельда хочет её видеть, пусть даже после полуночи, надо идти. Так что она надела особо тёплые лётные панталоны, поставила у очага блюдо с молоком, раскочегарила метлу...

И наткнулась на пристальный кошачий взгляд — Эй, похоже, теперь была повсюду.

Очаг в пещере жарко пылал.

Юные Фигли, оставленные охранять кельду, сверлили врага злобными взглядами. Когда Явор Заядло вернулся домой, каждый из его сыновей напустил на себя такой вид, будто это только его усилиями про-

¹ Хэмиш летал не сам по себе, а на спине своего дрессированного канюка по кличке Мораг. В искусстве полётов Хэмишу не было равных. Другое дело — искусство мягких посадок.

клятый эльф лежит смирно и не рыпается. Тем более что эльфа пришлось затащить аж в пещеру.

Но по щекам пленного существа текли слёзы. Неужели эльф плачет?

Кельда уселась поудобнее и мягко спросила:

— Ну ж, эльфь, ты заявила ко мне. Чего ты хошь? С чего бы нам не прибить тебя прям щас?

Услышав это, юные Фигли оживились и принялись шушукаться: каждый мечтал собственноручно убить эльфа, и чем раньше — тем лучше. Пленница испуганно задрожала.

Кельда отвернулась от неё и тихо проговорила:

— Мне ведомы таинства, и я вижу: всё, что мы делаем нынче, предопределено ещё в те времена, когда морей и то не было. Назад не возвратиться. Но то, что попереди, топнет в тумане. Я не вижу дале этого дня.

Эльфийка содрогнулась.

— Не молчи, эльфь, — словно бы задумчиво сказала кельда. — Ведь ежели б мы местами обменялись, каково бы мне было, а? Уж больно вы, эльфы... изобретательные.

Юные Фигли немедленно принялись воинственно поигрывать своим оружием. Кельда снова повернулась к пленнице:

— Это твой зов к Грому и Молнии привелнул тебя ко мне. Я знаю тех собак из мира духсов, и их хозяйка вскорях будет тут. А теперь гри, что на тебе за гюйс, эльфь дрожащая? С чего ты здесь? Кто ты така есть? Как твоё имя? И не лжи мне, эльфь. Я умею лжи провидеть.

Кельда оглядела пленницу — маленькое, съёжившееся существо в лохмотьях, покрытое коркой застывшей крови. Должно быть, этого эльфа несколько дней избивали, прежде чем бросить умирать в пруду.

— Я не могу ни о чём просить тебя, кельда. Ты вольна поступить со мной в своё удовольствие или обрушить на меня свой гнев, — проговорила эльфийка очень-очень тихо. — Но я — та, кто до последнего времени была Королевой эльфов.

Фигли перестали теревить дубинки и придвинулись ближе. Неужели вот этот тщедушный ушканчик и есть та могучая Королева, о которой им столько рассказывал Большой Человек? Мал Дагги Носач наклонился и храбро потыкал пленницу пальцем. Это выглядело бы куда более геройски, но, на беду, шлем из кроличьего черепа в самый ответственный момент сполз ему на глаза да так и застрял, зацепившись за нос.

— А ну кыкс брысь, все! — прикрикнула кельда, для убедительности постучав кулаком по шлему Дагги и развернув отпрыска прочь от пленницы.

Она снова посмотрела на Королеву и сухо сказала:

— Тадыть тебе крепко не сvezло, твоё величество. И кто вас зна, мож, королев у эльфей домалакучи. Которая нам досталась, а? Я хочу знать твоё имя. И смотри не лжи, а то, если не своё имя сказанёшь, узнаешь, почём фунт лиха.

— Меня зовут Белладонна, кельда.

Джинни молча покосилась на мужа, и в глазах её читался вопрос: «Хто же перед нами? Неужли настоящая Кралька?» Она знала: хоть вождей у эльфов было

много, у них с начала времён был только один Король и одна Королева. Король много лет назад оставил Королеву и удалился в свой собственный мирок, который создал, чтобы вдоволь предаваться там удовольствиям. А у Королевы действительно было имя, пусть о нём и редко вспоминали. Фигли знали её имя ещё с тех пор, как жили в Волшебной стране. Оно передавалось от кельды к кельде. И да, имя это было Белладонна.

— Мы — Нак-мак-Фигли, мы королевам не поклоняемся, — тихо проговорила кельда.

Явор Заядло молчал, но скрежет его меча о точильный камень звучал боевым гимном, обещанием гибели. Потом Большой Человек поднял глаза, и во взгляде его не было страха.

— Мы — Нак-мак-Фигли! Мал-мал свободен народ! Долой королька! Долой кральку! Долой господавов! Нас уже не окрутнёшь! — прогремел он. — Мой меч, эльфь, жаждёт твоей кровищи!

За спиной у него раздался шорох, и в пещеру протиснулась Тиффани, за ней вошёл Хэмиш, а следом хлынули остальные члены клана.

— А, карга холмов, отрадостно тебя видеть, — приветствовала её кельда. — У нас тут, вишь, эльф объявился. Как по-твоему, что нам делать с ним?

При слове «эльф» каждый меч в пещере воинственно загудел.

Тиффани посмотрела на пленное существо — всё израненное, чуть живое.

— Мы не из тех, кто убивает безоружных, — сказала она.

Явор Заяadlo вскинул руку, привлекая её внимание:

— Прощевай, хозяйка, но кой-кто из нас — как раз из тех, которые да.

Тиффани такого не ожидала. «Ну, я ведь их мала громазда карга, — подумала она. — И кельда попросила меня о помощи...» И тут она наконец узнала в изувеченной пленнице свою давнюю знакомую. Разве она могла такое забыть?

— Я тебя знаю, эльф. Я же велела тебе никогда больше не приходить в мой мир. — Тиффани нахмурилась. — Или ты забыла? Ты тогда была великой эльфийской королевой, а я — маленькой девочкой. Я призвала Грома и Молнию, и мы прогнали тебя прочь.

Она говорила, не спуская глаз с лица пленницы. Бывшая Королева побледнела как снег.

— Да, — пролепетала она. — Мы порой приходили в ваш мир как грабители и убийцы, но то было до того, как... настало время железа.

Лицо эльфийки перекошилось от страха, и Тиффани почувствовала, как неуловимо изменилось что-то в мире: она стояла на распутье, и от её выбора зависело очень многое. Вот оно — то, что она предчувствовала, то, о чём предупреждала Джинни. Ведьмы стерегут границы между светом и тьмой, добром и злом, и сами они всегда живут на этой грани, постоянно, каждый день делают выбор, решают, что правильно, а что нет. Это делает человека человеком. Но что делает эльфа эльфом — вот вопрос.

— Я слышала, гоблины верят, будто у парового двигателя есть душа, — мягко сказала Тиффани. —

Скажи мне, эльф, какая душа у тебя? Может, ты тоже летишь по своим эльфийским рельсам, не в силах свернуть на другой путь? — Она посмотрела на кельду. — Матушка Болен учила меня: накорми голодного, одень раздетого, помоги несчастному. Что ж, эта эльфийка пришла в мои луга — голодная, раздетая и несчастная. Ты понимаешь меня?

Кельда вскинула бровь:

— Она ж эльфь! Ей нет дела до тебя! Ей нет дела ни до кого! Даж ни до прочих эльфьёв!

— Думаешь, не бывает на свете хороших эльфов?

— А ты неужто думаешь, они есть?

— Нет, я так не думаю, — сказала Тиффани. — Но предполагаю, что один эльф может стать хорошим. — Она повернулась к эльфийке: — Ты больше не королева. Как твоё имя?

— Белладонна, госпожа.

— Ах-ха. Ядовита красавка, — заметила кельда.

— Это просто слово, — резко сказала Тиффани.

— Это твоё «просто слово» хтой-то выпинал так, будто её жизнь ломатого гроша не стоит. А ядовита красавка молит к тебе, которую сама когда-то извести хотела, — напомнила кельда. — Ах-ха, обошлись с ней без милости, но она явилась не куда-нить, а в твой удел просить укрывалища. — Её глаза многозначительно блеснули. — Как поступишь, Тиффан? Выбор за тобой. Тебе тут решать. Эта эльфь чуть не убила тебя, а ты хошь ей подмогнуть. — Кельда помрачнела ещё больше. — Волшебенному народу веры нет, уж кому, как не Нак-мак-Фиглям, это знать! Но ты и самому Зимовею окорот дала. Кралька-то что,

её бояться нечего, но следом за ней могёт война прийти...

Тиффани склонилась над эльфийкой — жалкой, трясущейся, сжавшейся в комочек. Глядя ей прямо в глаза, ведьма сказала:

— Когда мы встретились в прошлый раз, Белладонна, я была маленькой девочкой и почти ничего не понимала в магии. Сейчас я понимаю в ней намного, намного больше! — Она придвинулась ещё ближе. — Я — та, кто продолжает дело матушки Ветровоск, а ваше племя не зря боялось одного её имени. И теперь жизнь эльфов зависит от тебя. Попробуешь меня подвести — я отдам тебя Нак-мак-Фиглям. Они к эльфам любви уж точно не питают. — Поймав взгляд Джинни, Тиффани спросила: — Так будет хорошо, кельда?

— Ну лады, — отозвалась та. — Ктой-то ж должен отпробовать первую улитку.

— Да, — сказала Тиффани. — С гоблинами тоже обращались так, будто их жизнь вовсе ничего не стоит, пока кто-то не дал себе труд задуматься о них. Обращайтесь с госпожой Белладонной хорошо, но если она не станет соблюдать правила, то даю вам слово — а словесо карги холмов, оно тако, что не кот нашмыргал, — больше я её защищать не стану.

Фигли по-прежнему разглядывали Белладонну с неприкрытой ненавистью — Тиффани казалось, сам воздух между ними и бывшей Королевой звенит от взаимной злобы.

— Ты знаешь, эльф, — сказал Явор Заяadlo, — вашенским нас больше не окруtnуть. И только за-ради госпожи Болен мы оставим тебе жисть. Но помятуй,

эльфы! Карга холмов мал-мал злюкается, ежели мы кого убиваем. Но ежели вдруг её тут не станет, твоя кровинка потекёт сызнова.

Прочие Фигли поддержали Большого Человека грозным рёвом — было ясно, что, будь их воля, они уже порвали бы Белладонну в клочья.

Явор Заядло ударил мечом плашмя по земле:

— Вы слышали, что сказанула мал-мал громазда карга, чучундры! Эй, эт' я вам грю, Мал Тыч, Мал Слогам, Мал Плесняк и Мал Выжми Джимми! Карга замирилась со старой Кралькой, потому что верит, что вы, угрязки, сможете сделать, чтоб Кралька стала мал-мал хороша.

Громазд Йан робко кашлянул и сказал:

— Я не то чтоб поперёк карги хочу идтить, да токо хорош эльф — кирдыкнут эльф.

— Напрасно ты так, брат. Я гоннагл, и я грю: за-всегда надыть оставить место хорошестьи и добрости, как то поётся в «Балладе о Тронуте Джонни», — возразил Ой-как-мал Билли Мордаст, единственный образованный Фигль.

— Эт' не тот шибздирь, который недедлю простоял, не обронив напёрсток с носу, а потом у него ишшо сладок голос стал? — спросил Туп Вулли.

— Нет, тупитл.

— Да чё вы завелись-то? Неча тута препиракаться. Стоит токо этой эльфи кого тронуть, как ей кирдыкс. Вот и поэрим, хто был правый, — вмешался Мал-да-удал Штырь.

— А ну кыкс, — прикрикнул Большой Человек. — Как сказанула карга, так и буде.

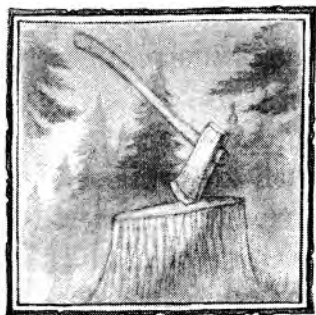
— Я тебе ещё вот что скажу, Явор Заяadlo, — добавила Тиффани. — Я заберу Белладонну с собой. Я знаю, что вы последуете за нами. И мне как раз нужна будет помощь одного-двух Фиглей, чтобы присматривали за ней, когда меня не будет. Чокнутый Крошка Артур, ты служил в Страже, поэтому я хочу, чтобы ты пошёл с нами. — Она оглядела толпу пикстов. — И ты тоже, Громазд Йан. И смотрите, чтобы эта мелкая эльфийка вас не перехитрила, но и не оказалась лучше вас. Помните оба: она — наша пленница. А с пленниками надо обращаться хорошо. Чокнутый Крошка Артур, ты ведь констебль, а значит, тебе известно: люди не падают в колодцы, если только кто-то им не поможет. Подумай об этом. Вообще говоря, люди и с лестницы не падают без посторонней помощи. Чтоб никаких мне: «Ах, мы отпустили её мал-мал погулять в луга, и её зашиб бешеный горноста́й!» или «Пятнадцать Фиглей пытались её арестовать, а она оказала сопротивление, вот и пришлось её убить!». Никаких пчелиных роёв, которые зажалят её до смерти. Никаких больших-пребольших птиц, которые налетят из ниоткуда и сбросят её в омут. Никакого сильного-пресильного ветра, уносящего всё подряд в неведомые края. Никакого «Ах, она упала в кроличью нору, и с тех пор её никто не видел!». — Тиффани строго оглядела Фиглей. — Я — карга, и если что случится, я буду знать, как оно случилось. И тогда я вам... попомню. Вы меня поняли?

— Ой-ёи-ёи, она нам попомнит! — плаксиво взвыл Туп Вулли.

Остальные Фигли смущённо заёрзали, пересматривая свои хитроумные планы. Громазд Йан задумчиво поковырялся в носу, рассмотрел находку и сунул её в спог, чтобы тщательно изучить на досуге.

— Ладно, значит, решено, — сказала Тиффани. — Но если эльфы явятся на мою землю творить зло, соглашению конец, господа.

Глава 13

ШАЛОСТИ И НЕ ТОЛЬКО

Эльфы любят творить зло. Когда они приходят, они приходят тайно и охотятся. В мире начинают случаться вещи, которые раньше не случались. И поначалу это просто почти безобидные шалости.

Так, что-то неладное стало происходить с пивом в погребах «Баронского герба». Джон Кинзли уж и чистил краны, и менял их, и бочки тоже, а всё равно в пиве упорно плавал осадок и всякая вонючая пакость. Трактирщик от горя рвал на себе волосы, которых у него и без того осталось немного.

А потом кто-то из посетителей однажды сказал:

— Эльфы, видно, снова объявились. Очень уж похоже на их шуточки.

— Как по мне, так вовсе не смешно, — отозвался Томас Травоу, а Джон Кинзли чуть не разрыдался.

И как это бывает в пивных, к разговору присоединились все, и долго обсуждали эльфов, и уверяли друг

друга, что не верят в них, хотя потом, придя домой, многие позаботились повесить на дверь новую подкову.

Люди, смеясь, говорили:

— Ничего, у нас же своя ведьма имеется!

— Эхм, я не хочу никого обидеть, — возразил Джек Рухни, — да только её последнее время считай не видно. Сдаётся, она теперь больше времени в Ланкре проводит, чем у нас.

— Да брось, — сказал Джо Болен, — моя Тиффани работает за двоих. Не всякий мужик на её месте справился бы. — Он подумал и добавил, памятуя о том, что его слова вполне могут дойти до госпожи Болен через госпожу Кинзли: — Больше того, даже не всякая баба.

— А что ж тогда с пивом такое творится? — спросил кто-то.

— Нарушение условий хранения? — предположил Джек Рухни. — Не обижайся, Джон. Пиво — материя тонкая.

— Что?! — возмутился трактирщик. — Да мои краны чисты как слеза, а перед тем как бочонок смелить, я всегда руки мою!

— Тогда в чём же дело?

Кто-то должен был произнести вслух то, что все в этот момент подумали, и те самые слова прозвучали:

— Выходит, всё-таки эльфы шалят.

— Вздор, — сказал Джо Болен. — Будь оно так, моя Тиффани мигом бы с ними разобралась.

Но пиво, как ни крути, было паршивым.

А тем временем в Ланкре, глубоко в лесах Овце-пикских гор, Мартин Закусон и Фрэнк Сойер начинали тревожиться. Путь в этот медвежий угол был для них долгим и трудным, последний городок, Обалдень, они миновали много дней назад и уже несколько часов как сошли с проезжей дороги, чтобы пробираться дальше через лес. Близился вечер, и голод заставлял их поторапливаться, но карабкаться по еле заметным крутым тропам не так-то просто. Если они не найдут лагерь дровосеков до темноты, им придётся провести уже вторую ночь под открытым небом. Прошлой ночью они слышали в отдалении волчий вой. А теперь ещё и похолодало и вдобавок пошёл снег.

— Похоже, мы заблудились, Фрэнк, — с досадой сказал Мартин.

Но Фрэнк напряжённо прислушивался и теперь наконец расслышал далёкий рокот.

— Туда! — уверенно сказал он.

И в самом деле, не прошло и пяти минут, как до них донеслись голоса людей, а потом и аппетитные запахи, которые разожгли в их сердцах надежду. Вскоре в просвете между деревьями показался лагерь. Там было много больших бородатых мужчин — одни прохаживались туда-сюда, другие сидели, а один помещивал что-то в котелке, который булькал на раскалившейся едва ли не докрасна походной плитке.

Когда путники появились из-за деревьев, обитатели лагеря обернулись к ним. Один или двое схватились было за большие крепкие топоры, лежавшие под рукой, но тут же успокоились, увидев, что незванные гости — всего лишь мальчишки. Немолодой

дровосек в клетчатой куртке с отороченным мехом капюшоном подошёл к новоприбывшим. Выглядел он серьёзно — с таким не придёт в голову заговорить первым.

— Что вам здесь надо, парни? Зачем пришли? — спросил он и оглядел гостей.

Фрэнк был низкорослым, но жилистым, а куда более мускулистый Мартин жался у него за спиной, как это часто бывает с мальчишками, наделёнными крепким телосложением, но ничем больше, и впадающими в ступор, когда им задают вопрос сложнее, чем «Как тебя зовут?».

— Мы ищем работу, сэр, — ответил за двоих Фрэнк. — Меня зовут Фрэнк, а это Мартин. Мы хотим сплавлять лес.

Старый дровосек протянул огромную загрубелую ладонь и пожал им руки:

— Меня зовут Слаб, для вас — господин Слаб. На сплаве, значит, решили работать. А что вы знаете об этом ремесле?

— Немного, — признался Фрэнк. — Но мой дед работал на лесосплаве и рассказывал, что неплохая была жизнь. — Он помолчал и с надеждой добавил: — Говорят, сплавщикам хорошо платят.

Основная трудность при заготовке леса высоко в горах — как доставить срубленное к большой проезжей дороге. Волочить огромные тяжёлые брёвна через лес при помощи лошадей слишком долго и трудно. Поэтому кто-то придумал строить специальные лесосплавные каналы, — туда подводилась вода из горных рек и несла брёвна вниз, в предгорья, где их принима-

ли, складировали и переправляли в большие города на подводах, запряжённых мулами.

Идея была отличная, и вскоре после того, как заработал первый сплав, каналы стали строить повсюду. Сплавщики, приглядывающие за каналами и направляющие брёвна, жили в тесных лачугах, лепившихся у поворотов канала. Работа эта требовала немалой физической силы, ведь сплавщики должны были предотвращать заторы, когда мимо несутся тонны древесины. Но в желающих недостатка не было — молодые люди стремились поработать на сплаве хотя бы ради того, чтобы потом было чем хвастаться. Кое-кто, конечно, допускал роковую ошибку в работе и уже ничем и никому похвастаться не мог, но в каждом лагере был Игорь, так что некоторые части их тел ещё могли проявить себя. Порой можно было встретить очень пожилого, жилистого и опытного сплавщика с руками юноши — в прямом смысле.

— Мелюзге на сплаве делать нечего, — отрезал Слаб. — Это работа для настоящих мужчин. Да, я вижу, вы оба парни крепкие, но мне плевать. Крепких парней хоть лопатой гребь. А нам нужны парни крепкие на голову. На сплаве никогда не знаешь, что тебя за новым поворотом ждёт. — Он смерил их суровым взглядом. — Слышали про Джека Эббота? Молодой дровосек, живёт ниже по склону с матушкой и сестрой. Так он себе едва ногу не оттяпал неделю или около того назад. Только-только на поправку пошёл, да и то лишь благодаря одной девице с прищуром, которую ведьмы прислали ему помочь. Подумайте об этом, парни, если хотите попытаться тут

удачи. Сплав — дело куда более рискованное, чем валка деревьев.

Ребята потупились.

— А вдобавок некоторые деревья здесь, в горах, волшебные, — продолжал Слаб. — Волшебники их и заказывают. Потому-то им без нас никуда, парни: такое дерево по железной дороге перевозить нельзя, так что сплавить его вниз до складов — только полдела. Вы как, не боитесь? Магия странные штуки творит тут с людьми. — Он ткнул пальцем в заснеженные деревья вокруг. — Это вам не простые сосны, это предсказательные сосны. Им известно будущее. Разрази меня гром, если я знаю, откуда оно им известно и почему. Что толку дереву знать своё будущее? Ну знают они, когда их срубят, так ведь помешать-то не могут. И убежать тоже, ха! Но если прикоснёшься к такой сосне и понравишься ей, она покажет, что тебя ждёт. Ну как, ребятки, пыл не растеряли?

Мартин не отличался разговорчивостью, поэтому он сказал просто:

— Мне нужны деньги, начальник. И пожрать, ясное дело.

— Ну, деньги тут платят хорошие. Сможешь купить себе всё, что захочешь, и заказать, чтоб привезли прямо сюда. — Слаб достал из кармана своей клетчатой куртки весьма потрёпанную книжицу. — Вот, это каталог «Робинзона». Мы все клянёмся на нём. Чего тут только нет!

Фрэнк во все глаза уставился на обложку.

— Тут написано, что можно заказать невесту! — выпалил он в изумлении. — И её доставят поездом!

— Вот прямо сюда поезда не ходят — рядом с этими лесами железа и быть не должно. Ближайшая станция — аж в самом Обалдене, там ветка кончается. И невесты в каталоге — новинка, прям будто вас ждали, парни. Тут говорится, что можно выписать себе девушку — немало красоток мечтает о настоящих мужчинах. Выбирайте себе жену, и на то, что вы тут заработаете, она сможет жить как королева: дом с удобствами не во дворе, никаких забот, любые наряды... Вот какие деньжищи тут платят. — Он убрал каталог обратно в карман и добавил: — Женские одёжки хороши, верно? Я на днях встретил одного мужика, он сказал, что путешествует в женском белье...

— А у него с головой точно всё в порядке? — с сомнением спросил Фрэнк.

Он слышал о лагере в глуши, где дровосеки носили женскую одежду и распевали за работой о своих больших топорах, но не верил этим слухам. По крайней мере, до этого дня.

Дровосек сделал вид, будто не слышал вопроса.

— Так, Фрэнк, ты у нас парень видный, а? — Слаб снова повернулся к Фрэнку: — А с чего ты вдруг решил попытать счастья в нашем деле?

— Ну, сэр, понимаете, я гулял с одной девчонкой, но другой парень, он... это... в общем... — Он замялся и умолк.

Слаб вскинул руку:

— Можешь не продолжать. Тут у нас полно ребят, которым просто надо было убраться куда подальше. Что ж, когда у тебя заведутся деньжата, может, ты найдёшь себе что подходящее в каталоге «Робинзона».

Ладно, вы оба на вид парни достаточно крепкие. Подписывайте договор, и больше вас никто ни о чём не спросит. К делу можете приступить утром, там и посмотрим, как оно пойдёт. Если у вас хватит мозгов, неплохо заработаете. А будете валять на сплаве дурака, я отошлю эти заработки вашим мамочкам, чтобы им было на что вас хоронить.

Он поплевал на свой большой палец, и мальчишки сделали то же самое, чтобы скрепить уговор по старому обычаю, принятому у людей бывалых.

— А теперь я скажу, что вас ждёт в ближайшие полчаса, — заявил Слаб с широкой ухмылкой. — Пойдёте наверх и станете смотреть, как сгружают брёвна в канал, смотреть и учиться. Мне и предсказательная сосна для этого не нужна! — рассмеялся он и похлопал ближайший ствол.

Но едва пальцы его коснулись коры, челюсть старого дровосека отвисла, капюшон свалился с головы, а лицо окаменело от ужаса.

— Ребята... — с запинкой произнёс он, и эта запинка в устах такого большого, много повидавшего на своём веку человека была самым пугающим. — Бегите. Быстро! Бегите вниз с горы. И пяти минут не пройдёт, как нам придётся биться, и мне нужны только настоящие мужчины, которые умеют обращаться с топором. — И он бросился прочь от них в лагерь, созывая дровосеков.

Мартин и Фрэнк потрясённо переглянулись, и Фрэнк несмело коснулся пальцем того самого дерева. Перед его внутренним взором промелькнула череда картин: прекрасные яркие существа, разукрашенные

татуировками, одетые в бархат и перья, вылетели из-за деревьев. Выглядели они блистательно, но ничего блистательного не было в боли и смерти, которую они несли. Потом Мартин увидел отороченный мехом капюшон, покачивающийся в воде сплавного канала, и из капюшона на него смотрел Слаб — старый дровосек оказался так слаб, что потерял собственную голову.

Ребята бросились через лагерь мечущихся дровосеков под укрытие деревьев — заснеженный лес обещал шанс на спасение.

Но они не успели. Раздался первый пронзительный свист, и из-за деревьев выпорхнули, будто танцую, эльфы и обрушились на лагерь. Эльфы были большие и страшные; украшенные перьями бархатные камзолы делали их похожими на хищных птиц, пикирующих с сумеречных высот. Мартин и Фрэнк отшатнулись назад и остолбенели от страха.

Бой шёл несколько минут, дровосек против эльфа, эльф против дровосека, да ещё местный Игорь внёс свою лепту, подсказав:

— Трогайте фofны, чтоб волнуйте их, от этого эльфы забывают, какой теперь день, а пока они вфпоминайнен, их можно порубайтунг!

Дровосеки были не из тех, кто бежит от врага, и их топоры зарубили многих, но новые и новые эльфы врывались в лагерь, опрокидывали убогие хижинки, пинками сбивали брёвна в каналы, с хохотом проносились в вышине крон, раскачиваясь на верёвках. И было в них что-то завораживающее, что-то такое, что заставляло суровых дровосеков падать на колени, выро-

нив топор, и тихо всхлипывать, вспоминая матушку, и становиться лёгкой добычей для торжествующего волшебного народа.

— Кому говорю! — закричал Слаб, обрушив топор на эльфа, который пытался подобраться к нему со спины. — Уносите ноги, бегите к каналу! Эльфам брёвна не догнать. Прыгайте в ковш, а за меня не волнуйтесь!

Мартин поверил ему на слово, Фрэнк и так знал, что волноваться о судьбе господина Слаба и правда нет смысла. Фрэнк-то видел будущее и знал, что сам Слаб уже в порядке не будет.

Мартин первым запрыгнул в плавучий ковш, Фрэнк — за ним. Слаб потянул за рычаг, и они помчались по водяному жёлобу, змеей извивающемуся по уступам горы. Жёлоб то и дело поворачивал, и ребята едва не вываливались из кренившегося на сторону ковша. Они промокли до нитки, тонны древесины неслись впереди них, позади и рядом с ними, ковш мчался по дну глубоких ущелий, а эльфийские стрелы жужжали вокруг, словно рой кусачих насекомых. Эльфы спешили им навстречу, вверх по склонам, и Мартину с Фрэнком приходилось пригибаться, чтобы уклониться от стрел.

Головы у них шли кругом, обоих трясло от возбуждения, каждому казалось, что он чуть не умер, — но «чуть» всё меняет, и потом, наверное, им даже захочется поговорить о пережитом, хотя большинство людей если уж умирают, то уже ни о чём не говорят.

И ещё им было страшно. Так страшно, как никогда в жизни. Даже сквозь грохот брёвен и рёв воды они слышали пронзительные крики дровосеков. И рядом

с ними в воде неслись... в общем, мальчишки старались не присматриваться к тому, что там несло.

Наконец жёлоб домчал их к горе брёвен. На складе было много людей — огромных сильных мужчин, вооружённых железом. Они были злы на тех, кто испортил им древесину, поэтому собрались и отправились наверх. Оттуда донеслись смех и пронзительные крики, а потом — тишина. Эльфы ушли.

Мельник в деревушке под названием Вонь¹ был человеком набожным. Мельница — огромный, сложный механизм, множество колёс, вращающихся день и ночь в разных направлениях. Мельнику порой снилось в кошмарах (и он надеялся, что этот сон никогда не сбудется), что мельница ломается и хитроумные колёса катятся во все стороны. Но пока колёса вертелись, он жил припеваючи, ведь хлеб-то нужен всем.

Однажды ночью на мельницу заявились эльфы. Они стали забавляться с его мукой, испаривать мешки. Бросили целый муравейник в зерно, смеялись над мельником.

Напрасно они так.

¹ Казалось бы, такое название должно отпугивать. Но на самом деле эта затерянная в горах деревня одно время была очень популярным местом. Людям нравилось посылать домой открытки с текстом вроде: «Мы тут сидим по уши в Вонь». И привозить своим родным и любимым в подарок рубашки с надписями «Я был в Вонь и привёз оттуда только эту вонючую рубаху». К сожалению, с появлением — или, в случае Вонь, непоявлением — железных дорог туристы стали выбирать другие маршруты, и деревушке осталось только медленно угасать в грязи, перебиваясь в основном услугами прачечных.

Мельник взмолился Ому, но, поскольку ответа не было — или, точнее, ответ сам сложился в голове в соответствии с его желаниями, — он дал эльфам забраться в самое нутро мельницы. А потом хитроумные колёса с рокотом пришли в движение, и незванные гости оказались окружены железом. Прекрасным холодным железом, движущимся размеренно и неумолимо, как шестерёнки в часах.

А мельник запер все двери. Крики раздавались до утра. Когда друзья потом спрашивали мельника, как ему удалось разделаться с эльфами, он отвечал:

— Ну, мельницы Вони мелют медленно, но очень, очень тонко.

А в Скользяй Лощине старая мамаша Григгс проснулась со спутанными в сплошной колтун волосами. Постель её была полна колючих семян чертополоха. А юный эльф залиvisto хохотал, глядя, как молодая корова, которую он оседлал, в изнеможении падает на колени...

А в Ломте старый ворчливый торговец втокнул нагруженную тележку — его единственное средство к существованию — на рынок, распевая:

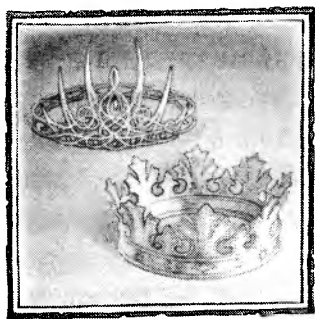
— Кушайте капусту, и будет гоблинам пусто! Налегайте на порей — эльфы сдохнут поско... Аргх!

А у подножья Овцепикских гор юная девица по имени Элси почувствовала, как чашечка цветка щекочет её под подбородком, и выпустила руку своей маленькой сестрички. Малышка побрела дальше без

присмотра и свалилась в реку, а Элси, забыв обо всём на свете, с обожанием глядела в бездонные глаза отцовского осла*. В это же время неосторожный путник забирался всё глубже в чащу, танцуя под неумолчную эльфийскую музыку, а эльфы скакали вокруг, насмехаясь над его бедой.

А Кышбо Гонимый* — бог всех маленьких пушистых созданий, обречённых стать чьей-то жертвой, — съёжился под кустом, когда трое эльфов затеяли кровавую игру с семейством кроликов.

Глава 14

ПОВЕСТЬ О ДВУХ КОРОЛЕВАХ

Тиффани принесла Белладонну, сделавшуюся очень маленькой и жалкой, на отцовскую ферму, спрятав её под плащом, и устроила на старом сеновале. Фигли остались сторожить.

— Тут чисто и тепло, — сказала Тиффани. — И никакого железа. Я буду приносить тебе еду.

Она строго посмотрела на Фиглей — вид у них был хищный. Ещё бы, эльф, один-одинёшенек, останется в их полном распоряжении. Что они могут сотворить?

— Явор, Чокнутый Крошка Артур, Громазд Йан! Я пойду принесу снадобье, чтобы промыть раны Белладонны. Не прикасайтесь к ней, пока меня не будет. Понятно? — спросила она.

— Ах-ха, хозяйка! — жизнерадостно откликнулся Явор Заядло. — Шлындрай себе, мы эту чучундру уж постережнём. — Он зыркнул на Белладонну: — А ежели ты, эльф, мал-мал рыпнешься, дык мечи при нас! —

И он погрозил ей своим клинком, так что стало ясно — Большому Человеку не терпится пустить его в ход.

Тиффани повернулась к Белладонне:

— Я — карга холмов, и Фигли меня слушаются. Но они не любят ни тебя, ни твой народ, так что лучше тебе вести себя хорошо, эльф. Или я тебе это помню.

Сказав так, она «пошлындрала» прочь, но очень-очень быстро, поскольку мало доверяла эльфийке и ещё меньше — пикстам.

Вернувшись, она обработала раны Белладонны, и с каждым прикосновением та будто расцветала, делалась красивее и красивее. В воздухе разлилось сияние, всё вокруг будто покрылось сахарной глазурью. «Я ли не прекрасна? — будто бы говорило это сияние. — Я ли не умна? Я — Королева эльфов!»

Тиффани почувствовала, как меняется её собственное самоощущение, но она была готова к этому и подумала: «Ну уж нет, меня этим не проймёшь!»

— Не смей пробовать на мне свои эльфийские штучки, мадам! — прикрикнула она.

Но эльфийская магия всё равно крадучись просачивалась в неё — так рассветные лучи тихо и поначалу почти незаметно разливаются по небосклону.

— Не суйся ко мне со своими чарами! — завопила Тиффани.

И тут ей вспомнился пастуший счёт, которому её научила матушка Болен: «Йин, тон, тетра!» Тиффани стала считать про себя, снова и снова, и напев старинных слов помог ей вернуть власть над собственным разумом.

Это помогло. Белладонна приглушила своё сияние и превратилась в обычную девушку-доярку. Она даже наколдовала себе платье доярки, хотя ни одна настоящая доярка никогда бы так не вырядилась: платье было расшито рюшечками и бантиками, а из-под подола выглядывали ножки в изящных туфельках. Когда на голове Белладонны соткалась из воздуха соломенная шляпка, Тиффани возмущённо отшатнулась: эльфийка попыталась изобразить наряд фарфоровой пастушки, которую сама Тиффани когда-то подарила бабушке. И стоило ей только вспомнить о матушке Болен, как её охватил гнев. Да как смеет эта эльфийская негодяйка вытворять такое здесь, на её, Тиффани, земле!

— Я повелеваю... — начала Белладонна, но встретилась взглядом с Тиффани и сникла. — Я хотела бы...

Деревенская простушка! «То-то же, — с торжеством подумала Тиффани. — Недолго эльфийская музыка играла». Она скрестила руки на груди и сурово посмотрела на бывшую Королеву:

— Я помогла тебе. Но мне приходится помогать и другим — тем, кому жилось бы легче, если бы не эльфийские проказы. — Тиффани недобро прищурилась. — Особенно когда твой народ творит всякие пакости — например, портит наше пиво. Да, мне это известно, эльф, я хорошо знаю тебя и знаю, что тебе нужно. Ты хочешь вернуть своё королевство, верно, Белладонна?

Фигли вострепнулись и зарычали, а Громазд Йан с надеждой предложил:

— Мож, зашвыркнем её туды взады, а?

— Ах-ха, — поддержал его Явор Заяadlo. — Надьть поизбавиться от этой мелкой вредилины.

— Знаешь, Явор, — сказала Тиффани, — а ведь многие и Фиглей считают чем-то вроде насекомых-вредителей. Извини, конечно.

Громазд Йан помолчал, а потом с расстановкой проговорил:

— Ну, мож, мы и вредилины, но мал-мал ребетёнкам Фиглей боякаться нечего.

Он вытянулся во весь свой семидюймовый рост — Громазд Йан был исключительно высоким Фиглем, и шрамы у него на лбу говорили, что ему не всегда удавалось вписаться в двери, — и навис над Белладонной со стропил.

Тиффани ничего на это не ответила и повернулась к бывшей Королеве:

— Ну так что? Ты хочешь вернуться в Волшебную страну? Говори, что решила!

Маленькое остренькое личико эльфийки на мгновение приобрело хитроватое выражение.

— Мы похожи на пчёл, — сказала она, поразмыслив. — Королева властвует надо всеми... пока не состарится. И тогда новая королева убивает её и становится главной в улье. — Тут лицо её исказилось от гнева. — Душистый Горошек! — прошипела Белладонна. — Он не верит, что этот мир изменился! Это он изгнал меня из моей страны! — Губы её презрительно изогнулись. — Как же, он ведь такой могущественный! Может портить пиво в бочках! А когда-то мы уничтожали целые миры!

— Я могу помочь тебе разобраться с твоим Душистым Горошком, — медленно проговорила Тиффани. — Я сделаю так, что ты снова станешь Королевой эльфов. Но обещай, что тогда твой народ больше не будет покидать пределы своего мира. А если вы снова придёте сюда и попытаетесь сделать людей рабами эльфов — ты узнаешь всю силу моего гнева. Может, ты думаешь, что уже видела меня в гневе, но ты ошибаешься.

Она произнесла эти слова — и мир вокруг вспыхнул огнём. Тиффани вспомнила, как в прошлый раз она противостояла Королеве.

Она была Землёй Под Волной и знала, откуда она пришла и куда лежит её путь. Больше её не проведёшь.

Пусть люди сколько угодно спят и мечтают и во сне зовут эльфов, — она, Тиффани, всегда будет на чеку. Она не заснёт. Она будет стоять на страже.

— Если ты нарушишь уговор, последним, что ты увидишь, будут Гром и Молния, — пригрозила она. — Гром и Молния будут в твоей голове, и Гром убьёт тебя. Даю тебе слово, эльф.

Лицо Белладонны исказилось от ужаса, и Тиффани убедилась, что Королева приняла угрозу всерьёз.

Утром Тиффани принесла Белладонне овсянку. Эльфийка подняла глаза, взяла из её рук миску и проговорила:

— Вчера ты могла бы убить меня. Я бы на твоём месте так и сделала. Почему ты не убила? Тебе ведь известно: я эльф, а эльфы не знают пощады.

— Да, — сказала Тиффани. — Но мы — люди, а люди её знают. А ещё я знаю, что я ведьма и должна делать своё дело.

— Ты умна, Тиффани Болен, девочка, которую я едва не убила когда-то на холме, когда Гром и Молния обрели плоть, зубы и когти и накиннулись на меня. — Белладонна выглядела озадаченной. — Теперь я стала ничтожеством, жалким и несчастным. У меня нет союзников, если не считать тебя — ты приютила меня, хотя у тебя не было на то никаких причин.

— У меня есть причина, — возразила Тиффани. — Я ведьма и подумала, что может получиться... — Она присела на молочный бидон и стала объяснять: — Ты, конечно, знаешь, что мы считаем эльфов мстительными, бессердечными, злобными, коварными, самовлюблёнными мерзкими паразитами — и это ещё очень мягко сказано. Некоторые люди, поверь, говорят далеко не так мягко, особенно те, у кого украли детей. Но всё меняется — наш мир, наше железо, твой королевский двор, твои чары. Ты знаешь, Белладонна, что в Анк-Морпорке берут гоблинов на работу и обращаются с ними как с порядочными гражданами?

— Что? — удивилась Королева. — Но вы, люди, гоблинов на дух не переносите, они же воняют! Я думала, тот гoblin, которого мы поймали, лгал!

— Может, от них и пованивает, но те, на кого гоблины работают, считают, что деньги не пахнут, — сказала Тиффани. — Пусть гoblin воняет себе сколько вздумается, главное, что он умеет чинить паровозы. А что вы, эльфы, можете нам предложить? Сейчас вы уже не больше, чем... сказки. Для вас поезд ушёл.

На вашу долю остались лишь мелкие проказы и глупые шутки.

— Мне достаточно одной мысли, чтобы убить тебя, — сказала Белладонна с коварной усмешкой.

— Ох... — Тиффани поспешно вскинула руку, останавливая Фиглей, которые уже наперегонки бросились в драку. — Надеюсь, ты не станешь пытаться. Эта мысль может стать для тебя последней.

Маленькое личико бывшей Королевы задрожало: она оказалась среди тех, кого ни капельки не понимала.

— Ой, только не плачь, — сказала Тиффани. — Не пристало плакать той, которая когда-то была — и надеется снова стать — Королевой эльфов.

— Королеве не пристало, но я больше не Королева. Я теперь жалкое ничтожество, выброшенное на помойку.

— Нет, ты не на помойке, ты на сеновале. Ты знаешь, что такое «зарабатывать себе на хлеб»?

— Нет, — растерялась Белладонна. — Что это значит?

— Это значит трудиться, чтобы прокормить себя, — объяснила Тиффани. — С лопатой обращаться умеешь?

— Не знаю. А что такое лопата?

— Ох... — снова вздохнула Тиффани. — Послушай, ты можешь остаться здесь, пока тебе не станет лучше, но тебе придётся хорошенько поработать. Ты можешь хотя бы попробовать.

Рядом с ней на пол шлёпнулся башмак. Это был старый отцовский башмак с дырой на носке. Следом

упал другой, для разнообразия продырявившийся на пятке.

— Я-то сам башмаксы терпеть ненавижу, — сказал Чокнутый Крошка Артур. — Но меня ж башмачники вырастили, и они мне про эльфий одну сказку рассказывали. Мож статья, у тебя, чувырла, к этому делу дар.

Белладонна несмело взяла башмак и повертела его в руках.

— Что это? — спросила она.

— Башмак, — сказала Тиффани.

— И будь на то моя воля, он бы те щас под зады приехал, — прорычал Громазд Йан.

Тиффани взяла башмак из рук растерянной эльфийки и отставила его в сторонку.

— Поговорим позже, Белладонна. Спасибо за совет, Чокнутый Крошка Артур. Я тоже знаю эту сказку¹, но думаю, это просто... сказка.

— А я те грил, Чокнутый Крошка Артур: мало ли чего башмачники в стельку наплетут! — заявил Явор Заяadlo.

Остаток дня был полон старых простыней и старых башмаков — тут подлатать, там починить, и оно ещё послужит. А Тиффани надо было провести малышку Тиффани и поговорить с Бекки Пардон и Нэнси Чест-

¹ Она читала её в книге «Валшебные сказки для хороших детишек». Там говорилось, что два маленьких эльфа однажды тайно помогли бедному башмачнику, но Тиффани по горькому опыту знала: в этой книге не было и слова правды о волшебном народе.

ни, она ведь собиралась взять ученицу или даже двух, чтобы помогали ей на Меловых холмах, а мисс Тик утверждала, что из этих девочек может выйти толк. Но Тиффани не могла пригласить их на ферму, пока там жила Белладонна. Разве что подарить каждой кулон в виде настоящей подковы, чтобы железо защищало их от эльфийских чар. Нет, с ученицами придётся подождать...

Тиффани весь день металась по округе, снова и снова возвращаясь на ферму. Напоследок она отправилась навестить мельника Голланда, того самого, чья жена спутала жениховский корень с клюкалкой. К нему уже вернулся нормальный цвет кожи, только кое-где остались лиловые пятна. Госпожа Голланд ясно дала понять, что это Тиффани во всём виновата: если бы её, Тиффани, не носило невесть где, она, госпожа Голланд, ничего бы не перепутала. Тиффани прикусила язык и, оставив мельничихе новую порцию зелья из жениховского корня, полетела домой.

Когда она пришла на сеновал, то увидела, что Белладонна забилась в угол и взгляд её ледяных глаз прикован к Эй. Кошкагнула спину и зло шипела на эльфийку, а Фигли науськивали её:

— Ну кыкс, кисуля, передай этой эльфи мал-мал приветс от Нак-мак-Фиглей... Раскудрыть, мал-мал громазда карга возвернулась!

Тиффани встала на пороге, сердито притопывая носком башмака. Явор Заядло в ужасе попятился.

— Ой, нае! — взвыл он. — Токо не ноготопсы, хоззяйка!

Тиффани скрестила руки на груди.

— Ох и тяжело ж оно под гюйсом быть, хозяйка! — простонал Явор.

Тиффани не выдержала и засмеялась.

Но Белладонна хотела её кое о чём спросить. Весь день она видела, как люди идут на ферму: одним было нужно лекарство, другим совет, третьим — чтобы кто-то их выслушал, а четвёртым, увы, чтобы кто-то обратил внимание на их ушибы и синяки.

— Почему ты помогаешь им? — спросила бывшая Королева. — Они тебе не родня. Они не принадлежат к твоему клану. И ты не в долгу перед этими чужаками.

— Понимаешь ли, — сказала Тиффани, — пусть они мне и не родня, все они для меня люди. Кто бы они ни были. А наше дело — помогать людям.

— И что, все так поступают? — спросила Белладонна.

— Нет, — признала Тиффани. — К сожалению, не все. Но многие люди помогают другим просто потому, что те... люди. Так у нас заведено. Вам, эльфам, трудно это понять, да?

— А что, если я как раз пытаюсь понять?

— И что ты думаешь об этом? — спросила Тиффани с улыбкой.

— Ты для них всё равно что прислуга, — заявила Белладонна, наморщив точёный носик.

— Может, и так, — согласилась Тиффани. — Но это не важно, потому что однажды мне может понадобиться помощь кого-нибудь из них, и они, возможно, мне не откажут. Так всё и устроено. И так было и будет.

— Но вы сражаетесь друг с другом, — сказала Белладонна. — Я точно знаю.

— Да, но не всегда, — ответила Тиффани. — И чем дальше, тем больше «не».

— Но ты же такая могущественная. Ты могла бы править миром!

— Правда? — сказала Тиффани. — А зачем это мне? Я — ведьма, мне нравится быть ведьмой, и люди мне тоже нравятся. На каждого плохого человека, как правило, найдётся хороший. У нас есть поговорка: «Не плюй в колодец — пригодится воды напиться». Это значит, что у каждого человека бывают взлёты и падения. Какое-то время ты можешь жить очень хорошо, а потом удача отвернётся от тебя, придёт беда, и тебе надо будет как-то с ней справиться.

Она заглянула в глаза Белладонне, пытаясь понять, о чём та думает, но лицо эльфийки казалось непроницаемым.

— Я помню мрак, дождь, гром и молнию, — добавила Тиффани. — И посмотри, много ли добра тебе это принесло? Ты, Королева эльфов, очутилась в овечьем пруду...

На мгновение Белладонна, похоже, растерялась. Она внимательно посмотрела на Тиффани и проговорила:

— То, как заведено у вас... не годится для эльфов. Для эльфа все эльфы вокруг — соперники. Мы убиваем наших королев: каждая новая королева восстаёт против старой и сражается за власть над роем. — Она вдруг умолкла и некоторое время ничего не говорила, обдумывая новую, удивительную для неё мысль. —

Но среди вас есть королевы мудрости. Таковы были матушка Ветровоск и матушка Болен; и ты, Тиффани Болен, тоже из них. Вы, люди, становитесь старше, и ваша мудрость растёт вместе с вами, и вы передаёте её младшим...

— А вы, эльфы, никогда не становитесь лучше, только хуже. Когда жизнь идёт по кругу, она всегда идёт к худшему, — мягко сказала Тиффани. — И вы не похожи на пчёл. Пчёлы трудятся, хотя живут недолго, и за всю жизнь пчеле не приходит в голову ни единой мысли...

На лице эльфийки появилось странное выражение. Она пыталась думать. Думать всерьёз. Тиффани понимала, что творится в её душе: Белладонна и раньше начала догадываться, что этот мир меняется, что в нём слишком много недоброго к волшебному народу железа, что, хотя про эльфов тут и рассказывают красивые сказки, по-настоящему в них никто не верит, для них тут нет места. А теперь она присмотрелась к этому миру поближе и поняла, что он вовсе не такой, каким она его всегда считала, и теперь ей нужно было как-то соединить новое знание со старыми представлениями.

Тиффани видела, что внутри Королевы идёт борьба.

А тем временем до королевы Маграт дошли вести о том, что произошло высоко в Овцепикских горах: на дровосеков напали, многих убили, много древесины пропало.

Эльфы, подумала она. В прошлый раз их удалось прогнать, но это было нелегко. И уже много времени минуло с тех пор, как она выставляла стражу — ну, то

есть Шона Ягга — у круга камней, прозванных Плясунами, или проверяла запасы подков в замке.

Маграт знала: память любит подшутить. Старые сказки имеют власть над людьми, а что слово «потрясающе» когда-то означало настоящее, ни капли не приятное потрясение, уже никто и не помнит. В памяти ланкрцев наверняка сохранилось лишь то, что эльфы пели прекрасными голосами. О чём были их песни, все уже забыли.

Разумеется, Маграт была не только королевой, но и ведьмой. И хотя последнее время она выполняла в основном королевские обязанности, ведьма, живущая в ней, почувствовала: равновесие нарушено. После смерти матушки Ветровоск в мире образовалась гигантская прореха, и пусть Тиффани Болен и этот её милый мальчик на побегушках работают не покладая рук, чтобы заполнить брешь, нести ношу матушки Ветровоск ой как непросто. Пока была жива матушка, между мирами существовала надёжная преграда.

И если теперь эта преграда ослабела... Маграт содрогнулась. Каждый, кто хоть раз встречался с волшебным народом, знал: потрясение — как раз то самое чувство, которое испытываешь при этой встрече. Собственно, только потрясение и ужас ты и чувствуешь. Эльфы — как стихийное бедствие: сегодня они здесь, а завтра уже повсюду, и где бы они ни появились, они будут нести горе, боль и смерть, отравляя всё, к чему прикасаются. Не хватало только, чтобы они пришли в Ланкр.

На ночь глядя королева Маграт отправилась в свою гардеробную и достала оттуда любимую метлу. Осто-

рожно, с опаской, она попробовала подняться в воздух, и, вопреки её опасениям, метла плавно взмыла над замком. Маграт немного полетала в своё удовольствие, напоминая себе: «Всё верно: нельзя перестать быть ведьмой».

Маграт была хорошей женой — когда ей самой того хотелось. Поэтому ближе к ночи, прежде чем осуществить задуманное, она предупредила короля Веренса. К её удивлению, муж сказал:

— Снова собралась в полёт, любимая? Рад это слышать. Я видел, каким взглядом ты провожаешь пролетающих ведьм. Никому не под силу удержать птицу в клетке.

— Я вовсе не чувствую себя птицей в клетке, дорогой, — с улыбкой ответила Маграт. — Но матушки больше нет, и я должна прийти на помощь.

— Вот и молодец, — отозвался Веренс. — Мы все только начинаем привыкать жить без неё, но я уверен, юная госпожа Болен пойдёт по матушкиным стопам.

— Не совсем так, — сказала Маграт. — Думаю, Тиффани идёт своим собственным путём. — Она вздохнула. — Но эльфы наступают нам всем на пятки. Наверное, чуть позже Тиффани вернётся в домик матушки... то есть теперь уже в свой собственный дом, и я хочу повидать её, предложить помощь.

При упоминании эльфов Веренса передёрнуло.

— И разумеется, — твёрдо продолжала Маграт, — я должна подавать хороший пример нашим детям. Юная Эсме быстро вырастет, и я хочу показать ей, что быть королевой — это не только улыбаться

ся и махать ручкой. Мы ведь не хотим, чтобы она начала целоваться с лягушками, верно? Известно ведь, чем это может обернуться!¹ — Она повернулась к двери и сунула мужу рюкзачок для переноски младенца. — И я совершенно уверена, что в моё отсутствие ты прекрасно сможешь сам, без посторонней помощи, позаботиться о детях.

Веренс вымученно улыбнулся.

Маграт скорчила гримасу, но так, что заметить это могла бы лишь ведьма. «Он даже не всегда с первого взгляда понимал, где у ребёнка верх, а где низ, и пытался держать их вверх тормашками, — подумала она. — Веренс очень умный человек, но дай ему младенца — и он впадает в ступор». Она улыбнулась. Ничего, он научится. Вот недавно Милли отлучилась помочь на кухне, и Маграт попросила мужа сменить ребёнку подгузник. Веренс скривился, но всё равно честно попробовал.

— Я хочу помочь, — заявила Маграт Тиффани, едва приземлившись возле домика, который они обе про себя продолжали считать матушкиным.

Сама Тиффани прилетела меньше часа назад — вести о её прибытии добрались до замка очень быстро, поскольку Маграт дала понять, что хочет услышать их как можно скорее.

— Я, конечно, королева, но в то же время я ещё и очень неплохая ведьма, — добавила она.

¹ Увы, большинству принцесс почему-то не приходит в голову целовать жаб. Тот Жаб, который сделался адвокатом Фиглей, уже много раз печалился по этому поводу.

Тиффани заглянула ей в глаза и увидела, как отчаянно Маграт хочет снова стать ведьмой, пусть и ненадолго. И тут Маграт сказала:

— Представляешь, у нас эльфы объявились! Эльфы!

Тиффани вспомнила, что рассказывала ей матушка Ветровоск: когда-то Маграт сражалась с эльфами — одного даже застрелила из арбалета, всадив стрелу ему прямо между глаз!

— Тиффани, я уже имела с ними дело! У меня есть опыт, — настаивала Маграт. — А если эльфы начнут настоящее вторжение, тебе пригодится любая помощь. Даже начинающие ведьмы могли бы что-нибудь сделать. Ты говорила с мисс Тик?

— Да, — кивнула Тиффани. — Она вроде бы нашла пару способных девочек, но одного желания стать ведьмой мало. И сейчас... неподходящее время, чтобы брать ученицу в холмах.

— Но почему? И как думаешь, может, твоя подруга Петулия, та, у которой свиньи, сумеет помочь?

— Она многое умеет, — сказала Тиффани, не ответив на первый вопрос Маграт. — Но Петулия помогает мужу управляться с фермой. Она говорит, у неё ни минуты свободной нет, всё время вокруг кто-нибудь хрюкает — то свиньи, то старые свиноводы... И кроме того, ускучивание свиней идёт всем на пользу, даже свиньям. Страшно слышать, как они визжат, когда Петулии нет на ферме!

— Ну, свиньи свиньями, но может сложиться так, что нам будет без неё не обойтись. А хорошие навозо-непроницаемые башмаки и от стрел защитят, — за-

метила Маграт. — Так что, у вас на Меловых холмах эльфы пока не показывались?

Тиффани покраснела: кто его знает, как Маграт воспримет новости о Белладонне? Зато, немного виновато подумала она, не придётся самой говорить об этом нянюшке Ягг. И Тиффани рассказала Маграт сперва об испорченном пиве, а потом и о Белладонне. О том, что эльфийка сейчас живёт на ферме её родителей, а Нак-мак-Фигли её сторожат. И вот почему Тиффани не может взять ученицу.

Маграт понимала, что на Фиглей в этом деле можно положиться: они уж точно не дадут эльфийке натворить бед. И всё же рассказ Тиффани её поразил.

— Неужели ты думаешь, что этой эльфийке можно доверять? — спросила она, побледнев. — Никому из эльфов нельзя верить, — добавила Маграт. — Они и слова-то такого не знают. Но ты веришь ей... Почему?

— Я ей не верю, — покачала головой Тиффани. — Но думаю, что она хочет жить. Белладонна уже сама убедилась: наш мир меняется. Железо теперь повсюду, и ей пришлось задуматься о вещах, о которых она раньше и не подозревала. Вроде бы она начинает кое-что понимать. Попробовать, наверное, стоит. Может быть, вернувшись в Волшебную страну, Белладонна сможет... переубедить остальных эльфов, чтобы они тоже начали думать по-новому? И оставили нас в покое. — Она помолчала. — Маграт, кельда Нак-мак-Фиглей предупреждала меня. Она говорила, что после смерти матушки Ветровоск осталась... дыра. Что мы должны быть настороже, что может прийти беда. Должно быть, беда, о которой она говорила, — это

эльфы! И если их бывшая королева может помочь, я должна попытаться...

— Хмм, но если те, другие эльфы, начнут настоящее вторжение, тебе одной с ними не справиться, Тиффани, — возразила Маграт. Немного подумав, она спросила: — Насколько я помню, жена вашего барона тоже ведьма?

— Да, — сказала Тиффани. — Её зовут Летиция Кипсек. Но её никто не учил, а её муж немного... как бы это сказать... сноб.

— Если хочешь, дорогая, — улыбнулась Маграт, — я как-нибудь загляну к ним на чашку чая. И мягко намекну, что быть ведьмой не так уж плохо, какое бы положение в обществе ты ни занимала. Знаешь, мой Веренс старается править во благо людей и наверняка одобряет сейчас то, что я делаю работу ведьмы, ибо тем самым я подаю людям хороший пример. Он иногда прямо так и говорит, но я всё равно его люблю. Так что, может быть, муж Летиции перестанет препятствовать ей, если увидит, что она дружит с королевой.

— Ничего себе, — сказала Тиффани. — Вот так просто?

— Поверь мне, — сказала Маграт. — Корона кое-что да значит.

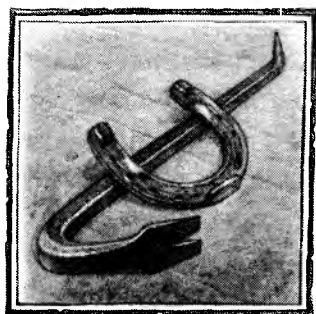
Тиффани возвращалась домой на холмы, и на душе у неё было чуточку легче. Поддержка Маграт очень пригодится, да и Летиция, возможно, сумеет помочь, думала она. Но ведьм всё равно не хватает, надо из кожи вон вылезти, а если понадобится, то и выпрыг-

нуть, но набрать ещё. Привлечь к делу каждую ведьму и всех, у кого есть хоть какие-то задатки, и научить их противостоять чарам эльфов.

Эльфы! Зло ради зла как такового. Матушка Ветровоск говорила, что они и у безногого костыли отберут. Злые, мерзкие, глупые, надоедливые создания, которые делают пакости и сеют раздор просто забавы ради. Хуже того: они несут ужас, и страх, и страдания. И смеются. Их смех — сам по себе зло, он звучит как дивная музыка, и даже не верится, что такие гнусные твари могут издавать столь чудесные звуки. Эльфы думают только о себе, а может, и о себе не задумываются.

Но Белладонна... Возможно, один-единственный эльф всё-таки понял, что история свернула на новый путь. На железную дорогу...

Глава 15

ЛОГОВО БОГА

Но среди Меловых холмов во мраке ночи история ещё катилась по старой колее — к радости троих эльфов, скользящих в танце сквозь тёмный лес. Этот мир создан, чтобы дарить им удовольствие и восторг, а его обитатели — просто игрушки, которые вопят, кидаются наутёк и кричат от боли под смех и песни эльфов.

Вот на глаза им попался маленький убогий домишко. Окно было приоткрыто, изнутри доносилось сонное сопение счастливых, вдоволь напившихся материнского молока и свернувших под одеяльцем младенцев.

Эльфы переглянулись и облизнулись в предвкушении. Младенцы!

Лица эльфов прижались к окну. Лица охотников. Лица хищников.

Рука просунулась внутрь и пощекотала под подбородком ближайшего ребёнка — крохотную девочку,

которая ещё не спала. Малышка проснулась и уставилась на чудесное создание, склонившееся над ней. От создания исходил волшебный свет, наполняя всю комнату. Маленькие пальчики потянулись потрогать красивое перо...

Радость Тиффани длилась недолго: едва она легла в постель, как почувствовала в голове что-то вроде щекотки, а перед её мысленным взором появилась маленькая Тиффани Робинсон. На этой неделе Тиффани так и не выкроила время, чтобы повидать её. Но следующее заклинание работало...

С малышкой случилась беда — и куда хуже, чем недостаток родительского внимания.

Её похитили эльфы!

Метла Тиффани летела во весь дух, но всё равно слишком медленно. Тиффани отыскала троих эльфов в лесу, они играли с малышкой, и чувство, которое вспыхнуло в ней, было не просто гневом, а неодолимой жадью покарать преступников. И пока метла летела к цели, Тиффани позволила этому чувству разгореться... и дала ему волю.

Эльфы смеялись, когда Тиффани коршуном обрушилась на них с неба и с пальцев её сорвался огонь. Похитители вспыхнули у неё на глазах. Её трясло от ярости, столь сильной, что ещё немного — и Тиффани уже не смогла бы с ней совладать. Если бы ей встретились ещё эльфы в ту ночь, она убила бы и их тоже.

Но она заставила себя остановиться, внезапно с ужасом осознав, что совершила. «Если ведьма начи-

нает убивать, значит, она обратилась ко злу!» — мысленно заорала она себе.

Но другой голос у неё в голове возразил: «Это ведь были всего лишь эльфы. И они мучили ребёнка».

А первый голос лукаво напомнил: «Но и Белладонна — всего лишь эльф...»

Тиффани знала: когда ведьма начинает думать про кого-нибудь «всего лишь», она делает первый шаг по проторённой дорожке, ведущей к... к отравленным яблочкам, веретёнам и слишком маленькой печке... к страху, ужасу, боли и тьме.

Но что сделано, то сделано. Ведьма должна думать о настоящем, поэтому Тиффани завернула малышку в шаль и медленно полетела к домишку Робинсонов — хотя, по совести сказать, это был не домишко даже, а лачуга. На стук открыл молодой Робинсон. Он очень удивился, особенно когда Тиффани предъявила ему его собственную дочь, завернутую в ведьмину шаль.

Тиффани прошла мимо незадачливого папаши в дом, чтобы серьёзно поговорить с Милли. В голове крутилось: «Ну да, они ещё очень молоды, но молодость — не повод быть такими глупыми. Оставлять окна нараспашку в такое время? Все ведь уже слышали про эльфов...»

Не велела мама мне
Бегать к эльфам при луне...*

— Э... — промямила Милли. — Я посмотрела, с мальчиками вроде всё хорошо...

Она покраснела, когда Тиффани вручила ей дочку, и от Тиффани это не укрылось.

— Вот что я тебе скажу, Милли, — начала она. — Твою девочку ждёт большое будущее. Я знаю это, потому что я ведьма. Раз уж ты позволила мне дать ей имя, я позабочусь, чтобы у неё было всё необходимое. И я сейчас говорю о *твоей девочке*. В каком-то смысле она и моя тоже. Твои здоровяки-мальчишки сами о себе позаботятся. И никогда не смей оставлять окно открытым в такие ночи, как эта! За нами постоянно следят. Сама знаешь! Не допусти, чтобы малышке причинили зло.

Она едва не сорвалась на крик на последних словах. Этим молодым родителям время от времени надо задавать нагоняй, чтобы не расслаблялись. И Тиффани об этом позаботится.

Ух, как она позаботится! Будут пренебрегать родительскими обязанностями — она им попомнит! Ну, может, не сильно, но попомнит, просто чтобы вразумить.

Но сначала, думала Тиффани по пути домой, надо поговорить с кем-нибудь из ведьм.

Она зашла в свою комнату взять тёплый плащ, и тут на полке тускло блеснула пастушья корона. Сама не зная зачем, Тиффани сунула её в карман. Маленький камень причудливой формы удобно лёг в руку, пальцы нащупали пять выступов-гребней, и Тиффани почувствовала, как в неё вливается сила, кремьень в сердце короны напомнил ей о том, кто она такая. «Мне нужно всегда носить частицу Меловых холмов с собой, — поняла она. — Моя земля поддерживает меня, даёт мне силы, не позволяет забыть, кто я. Я не убийца. Я — Тиффани Болен, ведьма холмов. И мне нужно, чтобы моя земля всегда была со мной».

Она помчалась сквозь ночь обратно в Ланкр. Ветер свистел в ушах, и только совы следили за её полётом при свете луны.

Когда она опустилась возле дома нянюшки Ягг, занимался рассвет. Нянюшка была уже — а точнее, *ещё* на ногах, потому что бодрствовала всю ночь у смертного ложа. Она открыла дверь, увидела лицо Тиффани и слегка побледнела.

— Эльфы? — мрачно спросила нянюшка. — Маграт мне рассказала. Они что-то натворили у тебя в холмах?

Тиффани кивнула, и тут остатки хладнокровия покинули её, горло перехватило, и к глазам подступили слёзы. В тёплой нянюшкиной кухне, за спасительной чашкой горячего чая, она рассказала, что произошло.

А потом подошла к той части истории, которую предпочла бы забыть.

— Эльфы, — только и смогла выговорить она. — С маленькой Тиффани. Они уже хотели... — Она коротко всхлипнула и простонала: — Я убила всех троих. — И в отчаянии посмотрела на нянюшку.

— Молодец, — сказала та. — Правильно сделала. Не вини себя, Тифф. Что ещё ты могла сделать, когда они мучили девочку? Тебе ведь, — спросила она, не сводя с Тиффани внимательных глазок, окружённых морщинками, — не понравилось их убивать?

— Конечно, нет! — вскрикнула Тиффани. — Но, нянюшка, я... я же сделала это, почти не задумавшись.

— И может статься, тебе придётся делать это снова, если эльфы не уймутся, — заявила нянюшка. —

Мы — ведьмы, Тифф. Сила дана нам не просто так. Главное, без серьёзной причины ею не разбрасываться. А если эльф пробрался на твою землю и мучает ребёнка, то, как по мне, это очень даже серьёзно. — Она помолчала, потом добавила: — Если кто приносит другим беду, чего ж ему удивляться, когда с ним беда приключается. Большинство всё сами понимают. Эсме мне как-то рассказывала, как в одной деревушке — Пакля, Шпатля, как-то так она называлась — хотели повесить человека, который убил двоих ребятшек. Так он, говорила она, понимал, что заслуживает виселицы. Так и сказал: вот, мол, выпивка меня до петли довела. — Нянюшка устало опустилась на стул и позволила Грибо вскарабкаться на её обширные колени. — Так уж оно всё устроено, Тифф. Жизнь и смерть. Сама знаешь. — Она почесала котяру за огрызком, который только очень близорукий человек мог бы назвать ухом. — С малышкой-то как, всё хорошо?

— Да, я вернула её родителям. Но они не могут... не хотят... присматривать за ней как следует.

— Да уж, некоторые в упор не желают правды видеть, сколько их носом в неё ни тычь. Вот потому-то эльфы и будут возвращаться снова и снова. — Нянюшка тяжело вздохнула. — Люди придумывают про них сказки, Тифф. И в сказках всё выглядит очень даже весело. Вот и выходит так, что эльфы ушли, а их чары остались, морочат людям головы, а люди и думают, будто никаких бед эльфы не творят, разве что милые проказы. — Нянюшка ссутулилась на стуле, смахнув с соседнего столика безделушку, полученную в подарок от кого-то из родни. — Вот Фигли — те да, проказники. Но эльфы — совсем другое дело. Помнишь,

как Лукавец морочил людям головы, Тифф? Помнишь, как он заставлял их творить зло?

Тиффани кивнула. Перед её внутренним взором проносились жуткие картины из прошлого, но её взгляд был прикован к упавшей безделушке. Этот щерботанский сувенир прислала нянюшке в подарок одна из многочисленных невесток, а теперь нянюшка даже не заметила, что уронила его. Это нянюшка-то, которая дорожила такими подарками как величайшими сокровищами, нянюшка, которая с порога замечала, если с какой-нибудь вещичкой случалась неприятность!

— Так вот, Тифф, по сравнению с тем, на что способны эльфы, это всё чепуха, — продолжала между тем старая ведьма. — Больше всего они радуются и смеются, когда видят чужой страх и мучения. И ещё они обожают детишек воровать. Ты правильно сделала, что разобралась с ними. Но они придут снова.

— Что ж, тогда они снова умрут, — безучастно сказала Тиффани.

— Это если ты будешь рядом, — осторожно заметила нянюшка.

Тиффани пала духом:

— Но что ещё мы можем сделать? Нельзя же быть везде одновременно.

— Ну, — начала нянюшка, — однажды мы уже прогнали их восвояси. Это было непросто, конечно, но мы справились тогда, справимся и теперь. Как думаешь, эта твоя эльфушка сумеет помочь?

— Белладонна? — переспросила Тиффани. — Нет, сейчас они её и слушать не станут. Они вышвырнули её из своей страны.

Нянюшка некоторое время молча размышляла, потом, похоже, решилась.

— Есть кое-кто, кого они могут послушать, — сказала она. — Точнее, раньше-то они всегда его слушались. Но штука в том, как уговорить его влезть в это дело. — Она оценивающе взглянула на Тиффани. — Он не любит, когда его тревожат. Хотя мне однажды довелось заглянуть к нему в гости, со мной тогда ещё один дружок был... — глаза нянюшки подёрнулись дымкой воспоминаний¹, — да и Эсме, думаю, случилось перемолвиться с ним словечком. Женщин он привлекает, вот что. И хорошенькая девица вроде тебя как раз могла бы привлечь его внимание.

— Нянюшка, вы же не хотите сказать... — вскинулась Тиффани.

— О боги, нет! Всё, что от тебя требуется, — это быть убедительной. Ты ведь умеешь убеждать людей, а, Тифф?

— Да, убеждать я умею, — признала Тиффани, немного успокоившись. — О ком вы говорите и куда мне идти?

Верзила*. Тиффани была наслышана об этом вытянутом холме, под которым начинался ход в логово Короля эльфов. Своими познаниями она была обязана по большей части нянюшке Ягг, которая однажды, когда

¹ Тем дружком нянюшки был граф Казанунда, маленький разбойник с большой дороги, к седлу которого была приторочена стремянка, поскольку Казанунда был гномом и при этом великим дамским угодником

эльфы, оставшиеся без правителя, заявили в мир, спустилась в логово и поговорила с Королём.

Учёные сказали бы, что Король обитал под холмом с древних времён, когда люди ещё не знали одежды и на свете было не так уж много богов, а потому Король был для них кем-то вроде бога — божества жизни и смерти, а ещё, наверное, думала Тиффани, грязи и лохмотьев. И по сей день мужчины иногда собирались на холме, чтобы поплясать, нацепив на головы рога, а в руках, как правило, держали бутылки с чем-нибудь покрепче. Неудивительно, что женщины наотрез отказывались составить им компанию в этих плясках.

Холм представлял собой три близко расположенных бугра, вместе они складывались в фигуру, наводившую на вполне определённые мысли любую деревенскую девушку, которая когда-либо видела, как бык кроет корову или баран — овцу. Начинаящие ведьмы всегда неудержимо хихикали, пролетая над Верзилой и глядя на него сверху.

Тиффани поднялась по заросшей тропе среди деревьев и терновника, едва не оставив свою остроконечную шляпу на шипах какого-то особенно навязчивого куста, и оказалась у зева пещеры. Ей почему-то очень не хотелось идти внутрь, мимо нарисованного на камне рогатого человека, отталкивать в сторону камень и спускаться по ступеням, которые откроются за ним.

«Я не могу отправиться к Королю совсем одна, — с ужасом подумала она. — А если я умру — кто расскажет об этом людям?»

И тут раздалось приглушённое:

— Раскудрить!

— Явор Заяadlo?

— Ах-ха! Мы ж завсегда за тобой. Ты — карга холмов, а Верзила — громаздый холмина.

— Пожалуйста, подождите меня у входа, Явор, тут дело карговское, — сказала Тиффани вопреки первому побуждению, потому что вдруг почувствовала, что так будет правильно. Она убила троих эльфов. Теперь она встретится с их Королём.

— Но мы ж с Корольком-то знаем, — возразил Явор Заяadlo. — Возьми нас с собой, мы этому чучундре прям в его мире бока намнём.

— Ах-ха, — поддержал его Мал-да-удал Штырь. — Он тот ещё громаздяра, но я ему таку рожу фиглулей накидаю — век не прозабудет!

Он для разминки ринулся на камень у входа, врезался в него головой и отскочил с весёлым «тюк!».

Тиффани вздохнула:

— Этого-то я и боюсь... в смысле боюсь. Я иду просить Короля о помощи, мне не стоит его злить. А между вами и Королём в прошлом была нехорошая история...

— Да и вообще мы таки-сяки историчные! — гордо заявил Явор Заяadlo.

— Долой Королька! Долой Кральку! Долой господов! — грянули остальные пиксты.

— И никаких Фиглей, — строго сказала Тиффани. Тут её осенило. — Явор Заяadlo, мне нужно, чтобы вы оставались здесь. Проследите, чтобы никто не мешал мне, пока я буду говорить с Королём о карговских делах. — Она помолчала и добавила: — А кроме того,

вокруг рыщут эльфы. Если кто-нибудь из них явится сюда, чтобы встретиться с Королём, только вы — Явор Заяadlo, Мал-да-удал Штырь и остальные — сможете его остановить. Без вашей помощи мне не обойтись. Вы поняли меня? Это очень важно.

В рядах Фиглей послышалось ворчание, но потом Большой Человек широко ухмыльнулся:

— Тойсь ежли один из этих чувырл сюдыть заявится, мы могём им люлей накидать вдосталь?

— Да.

Маленькие воины радостно взревели:

— Нак-мак-Фигли не сдаются!

Они тут же стали препираться, кому какую часть Верзилы охранять, а Мал-да-удал Штырь принялся биться головой обо все камни у входа в пещеру, чтобы разогреться перед дракой, на которую он так надеялся. А Тиффани ступила в липкую темноту, сжимая в руке небольшой ломик и подкову. Другой рукой она обхватила пастушью корону в кармане, чтобы прикоснуться к своей земле, к своим лугам. «Вот и посмотрим, правда ли я — карга холмов», — подумала она, взявшись за большой камень, преграждающий вход. Он поддался легко и плавно, с тихим шорохом — никакой лом не понадобился. За ним показалась витая лестница, ведущая вниз, во мрак, всё глубже, глубже, в самое логово...

В проход между мирами.

Туда, где Король эльфов существовал вне времени и пространства в собственном маленьком мирке, предаваясь утехам. Там было душно, хотя огонь нигде не горел, — жар исходил от самой земли.

И ещё там стоял густой неприятный запах. Запах мужского мира, запах немытых тел и нестираной одежды. Повсюду валялись и стояли бутылки, а в конце прохода, покряхтывая и постанывая, сражались борцы, их обнажённые тела блестели, будто натёртые жиром. Женщин нигде не было видно — в этом мире мужчины радовались жизни без оглядки на противоположный пол. Но при виде Тиффани они прервали свои занятия и поспешно прикрыли то, что нянюшка Ягг наверняка назвала бы причиндалами. И Тиффани подумала: «Ха! Такие большие и сильные мужчины, которые расхаживают тут, выставив своё достоинство напоказ, вдруг испугались? Ещё бы, ведь я дева — и в то же время карга».

Потом она увидела Короля эльфов — он был точно такой, каким его описывала нянюшка Ягг, вонючий, но невероятно привлекательный. Тиффани старалась смотреть только на его рога, чтобы не опускать лишний раз взгляд на королевское достоинство — уж больно внушительным оно было.

Король вздохнул и, вытянув ноги, стал постукивать копытами по каменной стене. Его животный запах, чем-то напоминающий барсучий, накатывал на Тиффани, волнами распространяясь в спёртом воздухе.

— Юная женщина, — протянул он вальяжно, и голос его звал отдаться влечению и пороку, окунуться в невообразимые (до этой минуты) наслаждения. — Ты явилась в мой мир, прервала мои забавы. Ты ведьма, да?

— Да, я ведьма, — ответила Тиффани, — и я при-

шла просить Короля эльфийского народа исполнить свой королевский долг.

Он придвинулся ближе, и Тиффани чуть не стало плохо от сгустившегося запаха. Король похотливо улыбнулся, и она подумала: «Я знаю, кто ты такой и что ты собой представляешь. И думаю, нянюшке Ягг ты понравился...»

— Кто ты? — спросил он. — Одета ты и впрямь как ведьма, но ведьмы обычно старые и несколько сморщенные... А ты юное создание...

Тиффани, в который уже раз, подумала: «Как же мне надоело быть молодой!..»¹ Благодаря молодости ей удалось привлечь его внимание, но нужно-то ей было не внимание, а уважение.

— Может, я и молода, господин мой, — твёрдо проговорила она, — но, как ты и сам видишь, я кар... ведьма. И я пришла сказать, что убила троих твоих подданных.

«Теперь-то он посмотрит на меня по-другому!» — подумала она, но Король лишь рассмеялся.

— А ты забавное дитя, — заявил он, со вкусом потягиваясь. — Я никому не причиняю зла, — добавил он лениво. — Я лишь предаюсь грёзам, но мой народ... Ну что я могу поделаться? У меня свои забавы, у них — свои, и я не могу им запретить веселиться...

— Но их забавы нам не по нраву, — сказала Тиффани. — Пусть они не смеют забавляться в моём мире.

¹ Со временем она неизбежно перерастёт эту мысль — конечно, если проживёт достаточно долго.

— «В моём мире»? — с усмешкой переспросил Король. — А ты гордая девочка. Возможно, ты не откажешься стать одной из моих возлюбленных. Королева и должна быть гордой...

— Твоя Королева — госпожа Белладонна, — твёрдо сказала Тиффани, хотя у неё коленки задрожали, когда она поняла, что за предложение скрыто в словах Короля.

«Остаться здесь? С ним?» — вопил внутренний голос. Тиффани крепче сжала в руке пастушью корону. «Я — Тиффани Болен с Меловых холмов, — напомнила она себе, — и в моём сердце — кремень».

— Белладонна сейчас... гостит у меня, — сказала она Королю. — Возможно, тебе не известно, но Душистый Горошек изгнал твою Королеву из Волшебной страны.

Томная улыбка расплылась по лицу Короля.

— Белладонна, — промурлыкал он. — Надеюсь, тебе нравится её общество. — Он вытянул ноги (Тиффани нервно сглотнула) и наклонился к ней. — Ты начинаешь утомлять меня, девица. Что тебе нужно?

— Вразуми своих эльфов, — ответила Тиффани. — Или я тебе попомню.

Голос её едва не дрогнул на последних словах, но она должна была сказать это, непременно должна.

Раздался громкий вздох, Король откинулся назад и зевнул.

— Ты явилась в мой дом и угрожаешь мне? — вкрадчиво спросил он. — Скажи мне, ведьма, почему я должен вмешиваться? Что мне за дело до эльфов, которые развлекаются на твоей земле? И даже до го-

спожи Белладонны? Есть и другие миры. Всегда есть другие миры.

— Мой мир — не для эльфов, — сказала Тиффани. — Он никогда и не был вашим. Вы просто прицепились к нему, как паразиты, и брали всё, до чего дотягивались. Но больше так продолжаться не может. Сейчас, если ты ещё не знаешь, настало время железа. И если раньше железо было лишь в подковах, то теперь люди куют из железа и стали гигантские полосы и протягивают их по всему миру. Их называют «железные дороги», ваше величество, и их становится всё больше. Людям нравятся механизмы, потому что механизмы работают, а старые сказки спасибо если не убивают. Поэтому люди смеются, когда слышат о волшебном народе, и чем больше они смеются, тем меньше остаётся от вас. Понимаешь, вы больше никому не интересны. Теперь у людей есть клик-башни и железные дороги, мир стал другим. И для тебя и твоего народа больше нет места в нашем мире, разве что в сказках. — Последнее слово Тиффани произнесла, не скрывая презрения.

— В сказках? — задумчиво протянул Король. — Да, сказки позволяют нам проникать в головы людей, юная ведьма. Я могу подождать. Железные дороги, о которых ты говоришь, рано или поздно сгинут, а сказки останутся.

— Но мы больше не потерпим, чтоб эльфы воровали детей себе на забаву, — заявила Тиффани. — Я и другие ведьмы будем сжигать тех, кто попытается красть детей. Это предупреждение. Я хотела поговорить по-хорошему, но, похоже, не получилось.

Настало время железа, и вы должны оставить нас в покое!

Король снова вздохнул.

— Возможно, возможно... — проговорил он. — Исследовать новые земли могло бы стать неплохим развлечением. Но я ведь уже говорил, что не собираюсь приходить в ваш мир, когда там царит железо. В моём распоряжении столько времени, сколько мне будет угодно...

— А как же те эльфы, которые уже к нам явились?

— О, убей их, если хочешь. Я могу оставаться здесь до конца времён, и не думаю, что тебе бы там понравилось. Но я всегда питал слабость к женщинам и скажу, что глупые эльфы заслуживают моего порицания и твоего гнева. Моя дражайшая госпожа Болен — о да, я знаю, кто ты такая, — ты лелеешь свои благие намерения, как мать — любимое дитя. А я вот думаю, стоит ли мне отпускать тебя восвояси? Ведь мне так... скучно в последнее время. — Он вздохнул. — Порой мне нестерпимо хочется чего-то нового — позабавиться с чем-то или, возможно, открыть для себя некое увлечение. И кто знает, может, я увлёкся бы тобой? Неужели ты думаешь, я позволю тебе покинуть мой дом? — Он сладострастно оглядел её из-под полуопущенных век.

Тиффани сглотнула:

— Да, ваше величество. Вы дадите мне уйти.

— Ты так уверена?

— Да.

Тиффани сжала в руке пастушью корону и почувствовала, как сквозь кремь в неё вливается сила.

Корона будто перенесла её назад, на её родную землю под волной. Тиффани медленно отступила на шаг...

И чуть не упала, споткнувшись.

За спиной Тиффани обнаружилась маленькая белая кошка, и её появление застало врасплох и Короля эльфов.

— Эй! Ты? — воскликнул он, и впервые в его голосе Тиффани услышала удивление.

На том всё и кончилось. Тиффани с кошкой поднялись по винтовой лестнице, а наверху их поджидали Фигли. Храбрые воины расхаживали в дозоре и, поскольку эльфы так и не объявились, развлекались, сражаясь с деревьями поблизости. Деревья, разумеется, заслуживали хорошей взбучки, чучундры ветвистые: расставили тут свои шипы, понимаешь, честный Фигль пройти не может, чтоб волосни в них не запутались.

— Не думаю, что от нашего разговора будет какой-то толк, — пожаловалась Тиффани Явору Заядло.

— Да лана, — откликнулся тот. — Пусть их валят. У тебя завсехды есть Фигли. Мы, Фигли, были, есть и бу!

— Были, бу и есть, покуды пойло есть! — уточнил Мал-да-удал Штырь.

— Явор, — строго сказала Тиффани, — сейчас нам не до выпивки. Нам нужен план. — Подумав, она добавила: — Король помогать не станет. По крайней мере, сейчас. Но он ищет развлечений. Может, если мы сможем как-то позабавить его, он сделается более благосклонен к нам и хотя бы оставит нас в покое?

И позволит нам убивать его народ, подумала она. Он сказал, что не возражает. Но вдруг передумает?

— Ах, да легко! — заявил Явор Заядло, убеждённый, что он-то всегда изобретёт какой-нибудь ПЛН¹. — Так ты гришь, эльфовому Корольку делать неча?

— Да, прямо как старикам в Ланкре! — вдруг осеңило Тиффани. — Явор, ты ведь знаешь, что Джеффри подбил их всех, чтобы строили себе сараи — эти, как их, гаражи... Так вот, вы когда-то отстроили пивную. А гараж сможете?

— Да рядь плюнуть, верно, ребя? — Явор был очень доволен. У него таки сложился ПЛН. — Вот прям ща. — Он посмотрел на Эй. — Как этак твоя котявка повсюды за тобой прошлындрывет, хозяйка?

— Не знаю, — призналась Тиффани. — Он же кошка. Кошки всюду пролезут. А кроме того, она кошка матушки Ветровоск, а это что-нибудь да значит.

Но Явор уже не слушал. Он обдумывал свой ПЛН. И уже на следующий день у Верзилы, перед входом в пещеру, воздвигся сарай, где можно было найти всё, чего только пожелает душа настоящего мужчины, включая рыболовные снасти и всяческие инструменты, причём всё было сделано из камня и дерева. Тиффани подумала, что, возможно, Король эльфов обрадуется подарку. Но вряд ли из благодарности решит помочь...

Его величество Душистый Горошек, правитель Волшебной страны, возлежал на бархатной кушетке, лениво перебирая перья в своём воротнике и попивая роскошное вино из кубка.

¹ То есть план. Как известно из прошлых книг про ведьму Тиффани, правописание давалось Явору Заядло с трудом, поэтому, записывая планы, он экономил на буквах. (*Примеч. перев.*)

В королевские покои вошёл лорд Ланкин и поклонился новому повелителю. На плечах его красовался пушистый рыжий хвост — сувенир из недавней вылазки.

— Мой государь, я полагаю, — начал он льстиво, растягивая слова, — что нашим воинам вскоре захочется... более грандиозных забав в человеческом мире. Преграды, судя по всему, истончились, и те из нас, кто преодолел их, не встретили по ту сторону серьёзных противников.

Душистый Горошек улыбнулся. Он знал, что его эльфы пробовали проникать сквозь врата в мир людей: одни перепрыгивали через красные камни в Ланкре, другие просачивались сквозь порталы возле деревушек на Меловых холмах. И нигде не встретили никакого сопротивления — опасаться приходилось лишь маленьких рыжих человечков, которых хлебом не корми, дай подраться с эльфом. У эльфов и пикстов есть одна общая черта: если им не с кем драться, они начинают драться друг с другом. А уж мелкие ссоры в Волшебной стране — дело самое что ни на есть обычное. Даже кошки и те лучше уживаются друг с другом¹.

И ещё эльфы умеют обижаться. Лелеять обиду, дуться — их любимое развлечение. Но где бы они ни

¹ Принято считать, что эльфы похожи на кошек. Однако кошки способны действовать сообща — например, они могут поделиться друг с другом крупной добычей, которую в одиночку не съесть. Эльфы же в подобных обстоятельствах ссорятся и дерутся так самозабвенно, что в это время кто-то вполне может тихо умыкнуть мясо.

появлялись, они несли неприятности, вредили из чистой вредности. Воровали овец, коров, иногда собак. Только вчера Горчичное Зёрнышко потехи ради увёл с пастбища барана и выпустил его в посудной лавке. Эльф просто со смеху покатился, глядя, как баран опустил рога и ринулся на полки с фарфором, прямо как... как баран.

Но все эти набеги были так, пустяки — выходка там, пакость тут. Нет, надо показать этому миру, на что на самом деле способны эльфы. Возможно, размышлял Душистый Горошек, настала пора для великого похода — похода, о котором эльфы сложат песни и будут петь их ещё много лет.

На его остром лице промелькнула улыбка. Душистый Горошек взмахнул рукой, отчего его туника сделалась кожаной, отделанной мехом. За поясом торчал арбалет.

— Мы посадим весь их мир на поводок наших чар! — рассмеялся он. — Ступайте, мои эльфы, продолжайте свои шалости и набеги. Но когда нынешняя растущая луна станет полной и сила её достигнет расцвета, мы выступим все вместе. И этот мир снова станет нашим!

Тиффани смотрела, как Белладонна просыпается. Вчера Тиффани приготовила для неё новое укрепляющее снадобье — хорошую порцию отвара обратнo-летних трав¹, который погрузил эльфийку в крепкий

¹ До заваривания травы выглядели довольно-таки ядовито-зелёными. Но результат обычно стоит зелени.

сон на весь день и дал её организму возможность восстановиться силы.

И заодно, так уж вышло, это позволило Тиффани спокойно обойти дома, не переживая о том, что могут натворить Фигли в её отсутствие. «А если дать ей этого отвара ещё раз, наверное, у меня даже хватит времени слетать в Ланкр и проверить, как справляется Джеффри», — подумала она. Фигли никогда не причинят вреда спящей пленнице, а вот если она не будет спать... Стоит Белладонне хотя бы шевельнуть изящным пальчиком в неправильную сторону, привычки пикстов могут взять верх. Да Тиффани и сама не слишком ей доверяла...

— Сегодня мы немного пройдемся, — сказала она, когда проснувшаяся Белладонна потянулась и огляделась. — Думаю, тебе пора повидать людей.

Ведь как Тиффани могла объяснить бывшей Королеве эльфов устройство этого мира, если Белладонна целыми днями наблюдала только стены сеновала и нескольких до предела взвинченных Фиглей?

И они отправились в деревню. Путь их проходил мимо пивной, где угрюмые посетители тарасились в свои кружки и время от времени выуживали оттуда червей, мимо маленьких лавок, мимо горы черепков возле магазинчика госпожи Рухни «Тарелки и блюда круглый год». Пройдя деревню насквозь, они двинулись дальше по дороге на пастбища. Тиффани попросила отца рассказать людям, что она думает взять девушку себе в помощницы, чтобы варила снадобья, поэтому никто на них в упор не глазел, но она знала, что на самом деле люди смотрят и от их взглядов ни одна

мелочь не укроется. Поэтому, прежде чем отправляться на прогулку, Тиффани настояла, чтобы Белладонна приняла менее вызывающий вид: с её платья исчезли бантики, рюшечки и ленточки, а на ногах вместо изящных туфелек появились нормальные башмаки.

— Я наблюдала за людьми, — сказала Белладонна, когда они возвращались на ферму и шли вверх по склону холма, — и я их не понимаю. Например, одна женщина дала какому-то бродяге пару пенсов. Зачем она это сделала, он ведь ей никто? Я не понимаю.

— Так у нас принято, — объяснила Тиффани. — Волшебники называют это эмпатией: ты как будто становишься на место другого человека и пытаешься посмотреть на жизнь его глазами. Думаю, это зародилось в глубокой древности, когда людям приходилось каждый день сражаться, чтобы выжить, и им нужно было, чтобы кто-то сражался вместе с ними. Благодаря этому мы, все сообща, сумели уцелеть — и даже преуспеть. Люди нуждаются друг в друге, только и всего.

— Да, но для чего та старушка отдала свои деньги? В чём её выгода?

— Ну, возможно, у неё, как мы это называем, стало немного легче на душе оттого, что она помогла кому-то, кто нуждался в помощи. Глядя на бродягу, она поняла, что её собственная жизнь не так плоха, ведь ему-то приходится гораздо тяжелее. И, наверное, после этой встречи она воспрянула духом.

— Но бродяга выглядел вполне здоровым, он мог бы сам заработать эти пенсы, а она отдала ему свои.

Белладонне нелегко давалась человеческая концепция денег — сами эльфы могли в любой момент наколдовать столько золота, сколько нужно, что и делали¹.

— Это правда, — признала Тиффани. — Такое бывает. Возможно, бродяга на самом деле просто лентяй и бездельник, но старушка всё равно ушла с ощущением, что сделала доброе дело, а значит, она хороший человек. И не все нищие такие.

— В вашем мире есть король Веренс, — продолжала Белладонна. — Я наблюдала за ним когда-то. Он никогда не указывает людям, что им делать.

— Ну, зато у него самого есть жена, которая указывает ему, — рассмеялась Тиффани. — Так уж люди устроены. Все люди, даже бароны и лорды, короли и королевы. Между нами и нашими правителями действует своего рода соглашение: мы не возражаем, чтобы они правили, пока нас устраивает то, что они делают. Раньше люди много сражались, но в конце концов поняли, что лучше жить в мире со всеми вокруг. Потому что в одиночку нам не выжить. Мы, люди, нуждаемся в других, чтобы оставаться людьми.

— А ещё я заметила, что ты не слишком часто используешь магию, — сказала Белладонна. — Хотя ты ведьма. Тебе дана сила.

— Понимаешь, мы, ведьмы, обнаружили, что силу и могущество лучше не брать с собой, когда выходишь

¹ Правда, существовало оно недолго, как вскоре обнаруживал каждый, кому попадало в руки волшебное золото. Обычно до утра, что давало возможность провести весёлый вечер в пивной. А потом ещё один, куда более весёлый вечер, если тебя снова занесёт в то же заведение.

из дому. Магия — штука коварная, она может извернуться и натворить бед. Но если окружить себя другими людьми, у тебя появятся друзья — люди, которым ты нравишься и которые нравятся тебе.

— Друзья... — повторила Белладонна. Некоторое время она обдумывала слово и его смысл, потом спросила: — А я — друг тебе?

— Да, — сказала Тиффани, — ты могла бы стать мне другом. — Она оглядела прохожих на дороге и предложила: — А попробуй-ка вот что! Смотри, вон та старушка несёт тяжеленную корзину, а дорога идёт в гору. Подойди и помоги ей занести корзину на холм. Увидишь, что будет.

Эльфийка не на шутку испугалась:

— А что мне ей сказать?

— Скажи: «Позвольте, я помогу, госпожа».

Белладонна содрогнулась, но перешла на другую сторону дороги и заговорила с женщиной. До Тиффани донеслись слова старушки:

— Ты так добра, милая девушка, спасибо тебе большое, что решила помочь бабушке. Да хранят тебя боги!

К удивлению Тиффани, Белладонна не только помогла старушке поднять корзину на холм, но и понесла ношу дальше по дороге. Тиффани услышала, как бывшая Королева спросила:

— Как вам живётся, госпожа?

Старушка вздохнула:

— Потихоньку, полегоньку... Муж-то мой уж много лет как помер, но я шью неплохо, вот этим и зарабатываю. Милостыню просить не приходится. Худо-

бедно на жизнь хватает, да и домик у меня свой. Как говорится, грех жаловаться...

Старушка пошла дальше, а Белладонна осталась смотреть ей вслед. Вдруг она попросила Тиффани:

— Ты не могла бы дать мне немного денег? Пожалуйста!

— Видишь ли, — сказала Тиффани, — у ведьм деньги редко водятся. Деньги — это не по нашей части.

Белладонна просияла:

— Но я могу помочь! Я же эльф, я без труда смогу проникнуть туда, где водятся деньги!

— Даже не думай! — отрезала Тиффани. — Неприятностей не оберёшься.

Из придорожной травы донеслось ворчание: «Эт' токо ежли тебя сграбастают», но она сделала вид, будто ничего не слышала.

— Мы куды хошь пролезнём, — добавил другой Фигль¹.

Белладонна пропустила слова Фиглей мимо ушей, её мысли занимало другое.

— У этой старухи совершенно ничего нет, а она такая весёлая. Чему она радуется?

— Тому, что жива, — ответила Тиффани. — Это ещё одно свойство людей: обходиться тем, что есть. И порой то, что есть, оказывается очень хорошо. — Она немного помолчала и спросила: — Что ты чувствовала? Ну, когда несла корзину?

¹ Это правда, пробраться они могли куда угодно. Другое дело — выбраться, особенно оттуда, где ещё остались крепкие напитки.

Белладонна не сразу нашлась с ответом.

— Не знаю... — медленно проговорила она. — Но кажется, я чувствовала себя как-то не по-эльфийски... Это хорошо?

— Знаешь, — сказала Тиффани, — волшебники говорят, что когда-то очень, очень давно люди были больше похожи на обезьян. А быть обезьянами — это они очень умно придумали, потому что обезьянам ведь всё интересно. И вот они поняли, что если одна обезьяна попытается убить, скажем, волка, то она быстро станет мёртвой обезьяной, а если две обезьяны объединятся, то будут вполне счастливы, и у них появятся другие счастливые обезьяны, так что скоро их станет много-много. И эти довольные жизнью обезьяны лопотали, болтали и говорили, пока в конце концов не стали людьми. Вот так и эльф может измениться.

— Когда я верну себе власть над моим королевством... — начала Белладонна.

— Постой, — перебила Тиффани. — Сначала подумай и скажи, почему ты хочешь её вернуть. Что хорошего тебе принесла королевская власть? Подумай как следует, ведь я — человек, который выходил тебя, и твой единственный друг. — Она серьёзно и внимательно посмотрела на Белладонну. — Я же говорила, что я, то есть мы, будем рады, если ты снова станешь Королевой эльфов, но только при условии, что ты запомнишь полученные здесь уроки. Научишься жить в мире и объяснишь своему народу, что всё изменилось, что им больше нет места на этой земле.

В её голосе звучала надежда — надежда на то, что один человек и один эльф могут изменить историю людей и эльфов.

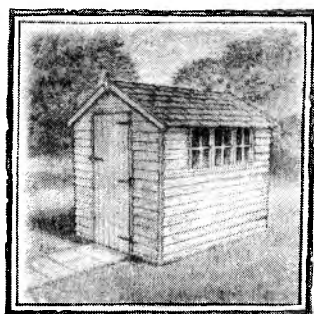
Принцесса не обязательно должна быть белокурой и голубоглазой, и размер её туфель не обязательно должен быть меньше, чем число прожитых лет, думала Тиффани.

Люди же научились доверять ведьмам и не бояться одиноких старушек, живущих в лесу, старушек, которые провинились лишь тем, что давно лишились всех зубов и имеют привычку разговаривать сами с собой.

Так может быть, и эльф сумеет понять, что такое милосердие, сумеет научиться человечности?

— Если ты узнаешь больше, возможно, однажды тебе захочется построить совсем другое королевство, — мягко сказала она.

Глава 16

ХОХОТУН ВБОКВЕЛЛ

Старики, живущие поблизости от матушкиного домика, быстро прикипели душой к Джеффри. Если нянюшку Ягг и Тиффани они уважали, то Джеффри по-настоящему любили.

Порой они подшучивали над ним — как-никак он занимался бабьим делом, — но стоило Джеффри оседлать метлу и умчаться за горизонт, как они теряли дар речи. Тем более что мальчик порой и козлика брал с собой в полёт, пристраивая его у себя за спиной, вместо того чтобы запрягать в тележку.

Как бы ни был занят Джеффри, он непременно выкраивал минуту, чтобы поболтать с ними, и в любом гараже, куда он заглядывал, для него всегда находилась миска горячей похлёбки или стакан чая, а для Мефистофеля — немного печенья. Козлик стал любимцем стариков, хотя после того случая, когда кто-то интереса ради подпоил его пивом, они немного опасались.

лись Мефистофеля: к изумлению зрителей, козлик исполнил несколько изящных пируэтов и напоследок так лягнул молодое деревце, что переломил его пополам.

— Ничего себе! Прямо как эти парни, которые укуш^у своим всё крушат! — воскликнул Вонючка Джим.

— А ты не напугал чего? — засомневался Шамк Трясучка. — Укуши — это вроде еда такая заграничная.

— А-а, ты, наверное, имел в виду это их рукопашество, ай-кидну, — вмешался Капитан Усмирл.

— Точно! — согласился Вонючка Джим. — Его один тип на ярмарке в Ломте показывал.

— В Ломте так много кто может, — сказал Шамк Трясучка, содрогнувшись. — Жуткое место этот Ломть¹.

Они немного посидели молча, раздумывая о Ломте. На базаре в Ломте можно было найти всё, что угодно. Один человек как-то раз выставил там на продажу свою жену — решил узнать, какова ей на самом деле цена в базарный день. В итоге вернулся домой без жены, зато с подержанной тачкой, очень довольный таким обменом.

Потом старики посмотрели на обломок деревца и решили, что Мефистофель — чудный козлик, но с его питанием лучше не шутить.

Чудный козлик тем временем жевал себе траву у забора пивной, будто ничего особенного и не случи-

¹ И правда, считалось, что большинство жителей Ломтя малость не в своём уме, и вообще для остальных ланкрцев они были отрезанным ломтём.

лось. А когда дожевал, проев там целую тропу, — потрусил искать Джеффри.

В то прекрасное утро Джеффри зашёл навестить Хохотуна Вбоквелла. Тиффани уже много недель пыталась вылечить бурсит на стопе старика, но бурсит упорно сопротивлялся всем её усилиям, так что она уже подумывала махнуть рукой на свои принципы и применить магию. И вот, пока Тиффани была на Меловых холмах, Джеффри решил сам провести господина Вбоквелла. Он застал старика у задней двери его дома — тот только что вышел, собираясь пойти к старому амбару. Если бы с Джеффри была Тиффани, господин Вбоквелл тут же вернулся бы в дом, но сейчас он вместо этого поманил юношу за собой. И тогда-то, глядя, как старик хромает по тропинке к амбару-развалюхе в своих старых солдатских башмаках, Джеффри и увидел, в чём дело.

— Да чтоб меня! — воскликнул Хохотун Вбоквелл, когда юноша вытащил у него из башмака гвоздь, который не давал старику покоя. — Если б я знал, что дело в этом, я б и сам давно с ним расправился! Спасибо тебе, парень.

Старик Вбоквелл жил один уже так давно, что никто и не помнил, чтобы у него когда-то была семья. Одевался он всегда очень аккуратно — в большом городе, возможно, даже прослыл бы щёголем. Если не считать рабочего комбинезона, тщательно выстиранного, но с застывшими навек потёками краски, одежда старика сияла чистотой, как и его домишко. В безупречно прибранной гостиной висели написанные маслом портреты людей в старомодных одеждах —

Джеффри предполагал, что это родители старика, но никогда о них не расспрашивал. За что бы Хохотун Вбоквелл ни брался, он делал это на все сто. И хотя он был человеком очень замкнутым, к Джеффри он привык и относился по-свойски.

В сарайчике, который старик Вбоквелл построил рядом с амбаром, тоже царила чистота. На полках ровными рядами стояли горшочки и жестянки из-под табака, помеченные аккуратными ярлычками. Инструменты висели на стенах строго по ранжиру, все как один чистые и наточенные. Тиффани старик никогда не пускал дальше гостиной, зато Джеффри достаточно быстро удостоился приглашения на чай с печеньем в сарайчик.

Ни один из стариковских сараев, где доводилось бывать Джеффри, не походил на другой, каждый отражал характер своего владельца, а уж характер этот, вырвавшись из-под навязчивого женского присмотра, проявлялся во всей красе. В некоторых сарайчиках царила жуткая беспорядок, громоздились обрезки и обрывки, валялись недоделанные вещи. В других было почище — например, сарай Капитана Усмирила всегда ломился от кистей и холстов, но там во всём чувствовался порядок.

Однако такого безупречно прибранного сарая, как у Хохотуна Вбоквелла, не было ни у кого. Потому-то Джеффри сразу заметил, что там чего-то не хватает. В сараях всегда можно было увидеть недоделанную работу хозяина, а часто и не одну, — наполовину сколоченную кормушку для птиц или полуразобранную тачку с одной новой оглоблей. Но у старика Вбоквел-

ла ничего такого не было. А когда Джеффри поинтересовался, над чем тот сейчас работает, старик отвечал неохотно.

— Что вы задумали, господин Вбоквелл? — спросил Джеффри. — Я же вижу, вы над чем-то долго размышляете, и знаю, что вы у нас большой мыслитель.

Хохотун кашлянул:

— Ну, видишь ли, парень, я собираю машину. Всякие там кормушки для птиц, подставки для кружек и прочее мне не интересны. А вот машины... — Он умолк и внимательно посмотрел на Джеффри. — Я тут подумал: а что, если она поможет против нынешних неприятностей...

Джеффри спокойно дождался, пока старик допьёт чай и примет решение. Наконец господин Вбоквелл встал и отряхнул крошки с коленей. Потом он достал припасённые нарочно для таких случаев метёлку и совок, аккуратно смёл крошки с пола, выбросил их, помыл и вытер кружки и расставил на полке. И только тогда открыл дверь:

— Не хочешь взглянуть, парень?

Пока Джеффри прихлёбывал из кружки в гостях у старика Вбоквелла, Летиция, баронесса Меловых холмов, пила чай в обществе Маграт, королевы Ланкра, явившейся как снег на голову. Маграт прилетела на метле, украшенной штандартом Ланкра — два медведя на чёрно-золотом поле, — чтобы ни у кого не возникло сомнений, что это королевский визит. В качестве подарка она привезла охалку роз из сво-

его замка. Летиция и её слуги немедленно ударились в панику — баронесса особенно распереживалась из-за паутины, которая запуталась даже у неё в волосах.

Маграт улыбнулась дрожащей Летиции и сказала:

— Дорогая, я прилетела не как королева, а как ведьма, которой я всегда была и всегда буду. Так что не переживай, если приём вышел не слишком торжественным. Немного пыли по углам ничего не значит. Да в моём собственном замке кое-где полно пыли, должна признаться. Ну, ты сама знаешь, как оно бывает.

Летиция кивнула. Она и правда знала, как оно бывает. Взять хоть водопровод. Ей даже думать было страшно о том, какое всё в этом замке древнее. Вода в туалетных трубах имела привычку клокотать в самое неподходящее время. Роланд даже грозился, когда дойдут руки, доработать водопровод так, чтобы лязг, громыханье и бульканье во время утренних походов в уборную складывались в какую-нибудь мелодию.

Тем не менее она подняла маленькую армию домашних слуг по тревоге, и вот уже обе благородные дамы восседают рядышком в зале, вдыхая торфяной дым из камина — в замке даже летом стоял жуткий холод, поэтому камины в нём были огромные, и чтобы протопить их, требовалось несколько молодых деревьев. С кухни принесли спешно собранный поднос с чаем и закусками — и разумеется, с хлеба не забыли срезать все корки, чтобы бутерброды вышли достойными благородных дам. Маграт вздохнула, понадеявшись, что Летиция хотя бы велит отдать обрезанные корки птицам.

Стояло на подносе и блюдо с несколько кособокими кексиками¹.

— Это я вчера сама испекла, — сказала Летиция с гордостью. — По рецепту из новой кулинарной книги нянюшки Ягг «О жирной и здоровой пище». — Она слегка покраснела и невольно коснулась лифа платья, который не мог скрыть, что, когда всем раздавали округлости, Летиция стояла в хвосте очереди.

Маграт осторожно взяла кексик в бумажной формочке: некоторые нянюшкины рецепты подразумевали весьма необычные ингредиенты, а у Маграт и так уже было трое детей. Из вежливости откусив крохотный кусочек, она завела обычную светскую беседу. Две благородные дамы обменялись любезностями, Маграт не забыла похвалить акварель, на которой Летиция изобразила Мелового Великана. Фигура Великана, вырезанного на склоне холма, была запечатлена с удивительным вниманием к деталям, особенно то-место-где-нет-штанов. Нянюшке бы точно понравилось, подумала Маграт.

Потом она перешла к делу.

— Что ж, — начала королева Маграт, — уверена, говорить об этом излишне, дорогая, но мы в Ланкре по горло сыты эльфами. Надо что-то делать.

— Ах, дорогая, — отозвалась Летиция, — должна признаться, нас они тоже донимают, было столько жалоб за последнее время! Роланд даже собирался

¹ Неопровержимый факт: где бы и когда бы ни встретились две знатные дамы, при встрече непременно должны быть поданы маленькие кексы. Иначе потолок обрушится им на головы, не иначе

написать госпоже Болен и спросить её, что она намерена предпринять. Он сейчас как раз поехал изучать ущерб, который нанесли эти налётчики.

Летиция вздохнула. Она понимала: для того чтобы арендаторы почувствовали, что барон не сидит сложа руки, мало просто осмотреть разрушения, сочувственно поцокать языком и спросить: «И давно у вас такое творится?» Ей удалось исподволь внушить Роланду мысль, что он должен не просто показаться людям, но засучить рукава и задержаться, чтобы поднять моральный дух, а ещё лучше — проставить всем по кружке пива после работы и проявить себя не столько правителем, сколько другом.

— Конечно, у нас тут хватает крепких мужчин, — добавила она, — но они бóльшую часть времени заняты работой на фермах. Все были бы очень признательны, если бы другие ведьмы пришли на помощь.

— А это, увы, означает, что мы не можем остаться в стороне, — сказала Маграт, выделив голосом «мы» и тем самым ловко повернув разговор в нужную сторону.

Летиция, похоже, растерялась:

— Но вы же знаете, что я не могу называться настоящей ведьмой.

Маграт критически оглядела баронессу. Летиция была вся какая-то водянистая, прямо хотелось взять её и выжать, как бельё после стирки. Но ведьмы бывают всех форм и размеров. Например, нянюшка Ягг и Агнесса Нитт — толстушки¹, а фигура и рост Длин-

¹ Причём что касается Агнессы, это ещё очень мягко сказано, толстушкой её называют только друзья

ной Дылды Толстой Коротышки Салли вообще меняются с каждым приливом и отливом — и это, кстати, лишний раз говорит о силе воды.

— Дорогая, ты себя недооцениваешь, — сказала Маграт. — Я понимаю, каково это. Наверное, ты думаешь, что тебе не по силам добиться успеха в ведьмовском деле. Мы все через это проходим, для девушек сомневаться в своих силах совершенно нормально. Но Тиффани рассказывала мне о тебе. Лично я не знаю, что бы со мной стало в доме с вопящими привидениями. Разве не ты дала безголовому призраку тыкву, чтобы ему было что носить? А завывающему скелету — плюшевого мишку, чтобы успокоить бедняжку? Ты думаешь, ты не настоящая ведьма, но я всей душой чувствую обратное. Мне бы в твои годы такие возможности!

— Но я же баронесса. Знатная дама. Я не могу быть ведьмой.

Маграт, не сдержавшись, издала звук наподобие: «Хуррмпф!»

— А я — королева, — сказала она. — И это ни сколько не мешает мне быть ведьмой, когда необходимо. Пришло время оставить мысли о себе и о том, кто мы есть, и взяться за дело, каким бы неприятным оно ни было. Тиффани не одолеть эльфов в одиночку. Это война, и она будет идти и идти, если только мы не встанем против них всем миром.

Летиция впитала её слова, как губка.

— Конечно, вы правы, — сказала юная баронесса. — И Роланд, естественно, согласится со мной — он всегда соглашается. Можете на меня рассчитывать.

— Хорошо, — кивнула Маграт. — Я привезла на этот случай кольчугу — надеюсь, она подойдёт тебе по размеру. Скажи, когда ты сможешь отправиться в Ланкр? Думаю, нам всем нужно собраться и обсудить положение. Ты умеешь летать или тебя подбросить?

Тиффани подгоняла метлу. Она услышала от людей в деревне, что старая госпожа Горлиц лежит при смерти, и её переполняло чувство вины. Да, у неё два удела. Да, ей надо было разобраться, как поступить с Белладонной. Да, она совсем не отдыхала. Но она не навещала старушку больше недели, а за неделю та вполне могла сойти на нет.

Белладонна сидела у неё за спиной, её острые эльфийские глаза замечали всё. От неё не укрылось, что земли у семейства Горлиц совсем немного и почва там такая бедная, что остаётся только удивляться, как они вообще умудряются на ней что-то выращивать, а кормит их по большей части небольшое стадо овец, пасущееся на лугу у ручья.

Их встретил Сид Горлиц, младший из сыновей. В своей новенькой железнодорожной униформе он отчего-то казался меньше ростом. К удивлению Тиффани, он привёл домой своего друга, с которым они познакомились на работе.

Белладонна отшатнулась.

— Фу, гоблин! Прямо в доме! Всё провонял... — произнесла она с отвращением.

Тиффани захотелось оттащить её за уши.

— Это очень уважаемый гоблин, — резко сказала она, хотя и сама почуяла запах гоблина сразу же, едва

они вошли, даже сквозь напластования других запахов, давно и прочно обосновавшихся в этом неряшливом жилище.

Гоблин сидел, закинув ноги на стол, и что-то грыз — кажется, куриную ножку, которую до него уже погрызли кошки или кто-то ещё. Тиффани кивнула ему и добавила, обращаясь к Белладонне:

— Друг Сида.

— От-Свистка-Пар, госпожа, — весело представился гоблин. — С железом и сталью работаю, и...

Но Сид перебил его:

— Ты пришла провести бабушку, Тиффани? Она наверху, в постели.

Старая госпожа Горлиц и правда лежала в своей постели, и, насколько могла судить Тиффани, встать с этого ложа ей было уже не суждено. Она сделалась совсем маленькой и слабой, лишь морщинистая кожа да кости. Тонкие, иссохшие пальцы судорожно цеплялись за края лоскутного одеяла. Тиффани взяла старушку за руку и попыталась сделать то небольшое, чем могла помочь ей: выманить боль прочь из измождённого тела...

И тут внизу поднялся жуткий переполох.

— Сид! Эти гадские эльфы, или кто они там, только что побывали у ручья! И теперь вода в нём грязная и жёлтая, в нейдохлая рыба плавает! Надо срочно отогнать оттуда овец! — В голосе господина Горлица звучало отчаяние.

Когда топот внизу стих, Тиффани снова сосредоточилась, чтобы забрать ещё немного боли у умирающей. Но тут к ней подошла Белладонна.

— Я не понимаю, — сказала бывшая Королева. — Тот... гоблин побежал вместе с людьми.

— Это называется «помогать», — резко ответила Тиффани — всё её внимание уходило на то, чтобы удержать в повиновении чужую боль. — Помнишь?

— Но гоблины и люди не любят друг друга, — не унималась Белладонна.

— Я ведь сказала тебе, От-Свистка-Пар — друг Сиды. Но на самом деле тут вообще не важно, кто к кому как относится, — произнесла Тиффани. — Важно то, что они выручают друг друга в беде. Если бы в гоблинском лагере случился пожар или ещё что-нибудь, люди бы пришли на помощь гоблинам. — Она посмотрела на лицо госпожи Горлиц — старушка уже засыпала. — Послушай, мне надо выйти на минутку. Ты не могла бы побыть с госпожой Горлиц? Дай мне знать, если она проснётся.

Белладонна явно пришла в ужас:

— Но я... я не могу! Я же эльф! Я и так уже несла ту корзину. Я не могу... помогать ещё одному человеку!

— Почему? — спросила Тиффани. — От-Свистка-Пар вон только что пошёл помогать. Неужели эльфы хуже гоблинов?

У неё не было времени на пустые споры. Тиффани быстро сбежала вниз по лестнице, выскочила наружу и метнула комок боли в кучу камней, приготовленных для строительства стены.

Раздался грохот — как-никак, боль была очень сильная. Наверное, шум разбудил госпожу Горлиц, потому что, когда Тиффани поднялась наверх, оказалось, что умирающая проснулась и попросила пить.

Старушка смотрела на Белладонну из-под припухших век и слабо улыбалась, протягивая руку к чашке.

— Спасибо тебе... добрая девочка...

Добрая? Добрый эльф?

Белладонна прижала ладони к животу и подняла глаза на Тиффани.

— Кажется, началось... — тихо сказала она. — Что-то тёплое появилось вот тут, во мне... Будто огонёк...

Тиффани улыбнулась, успокаивающе погладила госпожу Горлиц по руке и отвела Белладонну в сторонку.

— Мне нужна твоя помощь, — тихо сказала она. — Эльфы наложили злые чары на ручей, а он протекает через земли нескольких фермеров... Ты можешь очистить его? — Она помолчала и добавила: — Я твой друг, Белладонна, и я прошу тебя помочь. Фигли могут перегнать овец подальше, но снять чары способна только ты.

Белладонна гордо выпрямилась.

— Чары Душистого Горошка? — спросила она. — Мне не составит труда их развеять. У этого эльфа нет настоящей силы. Да, я помогу тебе, Тиффани. Ты ведь мой... друг.

Последнее слово в её устах прозвучало странно, но не было сомнений: Белладонна понимала, что говорит.

И она отправилась вместе с Тиффани на луг. По пути пришлось миновать двор, полный перепуганных овец, которые благодаря вездесущим Фиглям только что установили новый рекорд на дистанции «берег

ручья — загон», причём какой-то ягнёнок преодолел этот путь на одной ножке.

Вдвоём они спустились к бурлящим водам ручья, и Белладонна сделала так, что тот снова стал прежним.

А крохотный огонёк у неё внутри разгорелся жарче...

Старый амбар господина Вбоквелла оказался битком набит всевозможным оружием, оставшимся на память от самых разных войн. Всё оно хранилось ухоженным, смазанным, каждый предмет был снабжён аккуратным ярлычком.

— Я его собираю, — гордо пояснил старик Джеффри. — С каждой войны, где участвовал, я что-то да принёс, и со стороны кое-что добыть удалось. Оружие всегда надо держать под рукой. Ну, то есть я ничего не имею против троллей и гномов, но мы же не раз сражались с ними в прошлом, так что лучше быть готовым ко всему. Кто-то что-то не то ляпнул, р-раз — и мы уже по колено в гномах. А они могут так снизу наподдать, что только держись. С этими их низовыми атаками надо глядеть в оба.

Джеффри в оstonбении разглядывал коллекцию. Повсюду, куда ни глянь, были орудия смерти. А этот милый улыбчивый старичок, с которым они только что гоняли чай, оказывается, готов в любую минуту встретиться с врагом, особенно если этот враг — не человек. И это — Хохотун Вбоквелл? Страшно подумать, каков бы он был, если бы его звали Пугачом Вбоквеллом?

— На токарном станке я настоящий мастер, — похвалился старик.

— Токарный станок... — повторил Джеффри. — А когда вы обтачиваете на нём что-то железное, во все стороны летят мелкие такие опилки, да?

— Точно. Главное, глаза от них беречь, — улыбнулся Вбоквелл. — Но и от них польза может быть.

Тут он заколебался и чуть было не увёл Джеффри прочь из амбара, но потом желание похвастаться взяло верх: старик просто не мог не показать юноше своё творение.

— Подойди-ка сюда, парень, — сказал он. — Взгляни одним глазком. Я не хотел никому давать смотреть, пока не закончу, но тебе-то можно.

В дальнем конце амбара стояло что-то большое, укрытое брезентом. Вбоквелл подвёл Джеффри туда и сдёрнул брезент. Джеффри ахнул.

Машина смахивала на гигантского кузнечика. На одном конце её был противовес, на другом — большая кожаная праща.

В изумлении разглядывая машину, Джеффри вдруг понял, что уже видел похожие на картинках в книгах господина Виггала.

— Опасная, наверное, штука, — заметил он.

— Да уж надеюсь, — усмехнулся Вбоквелл. — Всегда хотел себе такую, с тех пор как повидал их в деле. У гномов была похожая штуковина, так она и тролля завалить могла. Гномы, они кой-чего в войне понимают, это я как большой специалист по обороне от маленьких противников тебе говорю. — Он

смущённо кашлянул. — А тут посмотрел, как парни в пивной танец с палкой и ведром¹ отплясывают, ну, меня и осенило...

— Понятно, — сказал Джеффри.

— Капитан Усмирил очень хорошо о ней отзывается, — добавил старик. — Мы с ребятами завтра хотим её испытать, где-нибудь подальше от зевак.

Эти старики не так просты, как кажутся, подумал Джеффри. Если они старые, это ещё не значит, что они не могут быть сильными.

¹ Танец, который ни в коем случае нельзя исполнять в присутствии женщин. Если вы хоть раз видели танец с палкой и ведром, то знаете почему.

Глава 17

ВЕДЬМЫ СПОРЯТ

Приоткрыв незапертую дверь, лорд Ланкин неслышно входит в древний ветшающий замок, идёт вверх по скрипучим ступеням, задувая свечи в канделябрах. Дверь детской тоже не закрыта на засов, он отворяет её и входит. Молодая нянька, качающая колыбель, поднимает взгляд, смотрит ему в глаза и достаёт из корзинки с шитьём острую булавку...

В парадном зале Ланкрского замка, в окружении друзей и союзников Тиффани и другие ведьмы разрабатывали план битвы.

Собрать всех было нелегко. Джефффри превзошёл себя: чтобы привести подкрепления отовсюду, откуда только возможно, он часами летал по округе, разнося послания от Тиффани всем до единой ведьмам, которых она только знала.

Прибыли даже гости из Анк-Морпорка — слепая госпожа Тюхе, Длинная Дылда Толстая Коротышка Салли и госпожа Пруст. Чуть в стороне от старших держались молодые ведьмы — Аннаграмма Ястребей, Петулия Хрящик, Поплина Бубён, Гарриетта Жулинг и другие. Под бдительным присмотром королевы Маграт баронесса Летиция отмечала каждую новоприбывшую в списке, который дала ей Тиффани.

Оказалось, пользоваться поддержкой настоящей королевы очень удобно: когда госпожа Увёртка, едва переступив порог, попыталась командовать налево и направо, Маграт тут же это пресекла, поскольку, как выяснилось, даже госпожа Увёртка не могла противостоять монаршей властности. Но иметь дело со множеством ведьм сразу — всё равно что нести поднос, полный мелких шариков. Ведьмы отлично умели наступить друг дружке на мозоли, поэтому по всему залу то и дело вспыхивали мелкие склоки, затухали и разгорались вновь. Ведьмы понимали, что ведут себя глупо, но ничего не могли с собой поделать.

Джеффри тут пришёлся как нельзя кстати. Стоило завязаться ссоре, как он сразу оказывался рядом с нужным словом и тёплой улыбкой. Смотреть на него за этой работой было одно удовольствие, отметила Тиффани. Он прямо-таки источал умиротворение.

— Дамы, — громко сказала Тиффани, призывая всех к порядку. — Давайте перейдём к делу. Эльфы вернулись, и на этот раз их целая армия. И если мы не остановим их как можно скорее, нас ждут большие неприятности. Я знаю, что некоторые из вас уже имели дело с эльфами, — она отыскала взглядом Маграт

и нянюшку Ягг, — но большинство нет. Поверьте мне, это грозный противник.

Белладонна, в своём «деревенском» платье, скромно стояла в сторонке. Выглядела она не слишком грозно, но несколько самых старых ведьм сверлили её неприязненными взглядами, словно от неё исходил дурной запах.

Госпожа Увёртка открыла было рот, чтобы вмешаться, но её опередила Петулия:

— Тифф, ты уверена, что стоит обсуждать наши планы в присутствии эльфа? Это не опасно?

— Не волнуйся, детка, — вмешалась нянюшка Ягг. — Если наша подружка попытается выкинуть что-нибудь этакое, сразу — бабах! Небольшой фейерверк, и эльфа как не бывало.

— Я слышала, в прошлый раз, когда пришли эльфы, вмешался их Король, — сказала Аннаграмма Ястребей. — Это правда? — спросила она нянюшку.

— Ну да, вмешался, хотя считай, что и не вмешивался. Тиффани уже ходила к нему, и похоже, Старый Рогач не хочет лезть в наши дела. В любом случае рассчитывать на него не стоит, — ответила та.

— В его царстве время течёт иначе, — пояснила Тиффани. — Даже если он и согласится помочь нам, это может быть сегодня, а может — через месяц или через год.

— А как же волшебники? — спросила какая-то ведьма. — Почему они не пришли нас поддержать?

Нянюшка фыркнула:

— Ха! Эти бездельники! Да пока они заклинание состряпают, эльфы уже через Овцепики перевалят

и дальше покатятся. — Она уселась поудобнее и потянула носом. — Нет, придётся нам, ведьмам, самим разбираться. Этим волшебникам задницу от стула ни почём не оторвать, они ж только и могут что сидеть, уткнувшись в свои книжонки.

Последнее слово она произнесла с нескрываемым презрением, выразительно глянув при этом на госпожу Увёртку, которая была известна пристрастием к писательству¹.

Маграт поспешила вмешаться, чтобы предупредить склоку:

— А ещё мы с Веренсом призовём под ружьё всю армию Ланкра.

— Ну да, моего Шончика то есть, — горделиво кивнула нянюшка.

Шон Ягг исполнял в замке обязанности армии, а также мойщика бутылок, дворецкого, садовника, трубача и — хотя как раз эти обязанности он с радостью бы передал кому-нибудь другому — чистильщика уборных.

— А Джейсончик наверняка подкинет нам подков — он же как-никак кузнец, — добавила она на тот случай, если кто-то этого вдруг не знал.

Джеффри вежливо кашлянул.

— Мы с пожилыми ланкрцами кое-что придумали, — негромко сказал он. — У нас есть... одна штука, которая, мне кажется, поможет против эльфов.

— А ещё есть Ходжесааргх, — напомнила Маграт.

¹ Большинство ведьм, занятых повседневной работой, считают, что лучшее место для книги — на гвоздике в уборной.

Ходжесааргх, королевский сокольник, обладал удивительной и полезной особенностью: чары эльфов на него, похоже, совершенно не действовали. Возможно, это потому, что он очень много времени проводил со своими обожаемыми птицами и сам стал мыслить почти как сокол, а сокол отказывался пускать в свой разум других хищников. Люди сходились во мнении, что только поэтому его питомцы до сих пор не выклевали сокольнику глаза.

Госпожа Увёртка самоуверенно рассмеялась:

— Так за чем же дело стало, позвольте спросить? Нас тут вполне достаточно, чтобы справиться с горсткой эльфов. — И она с презрительно покосилась на Белладонну.

Тут вспылила нянюшка:

— Да ничего нас не достаточно! Сколько нас тут? — Она оглядела зал. — Десять, двадцать, может, чуть больше, если считать Джеффри, Летицию и тех, кто ещё только учится. А опытных ведьм, которые чего-то стоят, и половины не наберётся. Эльфы — твари хитрющие. Пёрнуть не успеешь, как они напустят на тебя свои чары. Они окутывают разум тихо, незаметно. Даже Эсме Ветровоск с трудом им противостояла. У неё на борьбу тогда все силы ушли, а вы помните, сколько у неё сил-то было. В тот раз она их остановила — но всё дело висело на волоске. Эльфы — страшный враг, мои дорогие. Лучше бойтесь их. Они... забираются к тебе в голову и очаровывают.

— Я это на себе ощутила, — поддержала нянюшку Маграт. — Эльфы могут заставить тебя почувствовать

себя маленькой и никчёмной. Это такой ужас, что никакими словами не передать.

— Боюсь, вы преувеличиваете, — заявила госпожа Увёртка. — Не вижу в этом, — она опять неприятно глянула на Белладонну, — ничего особенно чарующего.

— Сразу видно, что ты волшебный народ никогда не встречала! А то бы шрамы на память остались, — немедленно взъелась нянюшка. Лицо её приобрело весьма необычайный оттенок, и Тиффани поспешила вмешаться, пока дело не дошло до драки:

— Дамы, дамы! Я думаю, вам стоит попробовать самим испытать магию эльфов. Белладонна, ты готова напустить на нас чары?

Ведьмы хором ахнули, сообразив, что предлагает Тиффани.

— Но будь осторожна, Белладонна. Очень осторожна, — добавила она. — Те из нас, кто уже имел дело с чарами, будут смотреть за тобой в оба. Я очень надеюсь, что всё пройдёт хорошо.

Белладонна улыбнулась, и Тиффани заметила, что улыбка была совсем не доброй.

— Послушайте, — обратилась Маграт к остальным, чтобы действие чар не застало их врасплох. — Быть ведьмой — значит всем сердцем верить в себя и быть за себя в ответе. И, наверное, лучше приглядывать друг за дружкой, когда чары начнут действовать.

— Я вас умоляю! — фыркнула госпожа Увёртка. — Я сама себе хозяйка, всегда была и всегда буду. Что бы вы там себе ни думали, я ведьма и не верю в сказки.

— Ага, ты только их пищишь, — вставила нянюшка сладеньким голоском.

— Но я не пытаюсь выдать выдумку за правду, — парировала госпожа Увёртка. — Нет ничего плохого в том, чтобы писать сказки, если не утверждаешь, что они правда.

Нянюшка Ягг посмотрела ей в глаза и подумала: «Ну что ж, посмотрим, как ты сейчас запоёшь».

— Итак, — сказала Тиффани, — все готовы?

Кто-то сказал «да», кто-то просто кивнул, и она повернулась к эльфийке:

— Белладонна, покажи нам свои чары.

Тиффани сжала в кармане пастушью корону — сейчас ей понадобится вся уверенность в том, кто она такая. «Йин, тон, тетра, — стала считать Тиффани про себя. — Йин, тон, тетра...»

Белладонна начала исподволь. Её маленькое лисье личико деревенской девчушки постепенно, понемногу наполнилось внутренним светом, делалось красивее, изящнее... И вдруг оказалось, что она — самое прекрасное создание в зале.

Чудеснейшее.

Великолепное.

Завораживающее.

Потрясающее.

Воздух загустел от чар, Тиффани почти слышала, как ведьмы пытаются сражаться с ними. Самые неопытные — Аннаграмма, Петулия, Летиция, Поплина и Гарриетта — как-то обмякли, лица их сделались бессмысленными, будто у кукол.

Петулия, как и многие другие ведьмы, сначала почувствовала, что мир принадлежит ей, весь, до самого

донышка, со всем, что в нём есть... И вдруг её мечта рассыпалась. *Да что она о себе вообразила? Её никто не любит, никому она не нужна. Она — полное ничтожество, от неё никакого проку. Никому не нужна. Всем известно, что она вообще ничего не умеет, у неё никаких способностей. Лучше бы она умерла. Лучше бы её свиньи в болоте затоптали, даже умереть под копытами свиней, и то было бы лучше.* Петулия закричала...

Тиффани двинулась к Белладонне, и тут чары исчезли — словно мыльный пузырь лопнул. Все в зале ошарашенно заморгали. И только госпожа Увёртка выглядела совершенно невозмутимой.

— Что это было? — начальственным тоном спросила она. — Что это вы все сейчас выделявали?

— Госпожа Увёртка, вы разве не ощутили себя маленькой, гадкой и никому не нужной? Полностью и безнадёжно никчёмной? — спросила Тиффани.

На лице госпожи Увёртки отразилось искреннее недоумение:

— Нет.

Белладонна посмотрела на неё, а затем на Тиффани и пояснила:

— Это было всё равно что биться о стену. В ней есть что-то особенное. Точнее, в ней чего-то не хватает. — Она снова повернулась к госпоже Увёртке. — А ты точно не эльф? — спросила она с интересом.

— Да как ты смеешь! Я — Летиция Увёртка, и никто не заставит меня перестать быть собой!

— Вот и хорошо, что не заставит, — вмешалась Тиффани. — Зато все остальные ощутили на себе ча-

ры. И это, заметьте, были чары одного-единственного эльфа. Только представьте, каково иметь дело с целой ордой.

— Я как будто встретился со своим отцом, — сказал Джеффри. — У меня в ушах звучал голос, который говорил, что я ни на что не способен и ничего из меня не выйдет. Жалкий червяк, по которому никто не заплачет. Моему отцу невозможно угождать.

Его слова разнеслись по залу, и на лицах ведьм отразилось понимание. Каждая из них ощутила нечто подобное.

Теперь, когда Белладонна показала свои чары и вновь нацепила непритязательную маску деревенской девушки, споры среди ведьм почти прекратились.

— Что ж, ведьмы, — сказала Тиффани, — мы знаем, с кем имеем дело. Мы должны прогнать эльфов прочь из нашего мира. Вряд ли мы сумеем перебить их всех. — Она неуверенно помолчала. — Поэтому нам остаётся только заставить их понять, что одолеть нас будет непросто и лучше держаться подальше от этого мира. Пусть вернутся туда, откуда пришли.

— А сколько у нас времени на подготовку? — спросила королева Маграт.

Тиффани вздохнула:

— Неизвестно. Но я чувствую, что они явятся уже очень скоро.

Тут на середину зала вышла Белладонна.

— Время, — сказала она, — наступит в полнолуние. Ибо полнолуние — это время, когда всё... завершается.

— Значит, нынче ночью... — прошептала Маграт.

— Что до места, — продолжала Белладонна, — то, если я хоть немного знаю Душистого Горошка, он нападёт везде, где барьеры ослабли.

— Что скажешь, Тифф? — спросила нянюшка Ягг. — У вас на холмах они уже шастают. И к нам в Ланкр тоже пробирались, мимо Плясунов.

Белладонна кивнула:

— Они начнут вторжение через оба портала. А потом рассеются повсюду. — Она содрогнулась.

Тиффани повысила голос:

— Значит, мы должны дать им отпор здесь, в Ланкре, и на Меловых холмах. — Она оглядела зал. — Придётся разделиться.

— Можешь положиться на меня, — заявила нянюшка Ягг. — Я всегда была не прочь подраться. Какая ты ведьма, если драться не умеешь? Нам бояться нечего — пусть они боятся. Стоит эльфа завалить и хорошенько пнуть, с него враз всё очарование слетает. У них-то ведь тоже есть чувствительные места, где удар крепким башмаком очень славно помогает.

Тиффани невольно покосилась на нянюшкины башмаки — выглядели они так, будто их не сшил сапожник, а выковал кузнец. И очень даже возможно, что так и было — принимая во внимание, чьи это были башмаки. Один удар такого башмака — и прощай, эльф. Может, это его и не убьёт, но очарование сшибёт напрочь.

— Эльфы знают, где расположены камни, — сказала Тиффани. — Но, Гром и Молния, лучше бы им туда не соваться. Ведь мы тоже знаем, где камни,

а мы, люди, существа сообразительные и вдобавок можем больно пинаться. Когда нам не оставляют выхода. — Она повернулась к Белладонне, которая внимательно наблюдала за собранием. — Белладонна, что скажешь?

Бывшая Королева улыбнулась:

— Вы, люди, — странные создания. Порой мягкотелые и глупые, но при этом грозные противники. Вас так мало, а эльфов против вас — намного, намного больше. И всё же я думаю, этот предатель Душистый Горошек понятия не имеет, с какой силой ему предстоит столкнуться. И мне это нравится.

Тиффани кивнула. Маграт, нянюшка Ягг, госпожа Увёртка с её удивительной устойчивостью — кто бы мог подумать, что за всеми её оккультными украшениями и модными нарядами скрывается такая сила! — остальные ведьмы Ланкра, госпожа Пруст, Джеффри и Мефистофель. Должно получиться.

— Думаю, вы все сообща сможете отстоять Ланкр, — сказала она, оглядев собравшихся, — однако мне придётся вернуться на Меловые холмы. Это моя земля.

— Но позволь спросить, кто поможет тебе там, на холмах? — поинтересовалась госпожа Увёртка.

— Ну, — начала Тиффани, — не стоит забывать о мисс Тик. Уверена, вы все согласитесь: учитель — страшная сила. Кстати, она просила передать свои извинения за то, что не смогла к нам присоединиться.

«Или передала бы, если бы я сумела её разыскать», — вздохнула про себя Тиффани.

— Кроме того, мне поможет Летиция. — Она оты-

скала юную баронессу, которая постаралась напустить на себя отважный вид. — И, конечно, сама земля. Но у меня есть и другие могущественные союзники. Нам не придётся сражаться в одиночку.

Тиффани уже давно посматривала на мётлы, составленные у двери. И хотя Фиглей никто не приглашал, ей удалось разглядеть среди прутьев Явора Заядло и немало воинов его клана. Тиффани улыбнулась. Должно быть, они прибыли «зайцами» с Маграт и Летицией.

— Уважаемые дамы, — торжественно провозгласила она, — позвольте представить вам... Нак-мак-Фиглей!

Ведьмы зашушукались: зал затопила толпа маленьких человечков, щеголявших синими татуировками и клетчатыми килтами.

Многие ведьмы никогда раньше не видели Фиглей. Тиффани расслышала, как нянюшка громким шёпотом посоветовала Маграт:

— Убери в подвал всё, что горит и льётся!

— Ах ты, бессердна карга как есть! — простонал Большой Человек, который прекрасно это расслышал.

Маграт рассмеялась:

— Явор Заядло, да ты прямо ходячее воплощение войны! Добро пожаловать в мой замок, но, пожалуйста, не надо пить всё подряд. По крайней мере, пока мы не победим в этой войне.

— От теперь ты дело гришь, красавка... тойсь ваше кральство. Хде война — там Фигли!

— Раскудрыть! — вразной взревели его воины.

Большой Человек дождался, пока крики стихнут, и заявил:

— Знатца, мы с эльфьями обходимся тыкс: сшибай всех — и пошла потеха!

Фигли снова разразились одобрительными воплями, потом вперёд выскочил Громазд Йан:

— И позарубайте себе на носьях: мы, Фигли, перед этими вертихвостыми господами не стелемся, мы им сразу люлей даём по самое не моги!

— А моя Мораг, — добавил Хэмиш, — как хряснетя кому на кумпол сверху, так он сразу брыкс! Она красавка тяжелющая и клювс и когти у ней ого-го!

— Радуйтесь, что они на нашей стороне, — сказала Тиффани, неодобрительно посмотрев на госпожу Увёртку, надменно взиравшую на Фиглей. — Не всё то золото, что блестит, — лучших воинов во всём нашем мире не сыщешь.

Ей оставалось только надеяться, что госпожа Увёртка не расслышала шепотки:

— Эт' она чё? Мы разве како злато стырили? — спросил Туп Вулли.

— Эт' выражёвывание тако, тупитл. Вродь как неумытые мы, — объяснил Явор Заядло.

— Но мы неумытые и есть! И этим гордые! — заявил Туп Вулли.

— Эт' ж идиом!

— Ты кого идиомом названул?!

Тиффани рассмеялась про себя — похоже, кельда попыталась вложить в головы своих мужчин несколько новых выражений.

Явор Заядло выхватил меч (одна-две ведьмы испуганно попятились), запрыгнул на стол и с грозным видом оглядел зал.

— Ах-ха, тута с вами и господарка Белладонна, — сказал он. — Нашая кельда и мала громазда карга порешили, что с этой эльфью надо по-хорошенски обходиться, так что мы её не тронем. И всё ж таки, — добавил он, пристально глядя на бывшую королеву, — мы будем призывывать за ней в оба, нае, во все глазья, сколько их у нас есть. Нашая кельда — она стелет мяконько, аж прям так мяконько, что будто камень. Она никому нипочём не даст обещанье порушить.

— Но, господин Фигль, вы уклонились от темы! — вмешалась госпожа Увёртка. — Это военный совет, нам следует обсудить тактику и стратегию!

— Агась, судяйте на здоровье! А мы, Фигли, с штратегиями не морочимся. Знай себе коли-рубай чучундров, да так, чтоб им повылазило, а ежли не вышло — балдой работай, и всех делов!

Заметив, как вытянулось лицо госпожи Увёртки, Тиффани весело спросила:

— Как думаете, вы сможете поработать головой, госпожа Увёртка?

Ведьма адресовала ей Взгляд и гордо заявила:

— Смогу, если посчитаю нужным.

К удивлению Тиффани, остальные ведьмы встретили её слова с восторгом и даже похлопали ей, и в кои-то веки госпожа Увёртка от души заулыбалась.

— А этой мопсике поперёх путю не шлындрай! — заметил Явор Заядло.

— Ах-ха, — поддержал его Громазд Йан. — У ней зубья как у волчуньи.

— Ну что, подавай сюды этих эльфьёв, мала громазда карга, ужо мы им наваляем боки! — крикнул

Большой Человек, и Фигли вновь разразились воинственными воплями, вскинув свои мечи и дубинки:

— Нак-мак-Фигли не сдаются!

— Громазд подзадник для всего чучундрачества!

— Долой королька! Долой кральку! Нас не окрутнёшь!

Тиффани улыбнулась:

— Если Белладонна права, эльфы явятся уже этой ночью, когда на небе засияет полная луна. Дамы... и Джеффри, — обратилась она к ведьмам, — ступайте по домам и отдохните немного. А мне надо лететь в мой удел. Доброй ночи и удачи вам всем.

— Да осияют наш путь звёзды и оберегут нас благоприятные руны! — с важным видом провозгласила госпожа Увёртка — она всегда старалась, чтобы последнее слово оставалось за ней.

Тиффани любила маленькую комнатку, в которой она выросла. Родители не стали там ничего менять. Когда не было дождя или сильного ветра, Тиффани спала с открытым окном.

Вернувшись домой, усталая после долгой дороги, полная тревоги из-за предстоящих испытаний, но исполненная надежды передохнуть хотя бы несколько часов, она была счастлива очутиться в своей комнатке, такой родной и знакомой. Комната давала ей силы, давала чувство, что она, Тиффани, наконец-то очутилась там, где ей место. Ведь она — Болен.

«Встаю с постели — Болен, иду спать — опять же Болен», — прошептала она с улыбкой. Так любил говорить её отец. Это была их семейная Шутка.

В детстве Тиффани закатывала глаза, услышав Шутку в очередной раз, но теперь мысль о ней согрела её.

А на полке в комнате стояла фарфоровая пастушка¹.

Матушка Болен.

Рядом Тиффани положила пастушью корону.

От Болена к Болену, от старшего к младшему.

Земля Под Волной... Так переводилось имя Тиффани с языка Фиглей. Тир-вар-фойн, Тиффан, звала её кельда. В самом звуке её имени была заключена магия, настоящая магия изначальных времён.

Ночь была тиха и ласкова. Тиффани говорила себе, что надо хоть немного поспать, иначе потом она будет совершенно без сил. Но она просто лежала в темноте, Эй прижималась к её боку в поисках тепла, а снаружи ухали совы, опять и опять, словно предупреждали о чём-то...

За окном поднималась полная луна, огромный серебристый круг, который засияет в небесах и станет маяком для эльфов.

Веки Тиффани смежились...

А душа её перенеслась в меловую яму. В руке Тиффани лежала пастушья корона, её пять гребней сверкали в свете луны, и раковина сияла, словно аквариум по ту сторону времени.

Тиффани слышала рёв древнего моря в изгибах крохотных раковин, превратившихся в мел холмов у неё под ногами.

¹ И мы не знаем, откуда она там взялась, — потому что в конце книги «Маленький свободный народец» Тиффани закопала её рядом с остовом пастушьей кибитки матушки Болен. (Примеч. пер.)

Она качалась на его волнах...

К ней приближалась огромная рыбина — зубастая, уродливая, страшная.

Тут в её голове подал голос доктор Хлопстел¹.

— Дунклеостей*, — пояснил он, когда создание величиной с дом проплыло мимо. Потом: — Мегалодон*.

Мегалодон тоже был огромным и явно очень плотоядным — такого множества зубов зараз Тиффани никогда в жизни не видела. Следом явились морские скорпионы, покрытые бронёй, вооружённые клешнями. Но никто не обращал на Тиффани никакого внимания. Казалось, она имеет право быть здесь.

А потом внимание Тиффани привлекло совсем небольшое создание, ошетилившееся множеством синих игл.

— Эхиноидея*, — подсказал доктор Хлопстел.

— Верно, — подтвердило создание. — А ещё я — пастушья корона. Во мне скрыт кремень. И использовать меня можно по-разному. Некоторые зовут меня морским ежом, другие — чёртовым пальцем, но здесь, сейчас, на этом самом месте, зови меня пастушьей короной. Я ищу истинного пастуха. Где найти такого?

— Дай подумать, — услышала Тиффани собствен-

¹ Точнее, то, что от него осталось. Воспоминания этого древнего волшебника передались Тиффани после одного случая, когда она ещё только училась ведьмовскому ремеслу. Доктор Хлопстел владел многими языками и вообще был очень образованный и педантичный, так что его подсказки часто выручали Тиффани — например, когда надо было понять названия блюд в меню анк-морпоркского ресторана.

ный голос. — Я — Тиффани Болен, и мой отец — лучший из пастухов.

— Мы знаем его, — отвечало создание. — Он хороший пастух, но не самый лучший. Ты должна найти лучшего из лучших.

— Я всего лишь ведьма, — сказала Тиффани, — но я постараюсь помочь. Я много работаю, в основном ради других людей.

— Да, — сказала эхинодея. — Мы знаем.

«Я разговариваю с подводным жителем, — подумала Тиффани. — Это нормально?» Это был Здравый Смысл, не Задний Ум.

— Это странно, — заметил доктор Хлопстел. — Но не более странно, чем провалиться в кроличью нору с колодой карт*.

«Дайте-ка подумать, — сказали Задний Ум и Дальний Умысел. — Если бы говорящие морские создания были обычным делом, мы все знали бы об этом. Значит, это особенное явление, специально для меня».

И тут раздался голос из ниоткуда, словно сам Океан заговорил, преодолев бездну времени:

— Тиффани Болен — всем пастухам пастух, ибо она ставит других превыше себя.

И пастушья корона у неё в руке налилась теплом, засияла изнутри золотым светом. Семейная реликвия, передававшаяся из поколения в поколение — к матушке Болен, от неё — к Джо Болену, а теперь вот к Тиффани.

Море исчезло, и Тиффани снова очутилась в меловой яме, но волшебство не закончилось: медленно,

очень-очень медленно из мела высвободились кости, поднялись, и соединились, и сложились в два силуэта.

Гром и Молния, овчарки матушки Болен! Лучшие пастушьи собаки, каких знал мир! Лучшие собаки для лучшего из пастухов.

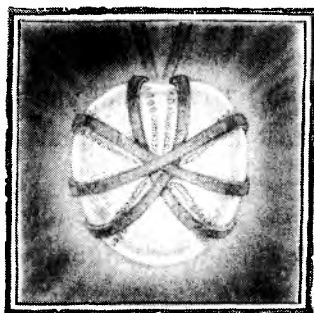
Они уселись у ног Тиффани, насторожив уши, и Тиффани почувствовала, что могла бы наклониться и погладить их. Но лучше не стоит. Потому что если она прикоснётся к ним, кто знает, не придётся ли тогда и ей уйти в мел вслед за ними, превратиться в груду костей в меловой толще?

— Рядом, Гром! Ко мне, Молния! — прошептала Тиффани, и знакомые команды наполнили её сердце отвагой.

И тут она проснулась. Эй лежала у неё в ногах, сделавшись тяжёлой и словно бы жидкой, как бурдюк с водой, за окном в тёмной кроне дерева горели совиные глаза... И кто-то стучал в оконную раму.

А полная луна величественно струила свет на каменные круги, указывая путь своим заблудшим детям, и они ехали верхом во всём блеске и славе...

Глава 18

ПАСТУШЬЯ КОРОНА

В окно заглядывал Явор Заяadlo.

— Хозяйка Тиффани, началось! — крикнул он. — Чучундры валят!

— Так кричи «Раскудрыть!» и поднимай весь клан! — велела Тиффани.

Из-под кровати выскочило несколько маленьких воинов, нёсших там караул. Один из них, похоже, прятался в её башмаке. Он принялся лупить кулаками шнурки с воплями:

— А ну, получите мал-мала люлей, вы, мерзавые извилищи!

«Башмаки... — подумала Тиффани. — В эту ночь я могла бы надеть башмаки матушки Ветровоск. Они придали бы мне смелости...» Но она тут же оборвала себя: «Нет! Это моя земля! Мои луга! Мои ноги! Мои башмаки! Мой путь!»

Она принялась спешно натягивать платье, ругая себя: «Ну почему я не догадалась лечь спать в одеж-

де? Какая я после этого предводительница защитников?»

Спотыкаясь, она кинулась обуваться, но тут почувствовала тяжесть в кармане своего тонкого чёрного платья. В кармане лежала пастушья корона. Но ведь перед тем, как лечь, Тиффани положила её на полку... Может, она, сама того не сознавая, успела сунуть корону в карман?

Она спросила вслух, обращаясь к луне:

— Что такое пастушья корона? Кому она служит?

И в голове возник ответ: «Тиффани Болен, Земле Под Волной».

Тиффани быстро обвязала корону кожаным ремешком и надела на шею, как подвеску. Она отправляется на битву, так пусть сила короны будет с ней, у самого сердца. Сила многих поколений Боленов. Сила матушки Болен. Сила пастухов всех времён.

Бегом спустившись по тёмной лестнице, Тиффани выскочила из дома и заперла за собой дверь. Кошечка Эй уже сидела с хитрым видом на её метле и мурлыкала — Тиффани даже не удивилась. Из сеновала, спотыкаясь, вышла Белладонна в сопровождении Чокнутого Крошки Артура.

И они полетели сквозь серебристую ночь. Белладонна держалась за пояс Тиффани, Фигли висели на прутьях, совы выстроились позади эскадрой пернатых союзников.

Нянюшка Ягг спала в своём доме в Ланкре, и её храпом можно было пилить брёвна. Вдруг раздался приглушённый взрыв, нечто вроде «Хрррумф!». Грибо проснулся и насторожённо принялся.

Нянюшка, в отличие от Тиффани, догадалась лечь спать одетой. Кто его знает, когда эти эльфы заявятся, рассудила она.

— Грибо, беги в замок и звони в колокол! — крикнула нянюшка.

Грибо мгновенно вылетел из комнаты, его размытый от скорости силуэт промелькнул по улицам Ланкра, волоча за собой шлейф неповторимого запаха. Стражник увидел мчащегося кота и рванул следом за ним на колокольню.

Едва раздался голос огромного колокола, замок озарился изнутри — в каждом помещении спешно зажигали свечи, и во всех домах столицы Ланкра скоро последовали их примеру. Колокол звонит! Что за напасть случилась?

В королевской почивальне его величество король Ланкра тёр глаза спресонок. Маграт ткнула мужа локтем:

— Быстро помоги мне надеть доспехи, дорогой! Пожалуйста.

Король вздохнул:

— Послушай, ну почему мне нельзя с тобой? Это же опасно!

Маграт улыбнулась ему той улыбкой, которой жёны одаривают любимых, но подчас таких несносных мужей. Они обсуждали эту тему уже тысячу раз.

— Ну, кто-то же должен остаться дома, — сказала она. — Это как в шахматах: королева защищает короля.

— Да, дорогая, — согласился король и открыл старый шкаф, где хранились доспехи королевы Инси.

Инси прославилась как самая воинственная и грозная королева в истории Ланкра. Хотя на самом деле её никогда не было. Но народ Ланкра посчитал, что это ещё не повод, чтобы не вписать королеву Инси в историю, поэтому был заказан её портрет, а заодно и доспехи. Эти доспехи защищали Маграт, когда эльфы в прошлый раз пытались напасть на королевство, поэтому она решила надеть их и сейчас.

Едва дверь шкафа распахнулась, в ушах Маграт послышался далёкий призыв к бою. Доспехи королевы Инси жили собственной жизнью и всегда сияли, даже в темноте. Веренс помог жене облачиться в кольчужную рубашку (про себя Маграт считала её кольчужной блузкой), королева обула сандалии на толстой подошве, снабжённые железными шипами, и наконец водрузила на голову крылатый шлем. Последней деталью была кожаная перевязь.

Веренс хотел обнять жену, но передумал. Слишком много на ней было шипов. Но он любил её до безумия и потому в последний раз попробовал убедить, что он тоже мог бы участвовать в надвигающейся битве.

— Маграт, любимая, — пробормотал он, — это же стыд и позор, когда король не может сражаться.

— Ты прекрасный король, Веренс, — твёрдо сказала она, — но это — дело ведьм. И кто-то должен позаботиться о людях и наших детях.

Королева — пока ещё всё та же Маграт, какой она была всегда, — ссутулилась под весом брони и прошептала волшебные слова:

— Инси, королева королев, сделай так, чтобы твои доспехи ничего не весили.

И сразу же почувствовала себя сильной, как никогда.

Она взяла арбалет в одну руку, помело — в другую и стремглав сбежала вниз по лестнице в парадный зал. Ведьмы, большинство из которых ещё пребывали в ночных рубашках, уставились на королеву во все глаза. Самые дикие догадки рождались в головах полуодетых сестёр, клубились в воздухе и повисали на стропилах.

— Подъём, девочки! — гаркнула Маграт голосом королевы Инси. — Вторжение началось, так что натягивайте боевые панталоны и готовьте мётлы! — Она сурово глянула на единственную ведьму, которая, к изумлению остальных, умудрилась полностью одеться за три минуты: — Вас это тоже касается, госпожа Увёртка!

В задних рядах началась какая-то суматоха, потом раздался грохот. Несколько ведьм остолбенели.

— Что происходит? — крикнула Маграт, по-прежнему голосом королевы Инси.

— Это просто Салли обе ноги в одну штанину панталон вдела! — объяснила госпожа Пруст.

Ведьмы окружили Салли, на тот момент низенькую и толстую, словно грозовая туча, задевающую брюхом землю, и быстро помогли ей встать на ноги.

Госпожа Увёртка с самодовольным видом заявила:

— Я смотрела звёздные карты. Знамения благоприятствуют нам.

— Да грош цена этим знамениям! — отмахнулась госпожа Пруст. — У меня их море. В конце концов, все мы ведьмы.

И тогда дух королевы Инси вселился в Маграт, и она вскричала:

— По мётлам!

Мефистофель осторожно тронул копытом Джеффри. Юноша вскочил и обнаружил, что старики-разбойники, заночевавшие вместе с ним перед боем в амбаре Вбоквелла, уже проснулись и, поскрипывая суставами, поднялись на ноги — кто-то бродил по амбару, кто-то справлял нужду в ведро.

Джеффри оглядел стариков. Почти весь вечер они кутили и рассказывали друг другу истории из тех времён, когда все они были молодые, красивые и здоровые и гораздо реже бегали до ветру.

Им удалось убедить своих жён отпустить их в увольнительную, наврав, что они собрались просто немного попить в амбаре и вспомнить былые деньки. Жёны, как водится, укутали мужей теплее — в толстые шарфы, варежки на резинках и вязанные шапочки (с помпонами, вот ужас-то!).

Капитан Усмирил, которого старики, не сговариваясь, выбрали в полководцы, скомандовал:

— Идём! Пора выкатить адское изобретение старины Вбоквелла из сарая!

Джеффри оглядел воинство капитана и мысленно вздохнул. Справятся ли они? Они ведь старики. А потом он подумал: «Да, они старики. Причём уже очень давно. А это значит, у них было время, чтобы многому научиться. Например, лгать, хитрить и, главное, прикидываться».

— Мы будем сражаться на склонах гор. Мы будем

сражаться на скалах. Мы будем сражаться на высоких холмах и в глубоких долинах¹. Мы никогда не сдадимся!* — проревел капитан Усмирил, и старики поддерживали его криками.

— Они у меня попляшут! — заявил Шамк Трясучка, взмахнув ржавым штыком, который, в соответствии с его именем, так и трясся в его руке. — Ох, попляшут, говорю я вам!

Джеффри запряг Мефистофеля в его тележку (козлик фыркнул), куда старики вечером, прежде чем начать пьянствовать, сложили какие-то загадочные мешки, и они вышли из амбара вслед за остальными.

Капитану Усмирилу не было нужды говорить своим воинам, чтобы держались тихо. Они и так шли тихонечко. Чего они не умели, так это быстро бегать. Тихо-тихо они вошли в лес и добрались до места, где стояла замаскированная ветками машина Вбоквелла.

Джеффри смотрел, как они выволокли её на поляну, окружённую кустами. Она застыла там, грозная, выжидающая. Словно гигантское насекомое.

С очень большим жалом.

Лорд Ланкин ликовал. Его воины танцевали вокруг Плясунов. Они прыгали то внутрь круга, то прочь из него и, образно выражаясь, натягивали нос Трубачу, Барабанщику и Прыгуну, самым знаменитым из камней. Барьеры ослабли, а очарование эльфов сделалось... убийственным.

¹ Всего этого в Ланкре было пруд пруди, так что у Капитана имелся широкий выбор полей для битвы. Правда, очень неровных.

— Они даже не встретили нас здесь, — злорадствовал Ланкин. — Глупые людишки! Один мощный бросок через этот лес — и мы в сердце Ланкра! И полная луна на нашей стороне!

В серебряном свете луны эльфы, одни пешими, другие верхом, под звон бубенцов и побрякивание упряжи стали спускаться с холма к лесной опушке.

Но когда они уже почти достигли деревьев, на тропу перед ними вышел совсем ещё молодой человек. Возле него Ланкин увидел какое-то животное. Это был козёл.

— Кто ты такой, мальчишка? — царственно спросил эльф. — Уйди с дороги. Ты стоишь у меня на пути, а я — эльф и эльфийский лорд. Беги, куда не навлёт на себя мой гнев!

— Честно говоря, — сказал Джеффри, — я не вижу причин бежать. И советую вам, господин, повернуть назад. Возвращайтесь, откуда пришли, иначе очень пожалеете.

Лорд Ланкин расхохотался:

— Мы заберём тебя с собой, мальчишка. Там, у нас дома, ты изведешь страшную пытку за то, что осмелился перечить эльфийскому лорду.

— Но почему, господин? Я не хочу вам зла. Я безоружен. Неужели мы не можем решить всё миром? Похоже, мои слова огорчили вас, и я приношу свои глубочайшие извинения. В конце концов, ведь все мы тут цивилизованные люди...

Джеффри пытался уговорить эльфа, но это было всё равно что пытаться примирить молот и наковальню.

— Ну, всё, теперь ты и правда вырыл себе могилу, глупец! — завизжал Ланкин.

— Я так не думаю, — спокойно ответил Джеффри. — Я всё про тебя знаю, господин. Я не в первый раз встречаю таких, как ты. Ты из тех, кто запугивает и подавляет. О да, я всё знаю про запугивание! Всю жизнь меня пытались запугать и заставить подчиняться. И поверь мне, ты не самый страшный из тех, с кем мне доводилось иметь дело!

— Ты — ничто, мальчишка! Мы в любом случае уберём тебя. И почему с тобой козёл, скажи на милость? Они ведь глупые животные.

Джеффри почувствовал, как умиротворение покидает его. Он — ничтожество. Жалкий червяк. Ничёмный бродяга. Беспомощность охватила его, словно он снова стал маленьким ребёнком. И пока эльф говорил, другие слова эхом прозвучали в голове Джеффри: «Даже если я оставлю тебя в живых, цена тебе — грош». Их произнёс голос отца, и Джеффри замер, будто окаменев.

— Ты плачешь, малыш? — спросил эльф приторно-сладким голосом.

— Нет, — сказал Джеффри. — А вот ты того гляди заплачешь.

Потому что он заметил рыжий лисий хвост, украшавший кожаную перевязь эльфа, и в его душе проснулся гнев.

— Мы вам... не *дичь*! — твёрдо сказал он, огромным усилием воли сбросив чары.

Он щёлкнул зубами, и Мефистофель бросился на эльфа.

Это было словно смертоносный балет на ускоренной перемотке: Шашлыкозлище взвился в воздух, изящно извернулся и пустил в ход сперва зубы, потом копытца и, наконец, рога. Ланкин оказался во власти безжалостного вихря: удары сыпались на него со всех сторон, его подбрасывало в воздух и швыряло туда-сюда, а прочие эльфы держались в стороне, боясь подступиться.

И когда избитый эльфийский лорд очутился на земле, Джеффри сказал ему:

— Ты просто жулик. И я разгадал твой фокус. — Он обернулся и крикнул в сторону леса: — Дух мы из него вышибли, господа. Пора вышибить отсюда его самого!

Ветви раздвинулись, послышалась команда старого Вбоквела:

— Шляпы не снимать, ребята, глаза прикрыть!

«Даннг!» — басовито запела машина, и воздух заискрился от мельчайшей железной стружки, смертельным дождём обрушившейся на эльфов словно из ниоткуда.

Шамк Трясучка радостно завопил:

— Вот они у нас попляшут, когда их со всех сторон накрыло! Вот попляшут-то!

— Шлам, — одобрительно заметила нянюшка Ягг, затаившаяся с другими ведьмами в лесу чуть в стороне от дороги, чтобы в нужный момент «взять эльфов в клещи», как называл этот манёвр капитан Усмирил (с другой стороны скрывался в засаде ведьмовской отряд госпожи Увёртки). — Железная пыль, — пояснила нянюшка своим спутницам. — Очень мелкая. Умно

придуманно. Посыпь эльфов такой пылью — и мир для них наполнится болью. Эти крошечные кусочки железа проникают везде. То есть вообще везде, если кто не понял.

Ланкрская Машина с Палкой и Ведром запела снова. И снова. И каждый «Данннг!» сопровождался боевыми кличами, которым позавидовали бы и Фигли. Старики будто разом сбросили груз своих лет. Это был их звёздный час.

А из эльфов и впрямь чуть не вышибло дух, и они бросились прочь, визжа от боли. Жгучий, нестерпимый металл сдирал с них чары, эльфы падали и корчились на земле. Многие ползли назад, на холм, где стояли Плясуны. Те же, кому удалось избежать железной пыли, оказались между двух отрядов ведьм, как в тисках.

С одной стороны на них обрушилась Маграт, и мало эльфам не показалось. Доспехи защищали её от чар, арбалет бил точно в цель, с кончиков пальцев срывалось пламя. Она сжигала стебли тысячеглистника, и эльфы, оседлавшие их, чтобы напасть с воздуха, падали на землю.

С другого фланга атаковала госпожа Увёртка, и она оказалась поистине грозным противником — эльфы никак не могли забраться к ней в голову и терялись. Не замечая чар, она орала на прекрасных воинов, будто злобная школьная директриса. И ещё орудовала зонтиком. Эльфы удивлялись ещё больше, обнаружив на собственной шкуре, каким грозным оружием может быть открытый зонтик. Его металлические спицы безошибочно находили самые уязвимые места.

— Вы у меня запомните Железную Леди*! — зычно кричала госпожа Увёртка.

Она смерчем носилась среди эльфов, сшибая их на землю, а Салли, сделавшаяся очень толстой и тяжёлой, тут же садилась на упавших сверху и прыгала, как на диване. Госпожа Пруст тем временем применяла свои полезные мелочи, и эти мелочи на сей раз работали в точности так, как обещала реклама: ловили эльфийские чары в ловушки заклинаний, впитывали и обращали против них же.

Младшие ведьмочки старались поспеть везде, они коршунами пикировали на врагов, метали заклинания и взмывали обратно ввысь. Они жгли эльфов огнём, швыряли пыль в морды их лошадей и мutilировали животным разум, так что лошади пятились и сбрасывали седоков. И тогда в дело с хрустом вступала нянюшка Ягг в своих новых башмаках. Очень больших и сплошь утыканых гвоздями.

Петулия сошлась с каким-то эльфом в поединке иного рода: эльф пытался опутать её чарами, воздух между ними звенел и искрился от магии, а Петулия противостояла ему своим мягким голосом и твёрдой волей, её слова шелестели, навевая неодолимую скуку, убаюкивая эльфа, словно одну из её любимых свинок, пока он не рухнул к её ногам как подкошенный.

— Ха! Да с ними проще, чем со свиньями! — воскликнула Петулия. — Мозгов меньше. — И она повернулась к следующему противнику.

А когда битва ненадолго стихла, на поле боя явился Ходжесааргх, держа на руке свою любимицу — ги-

росокола по кличке Леди Элизабет, происходившую от прославленной Леди Джейн. Сокольный остожно снял колпачок с головы птицы, и Леди Элизабет радостно устремила на врагов, метя какому-то эльфу когтями между глаз. А потом она пустила в дело клюв...

В общем, битва за Ланкр продолжалась недолго. Всех уцелевших эльфов привели к королеве Маграт.

— Даже гоблины умнее вас — с недавних пор они трудятся с нами заодно. — Маграт в своих оцетинившихся шипами доспехах стояла перед пленными чужаками, высокая и могучая, и лунный свет серебрил крылья на её шлеме. — Довольно с нас ваших набегов. Вы могли бы заполучить всё. А теперь убирайтесь в своё жалкое царство. Возвращайтесь добрыми соседями* — или не возвращайтесь вовсе!

Эльфы испуганно съёжились. Но Ланкин, хотя от его боевого наряда остались одни лохмотья, а на теле запеклась кровь из многочисленных ран, оставленных страшной железной пылью, презрительно зашипел на своих соплеменников, ковыляя прочь.

— Вы выиграли битву, но не войну! — прорычал он, обернувшись к людям. — Мой повелитель Душистый Горошек ещё заставит этот мир склониться перед нами!

И эльфы ушли.

— Сдаётся мне, девочки, — серьёзно сказала нянюшка, — дела вот как обстоят. Мы лупим эльфов раз за разом, но они всё равно возвращаются. Но, может, оно и к лучшему? А то б мы ещё, чего доброго, ослабились и разленились. Спасибо эльфам, мы всегда

готовы сражаться. А жизнь была и есть одна сплошная борьба.

Но тут она весело рассмеялась, заслышав песню стариков-разбойников, как раз поднимавшихся на холм:

— Девушка одна щеботанская обожала коньяк и шампанское...

К счастью, капитан вовремя прикусил язык, вспомнив, что в этой песенке было дальше.

Наклонившись к нянюшке Ягг, он предложил:

— Они ведь из круга Плясунов пришли, да? Так давайте насыпем вокруг камней железных опилок¹. Тут и сказочке конец.

— А что, для начала неплохо, — одобрила нянюшка.

Но кое в чём Ланкин был прав: может, эльфы и проиграли битву за Ланкр, но война ещё продолжалась. Потому что за много миль в сторону Края от места этих событий Душистый Горошек, повелитель эльфов, выехал из круга камней на Меловых холмах во главе своих лучших воинов.

В кургане Фиглей творилось что-то несусветное — из каждого тёмного угла, из каждой щели лезли жалящие повоевать. Было жарко и очень шумно. Кто-нибудь мог бы сказать, что курган смахивал на встревоженный термитник-переросток (правда, если бы

¹ Остаётся загадкой, как у ведьм получится насыпать железных опилок возле Плясунов, ведь в книге «Дамы и господа» говорится, что эти камни притягивают железо. Говоря языком Круглого мира, Плясуны — очень мощные магниты и уже поэтому служат барьером для эльфов. (Примеч. перев.)

он сказал это при Фиглях, ему пришлось бы долго собирать на земле свои зубы), но, что ни говори, шуму от этого меньше не становилось. Происходящее также можно было бы назвать быстрым выдвижением авангардных частей на позиции, если бы не склоки, которые постоянно возникали в рядах маленьких воинов по давней, всем известной фиглевской традиции цапаться на ровном месте.

Когда к кургану подросли Тиффани с Белладонной, Фигли толпой валили в направлении пограничных камней.

Эльфы захватили портал.

И теперь скакали прямо к кургану: великолепная кавалькада дам и господ, сверкающая в лунном свете. В воздухе клубились чары.

Мисс Тик уже была на месте и ждала. Не просто мисс Тик, а мисс Тик с небольшой классной доской на складных козлах, умело сооружённых из нескольких веточек и обрывков верёвки. На доске значилось: «ПЛН». Как всякая учительница, мисс Тик не собиралась позволять никому перебивать её в ходе урока, что бы ни происходило, и в данный момент втолковывала что-то юным Фиглям, привязывая к своей метле какое-то странное и запутанное верёвочное сооружение.

— ...И запомните: ни в коем случае не порвите и не порежьте! — строго говорила она.

Не прошло и нескольких минут, как разразилась битва. Прямо-таки была всем битвам битва. Почувствовав лёгкие уколы невидимых игл, Тиффани поняла, что в воздухе разлито электричество. «Как это у эльфов хватило ума напасть перед самой грозой?» —

удивилась она. Неужели они забыли, как она однажды обратила гром и молнию против них? Небеса потрескивали от напряжения. Волосы на голове норовили встать дыбом. Она видела повсюду признаки надвигающейся бури, вот-вот хлынет ливень...

Ой-как-мал Билли Мордаст заиграл на визжали боевой гимн, выбрав тональность так, чтобы звук был невыносимым для ушей эльфов, и в ту же минуту со стороны Дверубахи раздался пронзительный паровозный свисток. Словно зверь из железа и пара взревел яростно: «Этот мир — не место для эльфов!»

Фигли и эльфы уже сошлись в бою, и ни те, ни другие не собирались щадить противников. Тиффани заметила, что Фигли применяют собственные боевые приёмы — например, забираются врагу под одежду и сражаются с ним изнутри. Эльфы терпеть не могут ходить в рванье, да и свежий фингал очарования никому не добавляет. Невозможно блистать с фонарём под глазом, подумала Тиффани.

Она вдруг расхохоталась: сыр по имени Гораций¹, которого ей уже довольно давно не доводилось видеть, не остался в стороне от битвы. Он тяжело накатывался на упавших эльфов, а следом к веселью подключалась молодёжь. Юные Фигли лупили врага преимущественно тяжёлыми башмаками², но использовали и свои многоразовые дубинки: изогнутые обрезки ногтей

¹ Гораций был сыром-сыроедом и приёмным членом клана Фиглей.

² Вероятно, новое поколение Фиглей сломало старые традиции — ведь прежде Фигли терпеть не могли обувь. (*Примеч. перев.*)

шмякали по голове какого-нибудь эльфа и, весело крутясь, возвращались обратно к хозяину. И да, вместе с братьями, даже более яростно, чем они, сражалась Мэгги. «Она прямо как маленькая Инси», — подумала Тиффани. Единственная девушка в клане Фиглей давно ждала шанса показать себя, и тем эльфам, что попадались ей на пути, приходилось ой как несладко. Это был крошечный шажок для девчушки-Фигля, но огромный скачок для всего фигледамского общества*

Мисс Тик летала над полем боя, странная сетка, привязанная к её метле, была полна юных Фиглей. Время от времени ведьма тянула за узелок, Фигль весело летел вниз, и бах! хрясь! шварк! — и в конце неизменно «Ааргх!» пристукнутого эльфа.

А ещё мисс Тик азартно поливала головы эльфийских скакунов из бутылочки с зельем, запас которого предусмотрительно наварила у себя в фургончике. Животное на мгновение замирало, потом варево действовало, глаза лошади съезжались, ноги разъезжались, и она тяжело падала на землю. Всадник при этом летел вперёд, через голову скакуна, а стоило ему распластаться на земле, как его облепляли Фигли.

Тут подроспела Летиция (её позвал летун Хэмиш) и неуклюже прыгнула с лошади. На лице её была решимость, поверх платья надета кольчуга, одолженная королевой Маграт. Летиция ступила на поле боя и не пошла, а каким-то образом заструилась среди эльфов. Словно богиня воды, она обтекала всё, что попадалось ей на пути, на первый взгляд безвредная, но неостановимая. И вдруг те лошади, что ещё держались на ногах, обнаружили, что увязли в трясине. А уж ока-

завшиеся поблизости Фигли позаботились, чтобы они там и остались.

Однако, несмотря на всё это, Фигли, мисс Тик и Летиция проигрывали битву. Тиффани понимала: сколько бы маленький свободный народец ни залезал в эльфийские подштанники и ни рвал их в клочья, Фигли были на грани поражения.

Белладонна указала ей Душистого Горошка на чёрном коне, и Тиффани полетела прямо к нему, чтобы сразиться. Приближённые повелителя эльфов, разглядев выражение её лица, бросились врассыпную.

А Душистый Горошек рассмеялся:

— А, девчонка, которая любит копаться в земле! Как же я рад тебя видеть!

Тиффани почувствовала хватку его чар, но гнев — полезная штука, а она была зла, очень зла, она ненавидела это хохочущее лицо. Такое самовлюблённое, такое эгоистичное. Лицо существа, для которого нет ничего превыше себя.

— Душистый Горошек — дурацкое имя для такого здорового эльфа, — сказала она с ребяческим вызовом.

Эльф вдруг спрыгнул с коня и мгновенно оказался перед ней с клинком в руке. Он больше не смеялся, в глазах горела злоба.

И тут чей-то голос произнёс:

— Не тронь её, Душистый Горошек.

Белладонна вышла вперёд. Очарование полностью вернулось к ней, она была великолепна. Лунный свет выкрасил серебром пряди её волос, заиграл на новых изящных крыльях. Она снова держалась по-

королевски и медленно переводила взгляд с одного приспешника лорда-предателя на другого. И такова была её сила и слава, что даже Фигли застыли как вкопанные.

— Как вы могли последовать за этим... изменником? — потребовала Белладонна ответа у своих подданных. — Я — ваша истинная Королева, и я говорю: напрасно вы это сделали. Есть... иные пути. — Она резко повернулась на месте, бархатные одеяния взметнулись вокруг её точёной фигуры. — Я многое узнала. А эта девушка... — она указала на Тиффани, — мой друг.

Тиффани не смогла предотвратить то, что случилось потом.

— Друг? — сплюнул Душистый Горошек. — Друг? У эльфов не бывает друзей!

Он взмахнул рукой, и изогнутый клинок с противным треском рассёк плоть Белладонны. Королева рухнула к ногам Тиффани. Одно невыносимо долгое мгновение Беладонна корчилась, с умопомрачительной быстротой меняя лица и обличья, то воплощаясь, то исчезая, и наконец застыла жалкой бесформенной грудой. Тиффани отшатнулась. Душистый Горошек убил Королеву эльфов! Хуже того — убил друга Тиффани.

Душистый Горошек с торжеством повернулся к ней, лицо его было хищным и безжалостным:

— Вот и нет больше у тебя друга!

Воздух внезапно заledenел.

— Ты убил одну из вас, чтобы добраться до меня, мерзкий эльф, — проговорила Тиффани. Её голос был

холоден, но раскалённый гнев бурлил внутри, готовый прорваться в любую минуту. — Она хотела попробовать жить по-новому, заключить союз с людьми, а ты убил её.

— Глупая девчонка! — крикнул Душистый Горошек. — Думаешь, что можешь противостоять мне? Надо же быть такой дуручкой! Наш народ хорошо знал ведьму, которая прежде стерегла границы и пределы вашего мира. Но ты — ты просто малявка, раздувшаяся от гордости из-за того, что тебе однажды повезло и ты случайно смогла одолеть эту неудачницу. — Он презрительно взглянул на обмякшее тело Королевы волшебного народа. — А теперь я убью тебя, и ты умрёшь здесь, рядом со своим другом. — Он выплюнул последнее слово, и его чары крадучись потянулись к ней, пробираясь в голову, опутывая разум...

Тиффани отшатнулась, и ей вспомнились слова нянюшки Ягг: «Матушка Ветровоск говорила мне, что это тебе, не кому-нибудь, придётся заботиться о будущем. А то, что ты молода, означает, что будущего у тебя ещё много». Похоже, матушка Ветровоск тоже иногда ошибалась. У Тиффани оставалось не так-то много будущего.

Она всех подвела...

Она пыталась быть ведьмой в двух уделах. И не справилась ни в одном, ни в другом...

Она явилась к Королю эльфов. Он прогнал её...

Она убедила Белладонну стать её другом. И вот Королева мертва...

Она стоит перед повелителем эльфов, и сейчас он убьёт и её...

Она заслуживает смерти...

Она одна во всём мире...

И тут она поняла. Она не заслуживает смерти. И она вовсе не одна. И никогда не будет одна. Никогда, пока стоит на своей земле. Это её земля. Земля Боленов.

Она — Тиффани Болен. Не матушка Ветровоск, но ведьма сама по себе. Она знает, кто она такая и как она хочет жить. У неё свой путь. И нельзя говорить, что она не справилась, ведь она ещё только начала...

Она выпрямилась. Замерла, словно ледяная статуя, кипя от гнева.

— Ты сказал, я люблю копать в земле, — проронила она. — Ну, так я убью тебя во имя этой земли.

Земля уже говорила с ней, наполняла её силой, и чары эльфа отступали, словно жалкие наваждения, а воздух потрескивал, будто в нём проскакивали молнии. Да, подумала Тиффани. Гром и Молния. Овчарки давно умерли, и их закопали в холмах возле матушки Болен¹, но их сила осталась с Тиффани.

Она твёрдо стояла на своей земле, чувствуя сквозь подошвы рокот древнего океана. Земля. Вода.

Тиффани вскинула руки:

— Гром и Молния, ко мне!

Огонь и Воздух. И стоило ей призвать овчарок, как сверкнула молния, загремел гром. Пастушья корона на груди Тиффани — центр её вселенной, душа

¹ И это странно, ведь из книги «Маленький свободный народец» мы знаем, что овчарки матушки исчезли после её похорон, когда пастухи сожгли кибитку: «И тогда — рассказывали — Гром и Молния вдруг наострили уши, встали и потрусили прочь. Больше их никто не видел». (*Примеч. перев.*)

и сердце её — засияла, золотой свет из её верхушки окутал ведьму, защищая и добавляя сил.

И небо расколосось надвое.

Никогда ещё мир не видел такой грозы. Она рушилась на землю безжалостно и мстительно, и эльфы бежали, точнее, пытались бежать, потому что на пути у них встали Нак-мак-Фигли, а маленький свободный народец эльфов не жаловал.

И Тиффани, стоя посреди боя, пока воздух содрогался от криков, вдруг подумала, что от неё уже ничего не зависит. Это ярость самих Меловых холмов выплёскивается сквозь неё.

Земная твердь под ногами дрожала, будто раненый зверь, рвущийся из силков. Пастушья корона пылала живым светом.

Пастушья корона, не королевская.

Корона той, кто знает, откуда она пришла.

Корона одинокого фонаря, бредущего во мраке ночи в поисках единственного заблудившегося ягнёнка.

Корона пастуха, оберегающего стадо от хищников.

Корона пастуха, способного управиться с самыми лучшими овчарками, каких знал мир.

Пастушья корона.

И снова Тиффани услышала голос из сна: «Тиффани Болен — всем пастухам пастух, ибо она ставит других превыше себя».

Король... нет, королева пастухов.

Она почувствовала: надо искупить перед короной то, что она позволила эльфам прийти и угрожать этой земле. И прошептала:

— Я — Тиффани Болен, мои кости и мел холмов — одно. Да очистятся холмы!

И мир изменился.

В Анк-Морпорке Гекс выплюнул расчёт для Думминга Тупса, и тот увидел в конце подчёркнутый ответ.

Молитвенный барабан в монастыре Ой-Донг повернулся, и монахи склонились в благодарном поклоне...

А в передвижном настоящем маленький мальчик взял маму за руку и сказал:

— Мама, большие бяки ушли...

В другой руке у него был деревянный паровозик, а на плече висел рюкзачок с инструментами. Возможно, в этом новом мире он станет инженером, подумала его мать.

А в Волшебной стране внезапно раздалось «Данннг!», словно лопнула нить, соединяющая два мира.

Битва всё ещё продолжалась — Фиглей, когда они разошлись, ничто не остановит, — и Тиффани шла сквозь неё, как во сне. Эльфы пытались бежать, но земля, похоже, удерживала их, и Тиффани прошептала:

— Мел холмов, приведи ко мне Короля эльфов.

Земля продолжала тяжело содрогаться, но ритм её танца изменился.

Пыль рассеялась, и перед Тиффани предстал сам Король. Тот же удушливый запах, те же длинные во-

лосы, те же ветвистые рога — обознаться было невозможно. Ох уж этот запах! Он был словно самостоятельное существо. Но с другой стороны, подумала Тиффани, это запах жизни. Жизни по-мужски.

Огромная фигура нависла над ней.

— Ну и ну, ведьма Тиффани! Не могу сказать, что рад видеть тебя снова. Но, должен признать, тебе удалось меня... удивить. Впрочем, ты уже не в первый раз это делаешь, — задумчиво добавил он. — В прошлый раз я удивился, когда обнаружил твой подарок. Этот... сарай... гараж. Зачем вам, людям, нужны гаражи? — В его голосе слышалось любопытство.

— В них удобно заниматься... тем, что интересно. Там можно заложить фундамент будущего, — объяснила Тиффани. — А ещё это место, где тот, кто уже долго живёт на свете, может предаваться воспоминаниям.

— Воспоминаний у меня немало, — сказал Король. — Но вот уж не думал, что у тебя хватит могущества предложить мне новую забаву, увлечь меня новой потехой. Мало кто на такое способен и в этом, и в иных мирах.

Вот теперь, отметила Тиффани, Король эльфов начал её уважать. Он уже не обращался с ней будто с несмышлёной девчонкой. Он вёл себя почтительно. Но и сам он заслуживал уважения, поэтому она слегка, самую чуточку, склонила перед ним голову.

— Прости великодушно моих забияк, — лениво продолжал Король. Голос его звучал дружелюбно и ласкал слух. — Я нахожу их ужасно надоедливymi. Думаю, и ты тоже.

Он свирепо взглянул на дрожащего от ужаса Душистого Горошка, потом на тело Белладонны.

— Ты убил мою Королеву, мою прекрасную госпожу Белладонну, эльф, просто из прихоти!

Король эльфов выпрямился во весь рост и наотмашь ударил Душистого Горошка, мгновенно лишив жизни. Лишь пустая оболочка упала на землю. И не смотря на всё, что она знала об эльфах, Тиффани содрогнулась при виде этой небрежной жестокости.

— Жаль, что пришлось так обойтись с ним, — обронил Король. — Но иначе они не понимают. Увы, вселенная стоит на распутье, и за поворотом всё будет иначе. Нам же придётся либо приспособливаться к переменам, либо уходить. Этот мир был хорош для нас, госпожа, — просто сказал Король. — Какая жалость, что теперь в нём царит железо. Однако возможно, за новым поворотом мы с тобой встретимся вновь, ведьма Тиффани, при более благоприятных обстоятельствах.

— Возможно, — согласилась Тиффани. — Но сейчас — уходите прочь с моей земли. — Её голос не дрогнул.

Тут раздался пронзительный паровозный свисток, и словно в ответ застучали колёса — от станции Дверубахи отправился утренний поезд.

— Прислушайтесь, ваше величество, — сказала Тиффани. — Это подал голос поезд на Ланкр, управляющийся от станции в пять двадцать пять, и так звучит твоё будущее, господин. Если ты и твой народ останетесь, вам придётся до скончания века жить в мире, полном железа.

— Эти механизмы пробудили во мне интерес, — признался Король. — В гараже есть инструменты... Любопытно было бы попробовать соорудить нечто подобное без использования железа. — И он вдруг произнёс с лёгкой тоской: — Я маг и чародей, а значит, могу получить всё, что пожелаю...

— Ничего не выйдет, — сказала Тиффани. — Железные дороги не для тебя.

И Король ушёл — как ей показалось, в глубокой задумчивости.

Когда последние эльфы, хромая, бежали обратно в Волшебную страну, Тиффани отыскала Явора Заяadlo.

— Явор, давай похороним госпожу Белладонну на том самом месте, где она умерла. Я сложу пирамиду из камней над её могилой. Мы будем помнить этот день. Мы будем помнить её. — И она добавила тихо, почти про себя: — Нам нельзя забывать.

Глава 19

МИР

Когда утро перетекло в день, Фигли занялись приготовлениями к празднику, чтобы пить, есть, снова пить и рассказывать истории, которые подчас бывали длиннее рассказчиков.

Явор Заядло поглядел на Тиффани и сказал:

— Ну чё, хозяйка, мы нашенское отвоевали. Залазь в курганс — Джинни бу в щастьях позырить твою лицемордочку.

И Тиффани спустилась в нору. Ей показалось, что внутри стало просторнее, чем когда она была тут в прошлый раз. В огромной пещере всюю реяли килты — Фигли плясали рил. Они любят плясать, по поводу и без.

Башмаки танцоров грохотали, будто бросая вызов вселенной. Кроме того, разумеется, каждый Фигль жаждал поведать остальным Фиглям, как геройски он проявил себя в бою с эльфами.

А все поголовно юные Фигли спешили поведать Тиффани, карге их холмов, о своих подвигах. Когда они окружили её, Тиффани спросила:

— Как вас зовут, ребята?

Мал Каллум, слегка запинаясь от волнения, сказал:

— Я — Каллум, хозяйка.

— Очень приятно.

— Ах-ха, а это вот мой брат Каллум, хозяйка.

— У вас одно имя на двоих? — удивилась Тиффани. — А разве путаницы из-за этого не бывает?

— Нае, хозяйка. Я бум-бум, хто я, а он бум-бум, хто он, и наш брат Каллум тож.

— Ну и как вам понравилась битва?

— Ах-ха, мы здоровски отдубасили этих чучундр. Большой Человек нам в учёбах спуску не даёт, агасть. Он нас и с дубьём обращаться учит, и с копьём, и с топорьём. Ну и с ногами, ясно дело. Как какой чучундра на землю шмякс — тут мы его башмаксами, башмаксами!

Старики шли строем по улице. Они пели новую песню, которая начиналась на «Ать-два», и с каждой строфой, с каждым шагом спины их распрямлялись, а тела наливались силой.

Ать-два, ать-два, такая жизнь по мне.

Служу его величеству и рад вполне.

Нам-нам, нам-нам намять врагу бока —

Всего-то плюнуть раз-два,

Всего-то плюнуть раз-два,

Всего-то плюнуть раз-два — и нет врага¹.

¹ Перевод стихов Александры Сагаловой. (*Примеч. перев.*)

Женатые расцеловали своих жён (которые уже и позабыть успели, когда в последний раз их старики вели себя так игриво), а потом все направились в пивную, чтобы рассказать друзьям, как это было.

Капитан Усмирл с кружкой пива в руке уселся на камень-указатель возле пивной и провозгласил:

— Соотечественники ланкрцы! Мы, горсточка счастливых престарелых, сегодня дали хороший отпор поганым эльфам. Говорят, старики всё забывают, но мы не забудем. Нипочём не забудем. Мы считали себя стариками, но сегодня поняли, что мы молоды!

И все выпили по одной. А потом ещё по одной, и ещё, потому что горожане продолжали ставить старикам выпивку, пока те ещё держались на ногах. А когда на ногах не держался уже никто, кто-то крикнул:

— Ну что, ещё по маленькой напоследок?

На следующую ночь, когда луна выкатилась на небо, возвещая, что тьма вступила в свои права, на Меловых холмах появился Джеффри и неподвижно завис в воздухе на своей метле.

— Я так и не поняла, как тебе это удаётся! — крикнула ему Тиффани снизу.

— Сам не знаю, Тиффани! Я думал, все так могут! — ответил он. — А что, разве нет? Давай у всех и спросим, раз уж они все сюда летят!

И в самом деле, к ним в гости спешили ведьмы, а впереди всех летели нянюшка Ягг и Маграт. Пора было снова взглянуть в будущее, благо над этим будущим больше не клубились злые эльфийские чары. Зато в настоящем клубились сплетни и слухи, и ведьмы

болтали без умолку, пересказывая друг дружке подробности обеих битв.

Явор Заядло разжёл костёр, чтобы обозначить место посадки, и Тиффани смотрела, как идут на снижение последние гости. Им пришлось долго кружить в небе, ожидая, пока освободится посадочная площадка, но никто не зависал на месте неподвижно, как Джеффри, — судя по всему, только он один умел проделывать этот фокус.

— Как бы эти поганцы снова не попытались к нам пролезть, — сказала нянюшка Ягг. — Старине Косма-тому доверять нельзя. А ведь он, похоже, заигрывал с тобой, Тифф, судя по тому, что ты рассказала.

— Я знаю, — отозвалась Тиффани. — Но мне не понравились его игры. Ведь единственный эльф, который пытался стать хорошим, теперь мёртвый эльф. Знаешь, нянюшка, мы отметили место, где похоронили её. И если эльфы вернутся, мы будем начеку. Мы можем окружить камни здесь, на холмах, железом, как вы сделали с Плясунами в Ланкре. — И она решительно добавила: — Отныне железо живёт и в моей душе. И если они посмеют вернуться, я железно их встречу.

— Ну, — сказала королева Маграт, — мы уже столько раз их прогоняли, что, думаю, Король и правда решил уйти. Вряд ли они вернутся.

— Ладно, тогда я выпью за то, чтоб они не возвращались, — заявила нянюшка.

— Сёстры, раз уж мы все собрались, — начала Тиффани, обращаясь к собравшимся, — давайте поговорим о Джеффри. Мы во многом обязаны ему нашей

победой — уверена, все вы знаете, что это именно он сколотил армию из ланкрских стариков. Он умный, сообразительный и равнодушный. Он умеет слушать. И у него есть своя магия.

— Это верно, — поддержала её нянюшка. — Джеффри всем по душе приходится, кого ни встретит. Он будто каждого понимает. И поверьте мне на слово, даже кое-кто из наших старушенций с лёгким сердцем доверит ему врачевать свои болячки, и недуги, и чего похуже. Когда он рядом, люди успокаиваются. Да вы и сами знаете. Он прямо само спокойствие. Он уходит, а покой-то остаётся. И ещё этот паренёк не просто приободряет людей, он больше делает. После того как Джеффри навестит болящего, тому намного легче становится, будто ему снова есть зачем жить. Такие люди, как Джеффри, они — ну, делают мир лучше, что ли.

— Полностью с тобой согласна! — сказала госпожа Увёртка.

Нянюшка чуть не лишилась дара речи:

— Ты согласна со мной?

— Да, дорогая нянюшка. Согласна.

«Ну наконец-то и тут наступит мир», — подумала Тиффани. И тихонько шепнула вслух:

— Спасибо тебе, Джеффри.

— А теперь я хочу сказать, — начала она громче, чтобы слышали все, — что я не могу управляться с уделом матушки Ветровоск. Я больше не стану спать в её доме. Потому что я — не она.

Нянюшка Ягг ухмыльнулась:

— А я всё думала, дойдёт до этого или нет. Ты ж должна всё делать по-своему, а то как же.

— Мои корни уходят в мел этих холмов, в нём я черпаю силу, — продолжала Тиффани. — А когда я умру, мои кости станут частью холмов, как стали их частью кости матушки Болен.

Среди ведьм пошли шепотки — о матушке Болен к этому времени были наслышаны все.

— И у меня есть отличные собственные башмаки. Я не только не могу спать в матушкиной кровати, я не могу носить её башмаки, потому что тогда мне придётся идти по её стопам.

Нянюшка хихикнула:

— Раз так, я заберу их, когда вернусь в горы, Тифф. Я как раз знаю одну молодую ведьмочку, которой они придутся по ноге.

— Кстати, о юных ведьмах, — сказала Тиффани. — Мисс Тик нашла мне двух многообещающих девочек. Можно, я пошлю их в горы на обучение? В будущем они понадобятся мне на Меловых холмах.

Ведьмы согласно закивали. Ведь так оно и заведено: Нэнси Честни и Бекки Пардон должны провести какое-то время, помогая старшим ведьмам и изучая азы ремесла.

Тиффани набрала полную грудь воздуха:

— И вот что я предлагаю. Пусть теперь Джеффри заботится о домике и уделе матушки Ветровоск вместо меня. — Она произнесла это, глядя в лицо нянюшке, и та подмигнула ей в ответ.

Тогда Тиффани посмотрела на госпожу Увёртку. К её удивлению, госпожа Увёртка важно кивнула:

— Он весьма порядочный юноша, и мы все видели его в деле. Кроме того, раз уж мы живём в эпоху же-

лезных дорог, возможно, пора менять традиции. Да, я уверена, что матушкин домик и удел... то есть домик и удел Тиффани будут в надёжных руках. Господин Джеффри, конечно, не ведьма, но он уж точно не какой-нибудь мальчик на побегушках.

Тиффани уже научилась видеть госпожу Увёртку насквозь и не сомневалась, что когда в следующий раз прилетит её навестить, то обнаружит в её доме юного ученика.

— Как ты его называешь, Тифф? — спросила нянюшка Ягг. — Угомон? Ну так что, на том пока и порешим, да?

Но у Маграт тоже было что сказать:

— Веренс слышал о том, как Джеффри помог старикам, — сказала она. — Король решил наградить его. И кажется, я знаю, какая награда порадует Джеффри...

И вот несколько недель спустя лорд Вертлюг с неприятным изумлением наблюдал, как его младший сын гордо едет по длиннющей подъездной дороге в сопровождении герольда¹, а над головами у них реет знамя с королевским гербом Ланкра. Точно такой же герб красовался и на бархатной попоне Мефистофеля.

— Его консулопревосходительство королевский посол Джеффри Вертлюг! — возвестил герольд, протрубив в трубу.

На глаза матери Джеффри навернулись слёзы счастья, а его отец, которого не могло уговорить никакое

¹ То есть опять-таки Шон Ягг, исполняющий при дворе и эти обязанности.

волшебство, внутренне вскипел, но, стиснув зубы, поклонился своему младшему сыну, которого всю жизнь презирал и унижал. С властью короны не поспоришь.

Однако королевский посол нанёс им визит не просто так. После обычных в таких случаях поклонов, расшаркиваний и преклонений колен Джеффри широко улыбнулся собравшимся и провозгласил:

— Отец, я привёз потрясающие новости! Порой нам, жителям сельских угодий, может показаться, что в больших городах о нас позабыли. Могу заверить вас: это не так! В последнее время наука далеко шагнула в области... птичников! Некоторые молодые люди из Анк-Морпорка — те, чьи родители имеют достаточно власти, чтобы потакать желаниям своих сыновей, — тут Джеффри многозначительно постучал себя по носу, давая понять, что его отец должен знать этих влиятельных господ, — подумали, что, возможно, больше не нужно охотиться на хитрюгу Ренара, чтобы защитить наших кур. — Он ослепительно улыбнулся. — Они изобрели новую модель птичника, полностью лисонепроницаемую! И вы, отец, тот самый землевладелец, счастливцев из счастливцев, кого избрали испытать это великолепное изобретение!

Пока лорд Вертлюг лопотал в ответ что-то невнятное, а Хью, брат Джеффри, кричал «Ура!» (потому что ему показалось, что кто-то должен крикнуть «ура»), Джеффри огляделся вокруг. Он увидел лицо матери. Она давно привыкла, что об неё вытирают ноги, и обычно весь вид её говорил о том, что она не будет

возражать, если кто-то сделает это вновь. Но теперь она стояла расправив плечи и гордо вскинув голову.

— Гарольд... Наш сын проявил себя как выдающийся человек, и сам король отметил его заслуги. Король обращается с ним как с другом, — с достоинством сказала она. — Не смотри на меня так, Гарольд, только потому, что сегодня я не собираюсь молчать. И королева Ланкрская пригласила меня на чашку чая, — добавила она.

Лорд Вертлюг повернулся, чтобы уйти, и тут раздалось блеяние Мефистофеля. Козлик прыгнул к лорду, тоже развернулся и впечатал маленькие задние копытца аккурат пониже спины его светлости. Послышался громкий звук исходящих из лорда газов, даже глухой стук, с которым лорд упал ничком, не смог до конца заглушить его.

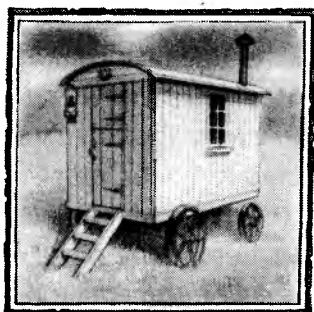
— Когда требуется кого-то уронить лицом в грязь, этому козлику нет равных, — шепнул Джеффри подоспевшему Мактавишу.

Старый младший конюх посмотрел по сторонам.

— И к тому же ваш отец его и пальцем тронуть не может, — подмигнул он. — В такой-то модной попонке! — Он приняхался. — Ну и воняет же от вашего Мефистофеля. Даже ещё хуже, чем на моей памяти.

— Да, — сказал Джеффри. — Зато он умеет лезть по деревьям. И пользоваться уборной. И даже считать. Он очень странное создание. Умеет превращать пасмурный день в ясный. Ты посмотри как-нибудь ему в глаза.

Мактавиш посмотрел — и поспешно отвёл взгляд.

Эпилог

ШЁПОТ ХОЛМОВ

Через два дня после битвы Тиффани взяла на родительской ферме лошадь и отправилась с ней на верхние пастбища. Стоял прекрасный осенний денёк. В прозрачном голубом небе кричали канюки, и видно было далеко-далеко, до самых гор, где стоял Ланкр. Их вершины были белы, несмотря на время года.

Там, куда она пришла, в любую погоду паслось несколько овец. Сейчас это были подростки ягнята и их матери. Овцы неспешно щипали траву, а молодняк носился друг за другом, вскидывая копытца. Здесь было особенное место для тех, кто знал, будь то овцы или пастухи. И особый знак отмечал его. Место, где под слоем земли и травы в толще мела покоилась матушка Болен.

От её жилища только и осталось, что четыре вросших в землю железных колеса и старенькая пузатая печка с трубой. Но земля — земля эта была священна. Тиффани поднималась сюда всякий раз, когда ей

казалось, что мир вот-вот сотрёт её в порошок, и тут, в царстве никогда не утихающего ветра, она понимала — нет такой беды, с которой она бы не справилась.

Вытащив с помощью лошади и крепкой верёвки старые колёса из земли, Тиффани тщательно смазала их и связала вместе. Явор Заяadlo некоторое время наблюдал за ней, после того как она отказалась от его помощи, потом удалился, бормоча себе под нос что-то про гейсы и что бы он с ними сделал, будь его воля.

На следующий день Тиффани отправилась к деревенскому плотнику, господину Чурбаксу. Девочкой она играла с кукольным домиком, сделанным его руками. Теперь она задумала домик побольше.

Плотник был рад видеть Тиффани, но очень удивился её просьбе.

— Господин Чурбакс, я хотела бы, чтобы вы научили меня плотницкому ремеслу, — сказала Тиффани. — Я хочу построить себе дом. Пастушью кибитку.

Плотник был добрым человеком и предложил свою помощь.

— Ты ведьма, — сказал он. — Я плотник. У меня немного времени уйдёт, чтобы сколотить маленькую кибитку. Твоя бабушка была очень добра к нам, а ты помогла моей сестре Маргарет. Я буду рад отплатить тебе добром за добро.

Но Тиффани твёрдо стояла на своём:

— Большое спасибо, но я должна сделать эту хижину своими руками. Она будет моя, до последнего гвоздя. Я отвезу её наверх, где летают жаворонки. И я по-прежнему буду ведьмой, если кто-то позовёт. Но жить я буду там.

«Одна, — добавила она про себя. — По крайней мере, пока — кто знает, что ещё будет...» И её рука, будто по собственной воле, нащупала в кармане бережно сложенное письмо от Престона.

И Тиффани стала учиться плотничать по вечерам, после того как заканчивала все дневные дела. Ей понадобилось несколько недель, но наконец возле могилы матушки Болен появилась новая кибитка.

К деревянной двери снаружи были приколочены подкова и клочок шерсти — знак, что здесь живёт пастух. В маленькую кибитку вели три ступеньки. От дождя её укрывала полукруглая крыша. Внутри Тиффани сделала себе кровать, крохотный шкафчик, несколько полок и ещё осталось место для умывальника. Лёжа в кровати, она могла видеть сквозь небольшое оконце холмы, простирающиеся до самого горизонта, наблюдать, как встаёт и заходит солнце, как меняет обличье луна — чудеса, которые не перестают быть чудесами оттого, что происходят каждый день.

Она снова отвела лошадь вниз, на ферму, и погрузила на неё простыни и одеяла из своей комнатки и свои немногочисленные пожитки, попрощалась с родителями и отправилась обратно наверх. День медленно клонился к вечеру.

— Ты уверена, что хочешь именно этого, джигат? — спросил отец.

— Да, уверена, — сказала Тиффани.

Мама расплакалась и дала ей новое лоскутное одеяло и каравай свежевыпеченного хлеба, чтобы было с чем есть сыр, который Тиффани сделала утром.

На полпути вверх по склону холма Тиффани оглянулась и увидела, что родители по-прежнему держатся за руки. Она помахала им и пошла дальше, уже не оглядываясь. День выдался хлопотным. Все дни были хлопотными.

Позже вечером, застелив узкую постель, Тиффани отправилась собрать немного хвороста на растопку. Белая кошка Эй шла за ней по пятам.

Тропинки в этих местах Тиффани знала как свою ладонь. Она ходила по ним с матушкой Болен много лет назад. Когда Тиффани подошла к рощице на пригорке, ей показалось, что в тени деревьев на опушке кто-то идёт.

Силуэтов было два, оба странно знакомые. А за ними, готовые броситься вперёд по знаку, по кивку, трусили две овчарки.

Матушка Ветровоск, подумала Тиффани. И рядом с ней — матушка Болен. Гром и Молния бегут следом. И в голове у неё, не дожидаясь зова, раздался тихий голос: «Ты — пастушья корона, джиггат. Ты — пастушья корона».

Одна из фигур подняла на неё глаза и коротко кивнула, другая приостановилась и склонила голову. Тиффани поклонилась в ответ — серьёзно, почтительно.

Фигуры исчезли.

Возвращаясь в кибитку, Тиффани посмотрела на белую кошку и вдруг, сама не зная зачем, заговорила с ней:

— Эй, где сейчас матушка Ветровоск?

Некоторое время было тихо, потом кошечка протяжно мяукнула, и в этом мяуканье Тиффани послы-

шалось: «Мяуууувсюууду...» А потом Эй замурлыкала, как самая обыкновенная кошка, и потёрлась головой о ногу Тиффани.

Тиффани подумала о месте в лесу, где в земле лежит матушка Ветровоск. И её помнят.

Да, Эй права. Матушка Ветровоск здесь. И там тоже. Она есть и всегда будет повсюду.

Как только стало известно, что Тиффани Болен навсегда вернулась в Меловые холмы, к кибитке потекли гости.

Джо Болен поднялся наверх, чтобы принести дочери несколько записок — и среди них новое письмо от Престопа! — да кое-какие вещи, без которых, по мнению мамы, Тиффани было не обойтись. Он оглядел маленькую аккуратную кибитку и остался доволен. Тиффани очень удобно там всё устроила. Джо посмотрел на книги на полке и улыбнулся. Тиффани оставила «Болезни овец» на ферме, но «Цветы холмов» и «Валшепные сказки для хороших детишек» стояли рядом с маленькой пастушьей короной, которую он ей отдал. На колышке, вбитом в дверь с внутренней стороны, висела ведьмовская шляпа.

— Я подумал, тебе может пригодиться и это, — сказал отец Тиффани.

Он достал из кармана бутылку особой овечьей приправки, приготовленной по рецепту матушки Болен, и поставил её на полку.

Тиффани рассмеялась, а из-под крыши кибитки раздавалось еле слышное «Раскудрыть!». Оставалось только надеяться, что отец не расслышал.

Но с потолка свалился клок пыли, и Джо поднял глаза туда, где на потолочной балке лежал Туп Вул-ли, а верхом на нём, зажимая брату рот, восседал Гро-мазд Йан.

— Неужели у тебя уже завелись древоточцы, Тифф?

Она снова рассмеялась и обняла отца на прощание.

Вскоре явился ещё один ранний гость — господин Чурбакс. Тяжело дыша, он поднялся по склону и застал Тиффани, когда она перебирала одежду, а на коленях у неё сидела кошка по имени Эй.

Тиффани с тревогой наблюдала, как старый плотник придирчиво изучает кибитку сверху донизу. Когда он закончил, она налила ему чаю и спросила, что он думает.

— Ты молодец. Постаралась на славу. Я никогда не видел, чтобы мальчишки так быстро схватывали тонкости моего ремесла, а ты ведь девочка.

— Я не девочка, — сказала Тиффани. — Я ведьма. — Она погладила кошку и спросила: — Правда, Эй?

Господин Чурбакс уставился на неё с подозрением:

— Так ты что, магии напустила, чтобы построить эту кибитку?

— В этом не было нужды, — сказала Тиффани. — Магия была здесь и так.

Конец

Послесловие

«Пастушья корона» — последний роман Терри Пратчетта. Он написал его в последний год своей жизни, прежде чем скончался в начале 2015 года от атрофии коры головного мозга, ставшей, что называется, «препятствием на пути прогресса»¹. Этот диагноз Терри поставили ещё в 2007-м, когда он написал «Народ, или Когда-то мы были дельфинами». Тогда Терри сказали, что жить ему осталось всего два года, и он стал писать быстрее прежнего. Он никогда не был медлительным автором, но с этого момента главным мерилом для него стало время, оставшееся для работы. Он прерывался только для того, чтобы сделать что-то по-настоящему важное — например, покормить кур или навестить своих черепах. Он хотел написать ещё так много книг...

О том, как упорно Терри сопротивлялся болезни, говорит тот факт, что между «Народом» и «Пастушьей

¹ Цитата из книги Терри Пратчетта «Пехотная баллада». (Примеч. перев.)

короной» он успел создать целых пять романов-бестселлеров, не говоря уже о совместной работе со Стивенном Бакстером над книгами цикла «Бесконечная земля». И вплоть до самых последних месяцев своей жизни Терри продумывал идеи новых книг¹.

Обычно Терри работал над несколькими книгами одновременно, развивая сюжет на ходу. Он начинал с какого-то эпизода, рассказывал сам себе историю, записывал фрагменты, которые ясно себе представлял, а в конце собирал это всё воедино, будто гигантскую писательскую головоломку. Когда книга обретала форму, он продолжал работать над ней — что-то дописывал, что-то правил, постоянно шлифовал, добавлял связующие куски, вставлял сноску там, эпизод здесь. Издателям приходилось выколачивать из него рукописи, потому что Терри не мог остановиться и продолжал добиваться совершенства, даже когда уже с головой погружался в новую книгу. И только когда книга уходила в печать, Терри неохотно отпускал её.

Терри обдумывал канву последней книги о матушке Ветровоск и Тиффани Болен несколько лет. Ключевые эпизоды он написал, ещё когда работал над «Поддай

¹ Мы уже никогда не узнаем ни как древним обитателям «Сумеречных ущелий» удалось разгадать загадку исчезнувшего сокровища и дать отпор Тёмному Властелину, несмотря на потерю памяти, ни в чём заключалась тайна хрустальной пещеры и плотоядных растений Очудноземья, ни как констебль Фини нашёл преступника среди честных и порядочных от природы гоблинов, ни как грозный Морис служил корабельным котом и что из этого вышло во второй книге, посвящённой его приключениям. И это лишь немногие из задумок, о которых знают его домашние и ассистенты. (*Примеч. автора послесловия*).

пару!», а потом несколько раз переписывал их по мере того, как книга обретала свой окончательный вид.

В «Пастушьей короне» есть начало, середина, конец и всё остальное. Вся она написана рукой Терри. Однако он так и не успел довести книгу до того совершенства, когда он сам назвал бы её законченной.

Если бы Терри прожил дольше, «Пастушья корона», без сомнения, вышла бы длиннее. У нас, как, наверное, и у вас, осталось много вопросов. Но тем не менее книга, которую вы держите в руках, — замечательная книга, последняя работа Терри, а если вы хотите узнать что-то сверх того, что есть на этих страницах, просто включите воображение.

Роб Уилкинс

май 2015

Солсбери, Великобритания

Благодарности

Несмотря на проявления болезни Альцгеймера, Терри упорно работал до последнего, и в этом ему очень помогли его замечательные редакторы.

Лин, Рианна и Роб хотели бы выразить особую признательность

Филиппе Дикинсон и Сью Кук

за их неустанную поддержку и помощь, благодаря которой слова продолжали ложиться на бумагу.

Комментарии

Стр. 26. ...но и третьего, совсем уж запасного.

Это шутовское английское присловье, употребляющееся обычно по отношению к представителям аристократии и особенно королевского дома, подразумевает, что в семье непременно должно быть минимум двое сыновей: один наследует титул (корону), а второй служит своего рода гарантией того, что род не прервётся, если что-либо случится с первым. При благоприятном раскладе второй сын так и остаётся «запасным»; однако британская история богата на сюрпризы и знает немало примеров того, как «запасной» оказывался на троне. Так, одним из самых знаменитых «запасных» в английской истории был Генрих VIII: после смерти своего старшего брата Артура он становится наследником престола, а затем и королём в 1509 году; причём унаследовал он у брата не только корону, но и жену: Генрих предусмотрительно сочетался браком с вдовой брата, Екатериной Арагонской, чтобы сохранить союз Англии с Испанией. «Запасным» был и отец нынеш-

ней правящей королевы, Елизаветы II, Альберт Фредерик Артур Георг, второй сын короля Георга V, что в один прекрасный день, после отречения своего брата Эдуарда VIII, неожиданно для себя самого в 1936 году взошёл на престол как Георг VI, а его дочь, принцесса Елизавета, стала наследницей престола. Так что и «запасные» порою очень пригождаются!

Стр. 28. Господин Виггал и его потрясающие книги поведали Джеффри о таких великих философах, как Лай Тинь Видль, Оринжкрат, Зенон и Ибид, и о таких великих изобретателях, как Златоглаз Сереброрук Дактилол и Леонард Щеботанский.

Мистер Виггал знакомит Джеффри с сочинениями выдающихся умов Плоского мира, хорошо известных читателям Пратчетта.

Лай Тинь Видль упоминается в целом ряде романов как один из величайших философов прошлого; его афоризмы и назидательные высказывания цитируются в самых разных контекстах: «Однажды на одной вечеринке знаменитого философа Лай Тинь Видля спросили: “Почему вы здесь?” Ответ занял три года» («Безумная звезда»). «Как утверждает философ Лай Тинь Видль, хаос именно там процветает, где настойчивее всего ищут порядка. Хаос всегда побеждает порядок, поскольку лучше организован» («Интересные времена»). «Как говорит великий философ Лай Тинь Видль, “ожидая могучего коня, ты способен отыскать копыта даже у муравья”» («Интересные времена»). «Все различные места суть одно и то же место, просто это место очень большое» («Посох и шляпа»). «Согласно

утверждению философа Лай Тинь Видля, известна только одна вещь,двигающаяся быстрее обычного света. Это монархия. Ход рассуждений Видля примерно таков: в каждый данный момент вы не можете иметь больше одного короля. Наряду с этим традиция требует, чтобы между королями не было промежутков. Следовательно, когда король умирает, престол должен перейти к наследнику мгновенно. Предположительно, рассуждает философ, должны существовать некие элементарные частицы — королионы или, возможно, королевиионы, обеспечивающие непрерывность. Но, конечно, даже здесь случаются проколы, и цепь прерывается» («Мор, ученик Смерти»). Прототипом Лай Тинь Видля в реальном мире, по-видимому, был китайский мыслитель и философ Конфуций (ок. 551 до н. э. — 479 до н. э.).

Оринжкрат, философ, возможно, из Эфеба, автор труда «О природе растений» (в нём описано 600 растений и способы их использования), упоминается в романе «Мелкие боги». Его прообразом в реальном мире послужил, вероятно, знаменитый древнегреческий врач и философ Гиппократ (460—370 гг. до н. э.), вошедший в историю как «отец медицины».

Зенон, один из эфебских философов, фигурирует в романе «Мелкие боги»; его прототипом в Круглом мире является философ Зенон Элейский (V в. до н. э.) — об этом свидетельствует и имя, и его любовь к парадоксам. (В русском переводе Зенон Эфебский ему ещё и абсолютный тёзка; в английском оригинале эти два имени немного отличаются: на самом деле эфебского философа зовут Ксенон, англ. *Xeno*).

Ибид — современник Зенона и его постоянный противник в философских спорах, автор «Принципов идеального государства» и «Об исторической неизбежности». В Эфебе даже сложились две противоположные философские школы: «Есть зенонисты, — быстро ответил Бедн, — которые говорят, что мир сложен и беспорядочен. Есть ибидиоты, которые утверждают, что мир изначально прост и развивается в соответствии с определёнными фундаментальными правилами» («Мелкие боги»). Судя по тому, что Ибиду приписывается авторство «Бесед» (в русском переводе — «Отвлечения»), его прототипом в Круглом мире является древнегреческий философ Эпиктет (ок. 50—138 гг. н. э.).

Златоглаз Сереброрук Дактилос, величайший из мастеров Плоского мира, фигурирует в романе «Цвет волшебства». Он изготовил Железных Воинов, которые охраняют Гробницу Питчю, за что получил много золота, но, чтобы мастер не создал ничего сравнимого с големами, ему выкололи глаза. Он построил Дворец Семи Пустынь, за что эмир осыпал его серебром, но приказал отрубить ему правую руку, чтобы мастер не повторил своего шедевра. Он спроектировал Световые Дамбы Великого Нефа; племенной совет Нефа одарил его превосходными шелками, а потом приказал перерезать мастеру сухожилия, чтобы он не сбежал. Из шёлка и бамбука Дактилос построил летательную машину и сумел улететь в Крулл. По приказу архиастронома Крулла он спроектировал «рыбу, которая могла бы плавать по морям пространства, что лежат между мирами», — корабль «Могучий Вояжёр» — и был

убит. Печальную участь Дактилосо в Круглом мире разделяли многие великие мастера. Так, Минос, царь Критский, держал гениального изобретателя Дедала в тюрьме, чтобы никто больше не мог воспользоваться его услугами. Пражского часовщика Яна Руже, известного также как мастер Гануш, — ему приписывается создание Пражских курантов, — по преданию, приказали ослепить члены Пражского совета, чтобы мастер нигде более не смог повторить свою работу. Похожая легенда сложена о зодчих Покровского собора, он же собор Василия Блаженного: Барма и Постник якобы были ослеплены по приказу Ивана Грозного, «чтоб в земле его церковь стояла одна такова» (Д. Кедрин). Даже при том, что легенды эти, скорее всего, являются вымыслом, поневоле задумаешься, сколь опасна работа инженера, и повторишь за архиатроном: «Не могу избавиться от ощущения, что в других занятиях риска куда меньше».

Леонард Щеботанский — гениальный инженер, изобретатель и художник из Анк-Морпорка, известный также как Леонардо. Его хобби — проектирование немыслимых орудий войны, притом что добрейший и простодушнейший мастер отказывается поверить, будто кто-либо воспользуется его опасными изобретениями по назначению. Изобрёл «ружие» («К оружию! К оружию!»), осадные машины, подводную лодку (которую назвал «Машиной Для Безопасного Спуска Под Воду», — вот с придумыванием названий у Леонарда всегда были проблемы («Патриот»), шифрующий и дешифрующий механизмы («Пятый слон»), среди его разработок есть мотоцикл, и взрывное устройство,

и «экспериментальный прибор для преобразования химической энергии во вращательное движение», и много чего другого. Леонард Щеботанский прославился и как талантливый живописец. Самая его известная картина — «Мона Ягг», портрет нянюшки Ягг в молодости («Её зубы буквально следуют за тобой по всему залу» — «К оружию! К оружию!»). Леонард Щеботанский, несомненно, является пародией на великого изобретателя Круглого мира Леонардо да Винчи (1452—1519), но при этом унаследовал также и ряд черт сэра Джорджа Кейли (1773—1857), одного из первых теоретиков в области воздухоплавания, и Николы Теслы (1856—1943) — блестящего инженера и физика, создателя как вполне реальных устройств, таких как высокочастотный трансформатор и асинхронный электродвигатель, так и, предположительно, гипотетических «лучей смерти» и «электромобиля». Подобно Леонарду, Н. Тесла был не мастер придумывать названия для своих гениальных изобретений: так, его бестопливный генератор в патенте от 1901 года значится как «Прибор для Утилизации Лучистой Энергии».

Стр. 29. Мефистофель — имя злого духа в мифологии эпохи Возрождения Круглого мира, то же, что бес или демон. Происхождение этого имени не вполне понятно, возможно, оно составлено из элементов древнееврейского или греческого языка. В Библии Мефистофель не фигурирует; этот демон явился из немецкого фольклора и в литературе поначалу был связан с легендой о докторе Фаусте. В XVI веке Мефистофель стал известен как литературный персонаж

немецкой народной книги «Легенда о докторе Фаусте...» и вошёл во все последующие пересказы этой легенды: именно Мефистофелю учёный Фауст предлагает в залог свою душу. Но Мефистофель — не сам Сатана, а лишь один из его слуг. Так, в пьесе К. Марло «Трагическая история доктора Фауста» (ок. 1589 г.), Мефистофель говорит о себе как об одном из сторонников Люцифера и признаётся, что терпит бесконечные муки:

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Мы те, что пали вместе с Люцифером,
На Господа восстали с Люцифером
И осужденье терпим с Люцифером.

ФАУСТ:

Где осужденье терпите?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

В аду.

ФАУСТ:

Но как же ты сейчас вне сферы ада?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

О нет, здесь ад, и я всегда в аду.
Иль думаешь, я, зревший лик Господень,
Вкушавший радость вечную в раю,
Тысячекратным адом не терзаюсь,
Блаженство безвозвратно потеряв?

О Фауст, брось бесплодные вопросы,
Что ужасом гнетут мой скорбный дух.

(Пер. Е. Бируковой)

К XVII веку имя Мефистофеля стало использоваться независимо от легенды о Фаусте; так, в комедии У. Шекспира «Виндзорские насмешницы» оно употребляется как оскорбительное ругательство. И всё-таки и персонаж, и имя обрели широкую известность благодаря очередной версии легенды о Фаусте — философской драме «Фауст» И. В. Гёте (первая треть XIX в.). Остаётся лишь гадать, какую из этих книг прочёл Джеффри — и какую форму обрела легенда о Фаусте в Плоском мире.

Стр. 32. Легенда о Летале и его сыне Бекаре...
Сходная легенда существует и в нашем мире: это древнегреческий миф о великом изобретателе и архитекторе Дедале и его сыне Икаре. Непревзойдённый инженер Дедал, автор многих удивительных изобретений (так, именно он построил лабиринт на острове Крит), создал искусственные крылья, скрепив перья воском, для себя и сына, чтобы улететь с Крита, где их держал в плену царь Минос, не желавший, чтобы кто-либо, кроме него, воспользовался услугами Дедала. В отличие от «Летала и его сына Бекара», в Круглом мире погиб Икар: взлетев в небо, юноша неосторожно приблизился к солнцу, и жар его лучей растопил воск, скрепляющий перья крыльев, а Дедал (вероятно, не столь тяжёлый, как его двойник из Плоского мира) благополучно долетел до Сицилии.

Стр. 34. Джеффри перефразирует один из известных афоризмов остроумного английского драматурга Оскара Уайльда, вложенный в уста лорда Иллингворта в комедии «Женщина, не стоящая внимания» и описывающий бессмысленность любимой английской забавы — охоты на лис: «невыразимый в погоне за несъедобной» (англ. the unspeakable in full pursuit of the uneatable). В русском переводе пьесы фраза полностью звучит так: «Английский помещик, во весь опор скачущий за лисицей, — бесшабашный в погоне за несъедобной» (Пер. Н. Дарузес).

Стр. 56. Грозные эльфийские лорды *Душистый Горошек* и (далее) *Горчичное Зёрнышко* обязаны своими цветочно-растительными именами эльфам из свиты Оберона и Титании, владык волшебного королевства в комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь». В этой пьесе о чудесных метаморфозах и торжестве истинной любви эльфы — крохотные крылатые создания, украшающие себя росинками, в плащах из крыльев летучих мышей, способные спрятаться в жёлуде, — куда более безобидны, нежели в мире Пратчетта. Даже если они и склонны порою позабавиться за счёт смертных, то шутки их оборачиваются разве что мимолётным наваждением, которое благополучно развеивается к утру.

Стр. 59. ...один молодой эфебский естествоиспытатель, наделённый от природы весьма живым умом, тоже ломал себе голову над этой загадкой...

Этот естествоиспытатель, вероятно сам того не подозревая, попытался воспроизвести на практике (с поправкой на науку Плоского мира) мысленный эксперимент известного физика Круглого мира Эрвина Шрёдингера. Вот как Терри Пратчетт описывает этот классический эксперимент, лежащий в основе квантовой теории, в книге «Кот без прикрас»:

Берётся ящик, туда засовывается кот и склянка с ядом — кстати, многие на этом бы и остановились. Потом добавляется в тот же ящик небольшой механизм, который то ли разобьёт склянку, то ли нет, в зависимости от какой-то там ядерной ерундовины, которую испускает радиоактивное вещество. Оно тут же, в ящике. Большой такой ящик берётся. Так вот, согласно квантовой теории, кот в ящике получается одновременно и волной и частицей... то есть нет. Нет, из-за всех этих квантов он получается ни жив ни мёртв, а наоборот: жив и одновременно мёртв. И так до тех пор, пока наблюдатель не приподнимет крышку, чтобы заглянуть в ящик.

Далее в этой книге автор утверждает, что и в нашем мире была попытка поставить такой опыт, в результате чего кошки обрели способность проникать повсюду и исчезать откуда угодно, а также весьма вольно обходиться с такой тонкой материей, как время:

Разумеется, они (учёные) упустили из виду кое-что очень важное: хотя экспериментатор не знал, что происходит в ящике, кот-то знал это чертовски

хорошо. Считается, что близкая перспектива виселицы окрыляет разум. Как же его тогда окрыляют смутные подозрения о том, как этот вот тип в белом халате через минуту поднимет крышку и обнаружит, что ты давно уже мёртв! Подстёгиваемый этими подозрениями (а также, возможно, квантами, что так и скачут по лаборатории), кот сиганул за угол пространственно-временного континуума — и спустя какое-то время его, порядком ошалевшего, обнаружили в чулане.

Это умение оказалось очень полезным преимуществом в ходе естественного отбора, так что в наше время уже почти все коты — шрёдингеровские. И ничего удивительного, если ваш кот исчезает из запертой квартиры, а потом как ни в чём ни бывало обнаруживается у холодильника¹.

Стр. 96. ...потерявшимися детьми. Ещё одна отсылка на относительно безобидную сказочную реалию Круглого мира, что в мире Пратчетта обретает жутковатый характер. Потерянные мальчики — персонажи знаменитой пьесы Дж. М. Барри «Питер Пэн, или Мальчик, который не хотел расти», впоследствии переработанной в повесть-сказку «Питер и Венди» (1911). Это — «мальчики, которые выпали из колысок, когда няньки смотрели в другую сторону. Если никто не потребует их обратно через неделю, их отправляют на остров Нигдешний, чтобы не было лишних расхо-

¹ Комментарий переводчика.

дов» (пер. Н. Демуровой). Питер Пэн — мальчик, который сознательно отказался взрослеть, — их капитан. Девочек среди них нет: как говорит сам Питер, «девочки умные, они из колясок не падают». Потерянные мальчики обречены навсегда оставаться детьми на волшебном острове и вечно играть в детские игры. Сходная участь, по-видимому, грозит детям Плоского мира, так или иначе оказавшимся в волшебной стране эльфов, как можно судить по примеру Винни и Роланда из первой книги цикла о Тиффани. Винни — один из таких «потерянных мальчиков». «Он бродил один, несчастный и потерянный. Я привела его домой и утешила», — рассказывает Королева. Но вечное детство в мире Пратчетта — участь незавидная. Мальчику «надобна любовь, и забота, и чтобы учили уму-разуму, и чтобы порой говорили “нет”, и всё в таком духе. Ему нужно, чтоб его взрастили сильным. Но Королева ему всего этого не даст. Она даст ему сласти. Одни только сласти. Вечность сластей», — объясняет кельда. Тиффани удалось спасти брата, но, по-видимому, не у всех «потерянных мальчиков» нашлась храбрая и сильная сестра, и многие остались в волшебном королевстве.

Лорд Ланкин — этот эльфийский лорд, могуществом уступающий только Королеве, жестокий, завистливый и злобный, обязан своим именем не Уильяму Шекспиру, но одной из самых страшных народных английских баллад. В Круглом мире эта баллада существует вот уже семь веков во множестве вариантов: они встречаются и в Англии, и в Шотландии, и в Америке, и представлены в сборнике Ф. Д. Чайлда со всеми разночтениями. В балладе рассказывается

о том, как владелец замка, покидая дом, предостерегает супругу против некоего лорда Ланкина (в других вариантах его зовут Ламкин, Ламбкин, Лимкин, лорд Лонкин и т.д.). Но после отъезда хозяина зловещий гость прокрадывается в замок и убивает леди и её младенца-сына. В некоторых версиях это — каменщик, которому не заплатили за работу, или немотивированный злодей, но в ряде вариантов он приобретает сверхъестественные черты и становится чем-то вроде злого духа, призрака, фейри, живущего в глуши.

Лорд велел супруге, уходя в поход:

«Бойся лорда Ланкина, что средь мхов живёт»,

Лорд сказал супруге, оседлав коня:

«Бойся лорда Ланкина, он рыщет у плетня».

Баллада о лорде Ланкине замечательно звучит в исполнении британской фолк-группы Steeleye Span (альбом *Commoners' Crown*). А эльфийский лорд, персонаж Пратчетта, превосходно вписывается в эту зловещую историю.

Стр. 149. Толкни монетку (Shove ha'penny) — одна из популярных игр, в которые в английских пабах играют со времен Средневековья и по сей день: двое игроков или целые команды состязаются, гоня на размеченном столе или доске монетки или диски и стараясь загнать их в места, приносящие наибольшее число очков. Игра такая древняя, что достоинство монетки успело поменяться: в современном названии «монетка» — это полпенс; а когда-то игра называлась

«shove-groat», «толкни гроут» (гроут — монета в четыре пенса, давно вышедшая из употребления). Сегодня, для того чтобы сыграть в «толкни монетку», доска не обязательна — есть онлайн-игры, основанные на том же принципе.

Стр. 150. ...мы — последнее поколение, которое зовёт лиса Ренаром.

Лис Ренар — персонаж нескольких средневековых европейских циклов стихотворных сказок о животных, пародирующих человеческое общество. Лис Ренар — бессовестный, трусливый и расчётливый хитрюга и плут, он издевается и неизменно одерживает верх над волком Изегримом, ослом Бодуэном и прочими животными — жадными, глупыми и недалёкими. Самая известная версия этой эпопеи — французский «Роман о Лисе» (или «Роман о Ренаре» («Roman de Renard», конец XII — начало XIII в.), вобравший в себя около тридцати сказок, или «ветвей», объёмом примерно 40 000 стихотворных строк. Изначально Ренар — это прозвище; но благодаря популярности сказок слово *renard* к XVII веку вытеснило из французского языка все прочие слова для обозначения лисы. Эпос о Ренаре пришёл в средневековую Англию после нормандского завоевания в 1066 году, и имя «Ренар» (Reynard) тоже прижилось — как имя собственное и прозвище для лисицы; а иногда употреблялось и как имя нарицательное, с XIV по XIX век (например, в анонимном средневековом стихотворном романе «Сэр Гавейн и Зелёный Рыцарь», в пьесах драматурга Джона Флетчера, в стихах поэта Джона Драйдена и т.д.).

Стр. 175. Сколь же глупы эти смертные!

Слова Пэка, проказливого духа из комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь»: наблюдая нелепое поведение влюблённых, он восклицает: «Как безумен род людской!» (Пер. Т. Щепкиной-Куперник).

Стр. 245. ...а Элси, забыв обо всём на свете, с обожанием глядела в бездонные глаза отцовского осла.

В этом коротеньком эпизоде обыгрывается ключевая ситуация шекспировской комедии «Сон в летнюю ночь». Король эльфов Оберон, раздражённый несговорчивостью супруги, решает наказать её: он брызгает на веки спящей Титании соком цветка, обладающего волшебным свойством:

И если соком этого цветка
Мы смажем веки спящему, — проснувшись,
Он в первое живое существо,
Что он увидит, влюбится безумно.

Первый, кого видит проснувшаяся Титания, — это комичный поселанин Основа с ослиной головой (опять проделки Пэка!), — и действительно влюбляется в него до безумия:

Прошу, прекрасный смертный, спой ещё!
Твой голос мне чарует слух, твой образ
Пленяет взор. Достоинства твои
Меня невольно вынуждают сразу
Сказать, поклясться, что тебя люблю я!

(Пер. Т. Щепкиной-Куперник)

Цветок со сходными свойствами, по-видимому, растёт и в Плоском мире, хотя здесь оказывается достаточным пощекотать им девушку по подбородку, чтобы её постигла судьба Титании. Осёл, правда, настоящий.

Кышбо Гонимый (англ. *Herne the Hunted*) — дословно: Херн — Добыча, один из малых богов, обитающих в лесах и горах Ланкра. Он — «бог гонимых и истребляемых, а также всех мелких существ, жизнь которых неотвратимо завершается коротким писком» («Дамы и господа»). Росту в нём примерно три фута, у него кроличьи ушки, очень маленькие рожки, и бегаёт он очень быстро. Этот пугливый божок, несомненно, является пародией на Херна Охотника (*Herne the Hunter*), духа гораздо более могущественного в легендах Круглого мира. Этот загадочный персонаж связан с Виндзорским лесом (иногда даже считается его лесничим) и английским графством Беркшир. Кто он такой на самом деле, не вполне понятно. По одной из версий, Херн Охотник, он же Дикий Охотник европейского фольклора, — это местная беркширская ипостась Кернунна или Цернунна, кельтского божества, изображавшегося обычно в сидячей позе со скрещёнными ногами, с оленьими рогами на голове и зачастую в окружении каких-либо животных. Кернунн — бог всего растущего и зелёного, охотник, дух земли, рождения и маскулинности. С этим образом в книгах Пратчетта явно соотносится Король эльфов (у него копыта, оленьи рога, и от него исходит острый звериный запах), и в настоящей книге именно он соответствует Херну Охотнику ан-

глийского фольклора, хотя в пратчеттовском мире этим именем он не назван. По другой теории, Херна отождествляют с Дикой Охотой, возглавляемой Вотаном, англосаксонским божеством (он же — скандинавский Один), и с эйнхериями, мёртвыми воинами дружины Одина. Тот факт, что Херн Охотник напрямую связан с Виндзорским лесом и с Беркширом, а за их пределами не встречается, наводит на мысль, что, возможно, у него был реальный исторический прототип — лесничий или охотник (по одной из версий, он — призрак некоего Ричарда Хорна, йомена времён Генриха VIII, пойманного в лесу за браконьерством). О Херне Охотнике упоминается в комедии Шекспира «Виндзорские насмешницы»:

Есть старое предание о Герне,
 Что был давно лесничим в здешнем парке:
 Он будто бы зимою по ночам,
 Украшенный рогами, дуб обходит,
 Деревья сушит и скотину портит,
 Удой кровавит и гремит цепями,
 Внушая всем смятение и страх.
 Вы слышали и знаете прекрасно,
 Что деды эту сказку принимали
 За истину; таким же перешёл
 И к нам о Герне-егере рассказ.

(Пер. Т. Щепкиной-Куперник)

Образ Херна Охотника прочно вошёл в английскую литературу и фигурирует во многих романах-фэнтези, особенно детских и подростковых; им вдохновлено не-

мало музыкальных композиций (например, у группы Clannad); он стал персонажем ряда фильмов и даже компьютерных игр. В великолепном телесериале «Робин из Шервуда» (1984) Охотник Херн представлен как древний и мудрый покровитель леса, обладающий магической силой: именно он призывает юного Локсли стать Робинот Гудом, «сыном Херна», и возглавить борьбу против злобных угнетателей-норманнов.

Стр. 267. ...Не велела мама мне / Бегать к эльфам при луне...

Первые, чуть переделанные строки детского стихика, под который прыгают через скакалочку или играют в «ладушки»; приводится в сборнике «Стихи матушки Гусыни» (под номером 344).

В исходном виде стишок звучит так:

Не велела мама мне
К цыганам бегать при луне:
А не то, мол, так и знай,
Ты получишь нагоняй!

Стр. 272. Верзила — три могильных холма характерной двусмысленной формы, один продолговатый и два круглых по бокам, — сыграл важную роль в романе «Дамы и господа»: когда эльфы в очередной раз вторглись в Ланкр, нянюшка Ягг спустилась через погребальные камеры в Ланкрские пещеры, что являлись своего рода тропой между мирами, отыскала Короля эльфов и потребовала от него остановить нашествие. В Ланкрском фольклоре это место ассоци-

ируется с мужским началом и с древними обрядами плодородия. В Круглом мире ему соответствует другой Верзила — Уилмингтонский, в Восточном Сассексе; это не могильник, но меловая фигура на склоне холма Уиндовер, но и с этим Верзилой, как и с его собратом из Ланкра, связан культ плодородия и плодovitости (см. комментарии к роману «Платье цвета полуночи»).

Что до могильных холмов, в Англии они представлены в большом количестве, причём самых разных форм и самого разного времени, квадратные, круглые и длинные; есть могильники доисторического периода и Древнего мира, начиная с позднего неолита и вплоть до конца бронзового века, а также и железного века; есть могильники англосаксонского периода. В число самых известных входят курганный некрополь Саттон-Ху, внутри которого была обнаружена погребальная ладея англосаксонского короля VII века; Кузня Вейланда в Оксфордшире (о ней см. комментарий к роману «Маленький свободный народец»; неолитический Уэст-Кеннетский могильник в Уилтшире, неподалёку от Эйвбери. Этот длинный (около 100 м) могильник расширяется от западного конца к восточному входу, а в восточной его части расположены пять погребальных камер, по две с каждой стороны, и одна в конце: такая форма (длинный коридор и по две «ёмкости» в его основании) отчасти напоминает двусмысленную геометрию Верзилы.

Стр. 324. *Дунклеостей* (лат. *Dunkleosteus*) — род пластинокожих рыб, крупнейшие морские хищники девонского периода (415—360 млн лет назад). На данный

момент описано около десяти разных видов дунклеостея. Род получил своё название в 1956 году в честь американского палеонтолога Дэвида Данкла (David Dunkle), куратора Кливлендского музея естественной истории. Ископаемые останки этой вымершей рыбы обнаруживаются в Северной Америке, Бельгии, Польше и Марокко. Поскольку от дунклеостея обычно сохраняются только окостенения головы, полную длину его тела определить непросто: голова его больше метра, так что тело явно достигало не меньше шести метров, а некоторые палеонтологи называют цифры 10 и 20 метров (то, что Тиффани показалось «размером с дом»). У дунклеостея были развитые челюсти и большие костные пластины вместо зубов, чтобы дробить панцири других рыб. Мощность его укуса сопоставима с крокодилом; пасть он открывал за 1/50 секунды, в результате чего поток воды просто засасывал в него жертву. Рядом с останками дунклеостея часто обнаруживаются пережёванные кости: возможно, он отрыгивал те, которые не сумел переварить.

Мегалодон (лат. *Carcharocles megalodon*) — вид вымерших акул, одна из самых больших хищных рыб всех времён и один из самых крупных хищников за всю историю нашей планеты; жил, предположительно, в эпоху миоцена и плиоцена (23—2,6 млн лет назад). Возможно, приходится родней современной белой акуле. От мегалодона сохранились только зубы (огромные! 18—19 см по диагональной длине! «сплошь зубы», как скажет Тиффани) и окаменелые позвонки, но даже по ним можно представить себе размеры чудовища: длина мегалодона, вероятно, составляла от

10 до 18 метров, а весил он до 47 тонн. Ископаемые останки мегалодона встречаются повсюду: в Европе, в Северной и Южной Америке, в Австралии, в Новой Зеландии, на Мальте, в Индии и даже в Марианской впадине в Тихом океане. А ещё в изобилии встречаются следы от мегалодоньих зубов на костях его жертв: судя по всему, чудовище питалось очень крупными животными — китообразными, ластоногими, большими рыбами. Сила укуса наиболее крупных мегалодонов, вероятно, достигала 10,8 тонны. Некоторые ученые-криптозоологи считают, что мегалодон мог сохраниться до наших дней и до сих пор обитает где-то в океане. Как бы то ни было, это жуткое морское чудовище, наряду с дунклеостеем, по сей день наводит страх на наших современников в многопользовательской компьютерной игре «Ark: Survival Evolved», а также в мобильной игре «Hungry Shark Evolution».

Эхиноидеи — представители класса иглокожих (лат. *Echinoidea*), проще говоря — морские ежи. Эти существа, в отличие от первых двух, благополучно дожили до наших дней: описано около 940 современных видов, а в ископаемом состоянии эхиноидеи известны с ордовикского периода (от приблизительно 485 до 443 млн лет назад). Основное отличие палеозойских древних ежей от современных заключается в строении панциря: он состоял из слабо связанных между собой пластинок и после смерти животного распадался на отдельные пластинки. Поэтому древних морских ежей практически никогда не находят целыми. По-видимому, пастушья корона Тиффани — редкий образчик сохранившегося целиком панциря.

Стр. 325. Но не более странно, чем провалиться в кроличью нору с колодой карт.

Замечание доктора Хлопстела отсылает нас к знаменитой сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес»: сказка начинается с того, что девочка Алиса погналась за Белым Кроликом, протиснулась в кроличью нору, провалилась словно бы в глубокий колодец и долго падала, пока не попала в Страну чудес. В высказывании Хлопстела смешались начало сказки и её финал: на суде над Валетом Червей под председательством Червонного Короля Алиса объявляет всем присутствующим: «Вы ведь всего-навсего колода карт!» — и «все карты поднялись в воздух и полетели Алисе в лицо» (Пер. Н. Демуровой).

Стр. 333. ...Мы будем сражаться на склонах гор. Мы будем сражаться на скалах. Мы будем сражаться на высоких холмах и в глубоких долинах. Мы никогда не сдадимся!..

Речь Капитана Усмирила перекликается с исторической речью Уинстона Черчилля (1874—1965), премьер-министра Великобритании, произнесённой 4 июня 1940 года перед парламентом после вступления Великобритании во Вторую мировую войну.

Эта речь, в трудный для страны момент (Бельгия капитулировала, французская армия терпела поражение, и возникла угроза выхода Франции из войны), подтвердила решимость Британской империи воевать дальше, если понадобится, то — в одиночку: «Мы пойдём до конца, мы будем биться во Франции, мы будем бороться на морях и океанах, мы будем сра-

жаться с растущей уверенностью и растущей силой в воздухе, мы будем защищать наш Остров, какова бы ни была цена, мы будем драться на побережьях, мы будем драться в портах, на суше, мы будем драться в полях и на улицах, мы будем биться на холмах; мы никогда не сдадимся...» (*Пер. Ann Revniotseva & Mike Revniotsev*).

Вдохновенный призыв премьер-министра — блестящий образец ораторского искусства У. Черчилля — сумел поднять боевой дух нации. Один из друзей Черчилля восторженно писал ему: «Мой дорогой Уинстон, речь эта стоит тысячи орудий и тысячи лет речей».

Как видим, и английский премьер-министр, и предводитель «стариков-разбойников» мастерски владеют ораторским приёмом повтора (и хорошо представляют себе разнообразие рельефа возможных полей битвы).

Стр 338. Вы у меня запомните Железную леди!

В оригинале госпожа Увёртка использует знаменитую фразу Маргарет Тэтчер (1925—2013), британского премьер-министра: «Вы поворачивайте, если хотите. А леди сворачивать не станет» («You turn if you want to. The lady's not for turning»), прозвучавшую в её речи на съезде консерваторов 10 октября 1980 года. Оппозиция выражала недовольство её жёсткой политикой, но «железная леди» категорически заявила, что отказывается идти на попятный. Эта фраза стала своего рода девизом М. Тэтчер и политики «тэтчеризма».

Стр. 339. Добрые соседи — формулировка, которую использует Маграт, является расхожим именованьем фейри в Круглом мире, в частности в Шотландии и в Ирландии. Называть этих грозных и таинственных созданий по имени считалось неразумным и даже опасным. Как объясняет Льюис Спенс, шотландский поэт, писатель и фольклорист, употребление в речи имён сверхъестественных существ раздражает их и навлекает их гнев, ведь если вам известно имя человека или духа, это даёт вам власть над ним. Именно поэтому жители деревень и сёл прибегали к разнообразным иносказаниям и эвфемизмам, тщательно и не без лести составленным, чтобы ненароком не разгневать и не обидеть фейри: «славный народец», «маленький народец», «горный народ», «дивный народ», «добрые соседушки». Но в устах Маграт это не эвфемизм: ведьма требует, чтобы эльфы в самом деле стали людям добрыми соседями или не показывались более в мире людей.

Стр. 343. ...крошечный шажок для девчушки-Фигля, но огромный скачок для всего фигледамского общества.

Терри Пратчетт обыгрывает знаменитую фразу, произнесённую Нилом Олденом Армстронгом (1930—2012), американским лётчиком-испытателем и астрономом, когда он впервые ступил на Луну 20 июля 1969 года в ходе лунной экспедиции корабля «Аполлон-11»: «Это один маленький шажок для человека и огромный скачок для всего человечества».

Содержание

Перевод некоторых слов и выражений Нак-Мак-Фиглей	7
Пролог. КОРОНА ХОЛМОВ	11
Глава 1. ТАМ, ГДЕ ВЕТЕР	14
Глава 2. ГОЛОС В ТЕМНОТЕ	43
Глава 3. МИР ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ	57
Глава 4. В ДОБРЫЙ ПУТЬ — И ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ	78
Глава 5. НОВЫЕ ВРЕМЕНА	96
Глава 6. ВЕЗДЕ ПОСПЕТЬ	117
Глава 7. СТИХИЯ	133
Глава 8. «БАРОНСКИЙ ГЕРБ»	148
Глава 9. ЗАКЛИНАТЕЛЬ КОЗ	166
Глава 10. СОКРОВИЩЕ	174
Глава 11. ГОРОД	196
Глава 12. ЭЛЬФ СРЕДИ ФИГЛЕЙ	217

Терри ПРАТЧЕТТ

Глава 13. ШАЛОСТИ И НЕ ТОЛЬКО	233
Глава 14. ПОВЕСТЬ О ДВУХ КОРОЛЕВАХ	246
Глава 15. ЛОГОВО БОГА	265
Глава 16. ХОХОТУН ВБОКВЕЛЛ	292
Глава 17. ВЕДЬМЫ СПОРЯТ	308
Глава 18. ПАСТУШЬЯ КОРОНА	327
Глава 19. МИР	353
Эпилог. ШЁПОТ ХОЛМОВ	362
Послесловие	369
Благодарности	372
Комментарии	373

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание
адеби-керкемдік баспа

Для среднего школьного возраста
орта мектеп жасындағы балаларға арналған

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ. ПЛОСКИЙ МИР: ВЕДЬМА ТИФФАНИ БОЛЕН

Пратчетт Терри

ПАСТУШЬЯ КОРОНА

(орыс тілінде)

Ответственный редактор *Т. Суворова*
Редактор *И. Лутикова*
Младший редактор *О. Федулочева*
Художественный редактор *Д. Сазонов*
Технический редактор *О. Лёвкин*
Компьютерная верстка *А. Щербакова*
Корректоры *М. Мазалова, Н. Сгибнева*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылған

Дата изготовления / Подписано в печать 06.09.2017. Формат 60х90^{1/16}.
Гарнитура «QuantAntiqua». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,0.
Тираж 6000 экз. Заказ 8476

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо». Адрес: 142701, Московская область, Ленинский р-н,
г. Видное, Белокаменное шоссе, д. 1. Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Нижний Новгород. Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, улица Карпинского, дом 29, бизнес-парк «Грин Плаза».
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). E-mail: reception@eksmonn.ru

Санкт-Петербург. ООО «СЗКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru

Екатеринбург. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбург. Адрес: 620024,
г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2щ. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).
E-mail: petrova.ea@ekat.eksmo.ru

Самара. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре.

Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».
Телефон: +7 (846) 269-66-70 (71...73). E-mail: RDC-samara@mail.ru

Ростов-на-Дону. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44 А. Телефон: +7(863) 303-62-10. E-mail: info@rmd.eksmo.ru

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 В. Телефон: (863) 303-62-10.
Режим работы: с 9-00 до 19-00. E-mail: rostov.mag@rmd.eksmo.ru

Новосибирск. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске. Адрес: 630015,
г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7(383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

Хабаровск. Филиал РДЦ Новосибирск в Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск,
пер. Дзержинского, д. 24, литера Б, офис 1. Телефон: +7(4212) 910-120. E-mail: eksmo-khv@mail.ru

Тюмень. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени.

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени.
Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алябашевская, 9А (ТЦ Перестройка+).
Телефон: +7 (3452) 21-53-96 / 97 / 98. E-mail: eksmo-tumen@mail.ru

Краснодар. ООО «Издательство «Эксмо» Обособленное подразделение в г. Краснодаре
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре

Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02).

Республика Беларусь. ООО «ЭКМО АСТ Си энд Си». Центр оптово-розничных продаж
Cash&Carry в г. Минске. Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск,
проспект Жухова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outleto». Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92.

Режим работы: с 10-00 до 22-00. E-mail: exmoast@yandex.by

Казахстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, 3 «А».
Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91, 92, 99). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073 г. Киев, ул. Вербова, 17а.
Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый юнион» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-699-89716-2

Сэр Терри Пратчетт (1948 — 2015) — культовый автор юмористического фэнтези, лауреат бесчисленного количества премий, удостоенный за вклад в литературу рыцарского звания. Суммарный тираж его книг, вышедших по всему миру, превышает 60 млн экземпляров. Роман «Пастушья корона» завершает самый знаменитый цикл Терри Пратчетта — «Плоский мир» — и является последним романом автора.

Так случилось, что юная ведьма Тиффани Болен оказалась ответственной сразу за два удела. Это значит не только в два раза больше забот, но и постоянное внимание других ведьм — справляется ли она? Не нужна ли ей помощь? Ведь все знают, что ведьма, которая сама не решает свои (и чужие) проблемы, настоящего уважения не заслуживает. Или... нет? И просить о помощи вовсе не стыдно? А пока Тиффани носится на метле туда-сюда, границы реальности дрожат под напором тех, кто давно уже мечтает вернуться в мир людей. Мечтает как следует развлечься и устроить блистательную победоносную войну... И именно Тиффани должна подготовить им достойную встречу!

Пятая книга о Тиффани Болен,
сорок первая книга цикла «Плоский мир».

Книга - лауреат премий Locus Award,
Deutscher Phantastik Preis, Dragon Awards.

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!